ПЁТР ЧАЛЫЙ

ГДЕ ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

АО «Воронежская областная типография» Воронеж 2021 УДК 821.161.1-4 ББК 84(2=411.2)6-4 Ч 12

> Издание осуществлено при финансовой поддержке Департамента культуры Воронежской области

На обложке книги — репродукция картины Григория Гайдадина «И поле широко, и небо высоко...»

Ч 12 Чалый П.Л.

Где душа с душою говорит. Литературно-документальные повествования, рассказы. – Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2021. – 224 с.

В книге представлены малоизвестные или вовсе не известные страницы историко-культурного наследия отчего края автора. Географически край означен как юг Центрального Черноземья России, исторически — как Воронежская Слобожанщина. В донской степи на перекрёстке языковых наречий и дворянского, крестьянского, казачьего лада-уклада рождалась и выплавлялась славянская — русская и украинская — культура в её неповторимом богатом многообразии. С её миром нерасторжимо биографически и творчески связаны классики русской литературы А.П. Чехов, М.А. Шолохов, украинской литературы Е.П. Плужник, историк Н.И. Костомаров. В.Г. Чертков, издатель и друг Л.Н. Толстого, при поддержке писателя создал в своём имении в Воронежской губернии издательство «Посредник», в котором готовили к печати книги для просвещения народа.

Интересно и значимо творчество наших современников – литераторов, художников, краеведов, – обогащающее наши знания о милой малой и большой Родине, утверждающее в каждом из нас любовь к Отечеству.

Книга адресована человеку читающему, думающему и искренне любящему Слово.

УДК 821.161.1-4 ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-4420-0898-2

П.Д. Чалый, текст, 2021.

АО «Воронежская областная типография», 2021.

Предисловие

С книгой не расставайтесь!

Можно кивать на НТР. Бывшее в ходу слово-сокращение нынче забылось, напомним — научно-техническая революция. Сейчас киваем и утверждаем: победа Интернета неизбежна. Печатное слово неминуемо канет в лету...

Подумаем: если такое действительно случится, то человек, ясно уже любому и каждому, опустится на четвереньки. Тем более, мировая идеология «в три глотки — хлеба и зрелищ!» со страшной мощью вдалбливается в наши ещё не до конца иссушённые информационным потоком мозги. Возможно, как раз это и нужно неким тёмным силам, жаждущим повелевать оскотинившимся человечеством.

Как же вовремя осознать происходящее? Как же не угробить, не потерять, а сберечь лучшее? Ту же «умную и вечную» книгу. Как во благо перезагрузить и брать в свои руки информационную «паутину»? Чтобы с уверенностью видеть и знать: человек по-прежнему звучит гордо.

Без поддержки всерьёз «незалежного» государства не обойтись. Если в развитие Интернета, цифровых технологий оно вкладывает бешеные деньги, то почему бы не отщипнуть от них часть средств на сбережение печатного слова и сохранение его волшебной силы в благородном деле образования и воспитания «государственного жителя», без которого народ не народ, а население. электорат.

Говорить об этом государственным мужам обязано писательское сообщество. Говорить, прежде всего, радея не за себя, от имени наших классиков отечественной литературы, гордости мировой культуры.

Они с нами.

Зайдём в ещё уцелевший книжный магазин. Пушкин и Лермонтов, Достоевский и Толстой, Некрасов и Чехов, Есенин и Шолохов мудрыми глазами смотрят с достойных обложек.

Они и не с нами.

Торговая полка ушлым лавочником ловко превращена в музейную.

Чуден наш рынок вот уже третий десяток лет. На глазах – изобилие всего и вся, поскольку – стукнем по карману – не звенит, стукнем по другому – не слыхать!..

Как вроде некто платит «бизнесмену» только за то, чтобы та же книга, коли о ней речь, железобетонно нетронуто красовалась на полке, чёрно отмеченная запредельными ценами.

А ведь ещё в памяти иные времена. Столичные «книжные лавки» на Новом Арбате или Невском проспекте были столь же посещаемы, без преувеличения, всей страной, как ГУМы, ЦУМы, Пассажи. И без свёртка с книгами никто не уходил.

В моём журналистском рассказе «из старого блокнота» — самая что ни на есть глубинка. Районный посёлок Ольховатка, край Воронежский. Торговые ряды опояской у Дворца культуры сахарников.

Сегодня в это трудно поверить: в 1950—1980-е годы тут если не самым, то очень посещаемым был книжный магазин. И не только потому, что здесь «из воронежских недр» пошёл род Антона Павловича Чехова. А ещё эти места связаны с именем Александра Дмитриевича Черткова, подарившего Москве историческую библиотеку «Россика», богатую редкостными старинными рукописями и книгами о русской и славянской истории.

В Ольховатке просматриваю новинки и невольно слышу разговоры хозяйки книжного магазина с покупателями.

- Для Постояловской школы книги уже упаковали?
- Готовы. Вот, пожалуйста.

Мужчина поблагодарил и подхватил плотно увязанные пачки, направляясь с ними к стоящему у крыльца «жигулёнку».

Из разговора с продавцом Лидией Андреевной Михайленко выяснилось, что заходил директор сельской восьмилетней школы Николай Яковлевич Диканский. Увёз он с собой не учебники, а литературу для сельского книжного КИОСКА, существующего на общественных началах.

Лидия Андреевна рассказала:

– Наш книжный магазин, по сути, единственный в районе. В небольших сёлах открывать их нет смысла. Правда, передаём мы комплекты книг в сельские магазины «Товары повседневного спроса», но там они зачастую пылятся в завалах. И продавцы не очень стараются их сбыть: выручки-то от них никакой. Вот мы и привлекли на помощь учителей, школьников, врачей. Открыли уже шестнадцать книжных киосков. В сёлах Дроздово, как и в Постояловке, содержать такой киоск нам помогает директор средней

школы Леонид Фёдорович Елецких, в районной больнице ведает им заведующая аптекой Ирина Андреевна Кравченко...

В Ольховатку на встречу с читателями приехал из Воронежа поэт. И первыми его пригласили в гости продавцы книжного магазина.

Стали традиционными в книжном магазине встречи читателей не только с литераторами. Весной или осенью сюда не раз приглашались учёные из Россошанской плодово-ягодной опытной станции. Они ведут беседы о садоводстве, дают практические советы по выращиванию сада, по уходу за ним. И здесь же устраивается тематическая выставка-продажа литературы. Быстро расходятся по рукам книги по садоводству, пчеловодству, кролиководству.

В магазине часто встречаешь одних и тех же людей. Постоянные покупатели книг.

- Что нового прислали, Лидия Андреевна?
- Вам, Василий, уже отложила. Смотрите.
- Забираю, забираю. Есть ещё? Я и ребят за ними пришлю, рабочий сахарного комбината Василий Шупрута уходит с пачкой отобранных книг.

Зашла медсестра Нина Григорьевна Каплуновская, она в селе Шапошниковка живёт и в каждый приезд не обходит стороной книжный магазин. Купила книги для детей и на этот раз. Новую литературу по лесоводству унёс Владимир Иванович Полетаев.

 Вы меня звали? – спрашивает покупательница у Лидии Михайловны

Эмма Семёновна Акименко — начальник планово-экономического отдела районного управления сельского хозяйства. Она просмотрела список, полистала брошюры.

- Нужные книги. Эти сразу отложите, по колхозам их отправим. Остальные заберут агрономы, на днях они все соберутся на совещание, я им и посоветую.
- Эмма Семёновна, ещё одна просьба. Тематические планы из издательства прислали, надо заказывать книги на следующий год.

Женщина уносит с собой цветистые тематические проспекты «Колоса», «Россельхозиздата», Центрально-Чернозёмного книго-издательства.

Нынче читательским спросом никого не удивишь. Буквально в каждом доме, в каждой семье сельского жителя есть книги. Они как хлеб, как главная наша духовная пища. При обращении людей к книге важно умело пропагандировать её, способствовать

воспитанию хорошего читательского вкуса. Это как раз и делают, неплохо делают, продавцы сельского книжного магазина в Ольховатке.

За лесопосадкой уже белгородские Ровеньки.

Рукой подать за республиканскую межу. На Украине, в схожем посёлке Марковка Луганской области, та же картина. Вдоль стен – стеллажи с плотными рядами книг на русском и украинском языках на все вкусы. Сбылась мечта поэта Николая Алексеевича Некрасова: пусть не Белинского, но Пушкина и Гоголя народ нёс с базара и читал...

...Перечитал давнюю любопытную блокнотную запись для газеты.

А в эту историю сейчас даже трудно поверить. У соседа на книжной полке увидел томик стихов Тараса Григорьевича Шевченко, изданный в знаменитой серии «Библиотека всемирной литературы». Двести книг с крылатым Пегасом, парящим над земным шаром, — памятная эмблема кисти известного художника-графика Дмитрия Бисти. Меня же заинтересовала дарственная надпись на титульном листе.

«Владимиру Павловичу. Спасибо,

в день 60-летия рождения от Коломойцевых.

19.7.72. Город Россошь».

Обоих моих земляков я хорошо знал. Фронтовики. Владимир Павлович создавал вместе с трудовым коллективом крупнейшее в России государственно-колхозное птицеводческое объединение, немало лет руководил им. Коломойцев Иван Максимович работал председателем исполкома Россошанского районного Совета.

По-нынешнему времени удивительно — в столь памятную для юбиляра дату дорогим подарком стала книга!

Как тут не вспомнить незабвенного Александра Трифоновича Твардовского:

«Какие были времена! Какие люди были!»

Было.

И как есть сейчас?

В наши дни постараемся услышать слово писателя-классика в современной русской литературе. Вчитаемся в страницу начальной книги его нового романа «Великая княгиня».

...«О Киев, Киев, гордый град! Есть ли в подлунном мире тебе подобный?!»

Взойди, русич, на самую высокую киевскую гору, крикни в глубь небесную, в ширь земную, да так, чтобы голос твой покатил на

могучих плечах батюшка Славутич до моря Русского и за моря, в страны далёкие, в страны незнаемые и вспять, навстречу вечному стрежню под белоткаными парусами ветров, к морям студёным... И там, и там широко раскинулась земля Русская. На берега древних царствий выплеснулась, рассыпала золотые города по скифским прадедным степям, пролегла вольно вдоль Сурожского моря, воздвигла город десяти тысяч дорог — Тьмуторокань, рудознатный град Корчев воздвигла, обложила вольно греческие полисы, облегла Хорсонес — столицу изначальной, древнейшей Руси, возложила дань на Византию и мир ей дала...

В сторону полуночную, до морей студёных и за те моря распахнулась Русская земля, и на восход солнца— до Железных гор, и на Заход— до Красных гор... В центре неизмеримых пространств воздвиг Вседержитель на самой высокой вершине круч днепровских жезл-кий— ось всех земель Русских об одно коло. От кия, в твердь земную уходящего и в небо указующего, зовётся с незапамятных времён град Киевом.

«О Kueв, Kueв, гордый град! Есть ли в подлунном мире тебе подобный?!»

Это, согласимся, не совсем привычная для текущего литературного процесса сказовая проза старейшины русской литературы Юрия Николаевича Сбитнева. Проза берёт начало в живом народном языке. И в ней — «всё понятно, всё на русском языке».

О писателе. Он родился 8 октября 1931 года в городе Верея под Москвой. Работал на Подольском химико-металлургическом заводе. Служил в Советской армии. Учился в Литературном институте имени Горького. Работал в журнале «Смена», в редакции литературно-драматического вещания Всесоюзного радио, в журнале «Огонёк». С 1975 года перешёл на творческую работу.

Многие годы Юрий Соитнев жил и работал в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Памире, в Подмосковье. Писал о прошлом и текущих днях. Его книги переведены на английский, польский, чешский, немецкий, болгарский и другие языки мира. По его сценариям сняты художественные фильмы.

И ещё — всю свою жизнь писатель посвятил изучению летописного наследия Древней Руси. Этот многолетний, а в последние годы просто затворнический труд завершился написанием романа-дилогии «Великий князь». Герой романа — Игорь Черниговский, князь-миротворец, ставший жертвой предательства в мути княжеских усобиц Киевской Руси XII века, один из первых русских святых, канонизированный православной церковью как мученик. Труды писателя Сбитнева подвигли воздвигнуть в древнем центре Чернигова памятник благоверному князю Киевскому и Чернигов-

скому Игорю Олеговичу, «не с мечом он, с Евангелием. Миротворец... Идут и идут к нему люди ... поклониться, за поддержкой». А в Подмосковье, в Переделкино, у железной дороги на Чернигов воздвигнут храм святого благоверного Игоря Черниговского.

За роман-дилогию «Великий князь» Сбитнев удостоен звания лауреата Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский».

На исходе 2011 года, когда на рабочем столе Юрия Николаевича уже лежали главы нового романа «Великая княгиня», писатель переехал на жительство из Подмосковья в Чернигов. «Я никогда не сажусь к письменному столу, прежде чем не увижу воочию, как на экране, те события, какие предстоит написать».

Юрий Сбитнев многие десятилетия занимается изучением «жемчужины» древнерусской и мировой литературы — «Слова о полку Игореве». Его собственное прочтение оригинала 1800 года во многом меняет устоявшееся представление о содержании поэмы, о цели похода Игоря Святославича. Юрий Сбитнев разработал смелую и неожиданную, а, главное, убедительную, версию об авторе произведения. Предварительным результатом этих исследований стала вышедшая в мае 2010 года в Чернигове книга «Тайны родного Слова. Моё прикосновение к «Слову о полку Игореве». Это небольшая, но «томов премногих тяжелей», книга, которую Юрий Николаевич называет «духовным конспектом» к роману «Великая княгиня», вторую книгу которого он завершает.

Работая над «Княгиней», одновременно Сбитнев вместе со своей помощницей — подвижницей Ольгой Владимировной Гринёвой дополнили и подготовили к переизданию расширенный вариант книги «Тайны родного Слова».

* * *

Влюблённый в прозу Сбитнева, писатель и журналист, его близкий друг, москвич Алексей Тимофеевич Широков, как мог, поддерживал его. Поддерживал – словом и делом.

«Нам ещё предстоит осознать, — писал он, — что это за явление такое — Юрий Сбитнев. Без малого семьдесят лет занимается он исследованием величайшего творения древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». Ему, большому знатоку древней письменности, удалось в одиночку раскрыть не только непонятные, «тёмные» места поэмы-песни, но и имя автора, над чем на протяжении двух с лишним веков безрезультатно бились целые институты исследователей. Многолетнее общение с ним убеждает меня,

что Природа наделила его особым даром постижения, казалось бы, непостижимого, и его проникновение в тайны загадочного «Слова о полку...» — подтверждением тому. Автором поэмы, по убедительному доказательству Юрия Николаевича, является образованнейшая женщина своего времени, талантливый летописец, княгиня Болеслава, дочь Великого князя киевского Святослава. Она близкая родственница князя Игоря, его ровесница, единомышленник, росли они вместе в Чернигове и Новгород-Северске. Когда Болеслава вышла замуж за сына галицкого князя Ярослава, а Игорь женился на дочери того же князя Ефросинье (в поэме она Ярославна), они вновь вместе. Хорошо знала она его. Он и стал героем её поэмы.

Роман «Великая княгиня», посвящённый Болеславе, это, по сути, продолжение предыдущего — романа-дилогии «Великий князь» о благоверном князе Черниговском и Киевском Игоре. И как там — князь никогда не был черниговским, а киевским всего лишь несколько дней, но, причисленный к лику святых, остался навеки именно Черниговским и Великим Киевским, так и здесь — княгиня Болеслава, прославившая свой век бессмертной поэмой, названа Великой.

Начиная писать эту книгу, Юрий Сбитнев уехал из древнего подмосковного Талежа в Чернигов. Там его корни, оттуда пошёл род Сбитневых: деды, прадеды, прапрадеды жили в городах Северщины, оставив заметный след, что отражено в местных музеях. Но прежде-то всего потому он уехал, что там проходили события, о каких предстояло написать. Там и архивы с древними писаниями, и сохранившийся в народном речении язык, и памятники прошлого, свидетельства жизни героев будущего романа. Не счесть городков и усадеб, какие объехал писатель, по крупицам собирая нужные сведения, достоверно установил, что «Слово о полку Игореве» долго хранилось в черниговском княжеском роду, к которому принадлежала Болеслава».

От себя добавлю: романы Юрия Сбитнева есть не только погружение во тьму веков, есть не только новое своеобычное видение истории Древней Руси, но и открытие истинного русского слова, которое, слава Богу, в каждом из нас живо и поныне.

Хочется верить, что взгляд писателя на славные дела великих наших предков поможет нам познать историю нашу. Познать её героев, в ряду которых — благоверный князь Черниговский и Киевский Игорь, какой боролся с междоусобицами древнерусских кня-

зей и положил свою жизнь на алтарь Родины. Познание истории Отечества в чём-то поможет нам, восточным славянам, перемочь и нынешние распри, раздоры, нынешнюю смуту в душе и в яви...

Издание книги Юрия Николаевича Сбитнева «Тайны родного Слова» — тоже труд неожиданный и удивительный. Веками поколения учёных и литераторов ломали головы и свои пишущие — печатающие — «перья» над загадками «Слова о полку Игореве». Писатель Сбитнев, патриарх и классик современной русской литературы, рассказал о своём прикосновении к древнерусской жемчужине. Он подтвердил ещё и ещё раз, что всё гениальное всегда просто. Убедительные ответы на вопросы к «Слову» Юрий Николаевич искал всю свою долгую творческую жизнь и нашёл их в живой народной речи — белорусской, украинской и русской. Ведь писатель опирается на живой народный язык при прочтении «Слова». А романами доказывает, что так называемый древнерусский язык жив и понятен читателю...

О своих раздумьях Юрий Сбитнев кратко и ёмко сказал во вступительном слове к читателю.

«Из дальней дали прошлого бытия, из общей Родины трёх равновеликих народов, из корневых глубин общего для них языка пришло к нам, потомкам — белорусам, украинцам и русским, — величайшее деяние Древней Руси — «Слово о полку Игореве». 825 лет минуло с тех пор, когда гениальный автор начертал последнюю буквицу в рукописи, ставшей Духовной Вестью для наших предков, их потомков, для нас, ныне живущих, и тех, кто придёт за нами, пока будет нести миру только Добро и Свет древнерусская Троица — Украина, Белоруссия, Россия...

Задумайся, читатель, какое это поистине величайшее чудо — возникновение из единого целого трёх равновеликих народов, у каждого из которых вначале было Слово!

С душевным трепетом передаю тебе, мой читатель, своё прикосновение к этой Тайне.

Ю. Сбитнев.

Чернигов. Травень. 2010 г.»

Алексею Тимофеевичу Широкову, по его признанию, посчастливилось быть свидетелем рождения «древнерусского» цикла книг писателя, «беседуя» с Юрием Николаевичем в письмах.

И тут он взялся помочь ему в том, чтобы книги «вышли в люди». Написал и издал на собственные средства книгу о Сбитневе «Вечный ЮС». Обнародовал её в Интернете в читаемых сетевых изланиях.

Занялся продвижением романов писателя на книжные прилавки.

Об этом Алексей Тимофеевич рассказывал мне тоже в письмах.

27 февраля 2018. Москва.

...Реализацией книги «Великая княгиня» я занимаюсь с самого начала, её московское издание полностью на мне: и договор с издательством заключал, и к распространению имею отношение. Она продаётся в нескольких магазинах, и они по требованию получают её со склада. Другое дело, что покупают её плохо, требуется широкая действенная реклама, требуется присутствие автора, его встречи с читателями, а этого нет. Я знаком с Вашим предложением доставить книгу в Черноземье, но, во-первых, возьмутся ли там местные магазины за её реализацию, во-вторых, как доставить? Издательство может переслать, но за счёт автора, что для Сбитнева неприемлемо. Пусть уж будет так, как есть, всё же продаётся, потихоньку разойдётся. Я его успокаиваю. С уважением АШ.

Вторник, 13 марта 2018.

...О Сбитневе. «Обретение Слова» у них с Ольгой (он записал её в соавторы) давно готово, и предисловие я написал, оно ему очень понравилось. Есть и предложение из Киева опубликовать книгу. Но он задумал написать заключительную главу (что-то вроде толстовского «Не могу молчать»), а сам не пишет. «Я должен сначала закончить Княгиню!» — упёрся и всё тут, никакие доводы не принимает. Это ж, говорю ему, главный труд всей твоей жизни. Согласен. Но продолжает своё. Так что подождём.

Роман «Княгиня» его, если бы доставить её в книжные магазины, Вы правы, не залежалась бы на полках, как, впрочем, и в других отдалённых от Москвы городках, но как доставить её туда. Нет в стране такой службы, и спонсора такого не найдёшь. Земляки Ю.Н. из города Чехова намерены закупить в издательстве 200 экземпляров для библиотек города — это будет отлично. Вроде бы всё уже решено, о безналичном расчёте речь идёт. Так, смотришь, и разойдётся книга. АШ.

Среда, 14 марта 2018.

…Я сейчас занимаюсь переправкой книги «Великая княгиня» в Чехов. Надо по доверенности Ю.Н. забрать 200 шт. (105 кг), отвезти в Чехов, а чеховцы перечислят ему на счёт деньги — так будет для них дешевле, нежели покупать в Москве.

ЮС, конечно, уже не богатырь: ноги порой нестерпимо болят, массаж почти ежедневно делают, и устаёт быстро, лишь на несколько часов хватает. Ходит с трудом. Если на улицу, то в сопровождении Ольги и её мужа. Но смотрит на всё это очень бодро.

И пишет по-молодому живо, хотя и очень медленно. Я пересылаю ему читательские отзывы (и Ваш в том числе) — это его очень поддерживает, ведь оценивают, по сути, не мою книжонку, а его работу, его творчество. На том и стоим! АШ.

27 июня 2018. Россошь.

Здравствуйте, Алексей Тимофеевич! Сочувствую — в Вашем преклонном возрасте заниматься доставкой книг из типографии покупателю — это подвиг. Охамели вконец чиновники! Напиши книгу, сам издавай и рекламируй её, сам распространяй. Системы государственных закупок книг у автора нет. В торговле налогообложение на литературу, по-моему, приравнено к колбасе. Я десятилетия по крупицам собирал биографические сведения о поэтах-земляках — Евгении Плужнике и Алексее Прасолове. Сложилась книга «Зимний листопад» об их жизни и судьбе. Скопил деньги, хорошо издал её — редкостные фотографии, документы. Принёс в сетевой книжный магазин. У меня берут экземпляр за двести рублей. Предупреждают: после продажи книги деньги вернём с налоговым вычетом. А на прилавок выставили за 360 рублей. Кому из книголюбов покупка нынче по карману?..

Вашу книгу о Ю.Н. Сбитневе прочитали и я, и жена сразу же с большим интересом. Спасибо. Вы нам открыли Юрия Николаевича как писателя и человека. Имя его мне было знакомо с 1970-х годов. Но всерьёз обратился к его творчеству, когда узнал, что в Чернигове вышла книга «Тайны «Слова»». Черниговский мой надёжный друг разыскал её и выслал. Читал и перечитывал неоднократно, поскольку сам с детства очарован «Словом». В домашней библиотеке есть целая полка изданий «Слова» и литературы о нём. Вроде знал многое. И путь Сбитнева к познанию «Слова» через живую народную речь меня не удивил. Схоже размышлял мой старший друг – земляк и поэт, журналист Михаил Фёдорович Тимошечкин. К тому времени, когда мне попала в руки книга Сбитнева, друг лишился зрения. Зимними вечерами по телефону читал ему постранично «Тайны», обсуждали тут же. В писателе неожиданно встретили единомышленника. А вот имя автора «Слова» нас сразило. И поиск, и доказательства, как всё гениальное, просты и понятны. Во всяком случае, не понятно, почему московские журналы отказались от публикации трудов Юрия Николаевича. Верю, Ваша книга «Большой ЮС» – та самая капля, какая, в конце концов, источит эту непробиваемую стену-плотину...

Ещё раз спасибо за книгу. Добра Вам и Вашей семье... С уважением, П. Ч. Среда. 12 сентября 2018.

Дорогой Пётр Дмитриевич! Большое спасибо за доброе письмо... Юрий Николаевич «Княгиню» пишет очень и очень медленно, одолевают боли, а впереди самое сложное, для автора тяжёлое – княгиня Болеслава булет создавать «Слово о полку ... Игореве»...

А ещё Юрий Николаевич возлагает на сервер (торговый книжный) большие надежды в плане выхода к российскому читателю. Хотя, я уже убедился, это, в общем-то, обычный интернет-магазин, продающий книги в электронном виде, и как пойдут они – одному Богу известно. Книг Ю.Н. в интернете и без того достаточно, но вон с каким скрипом шла его «Княгиня». Спасибо, выручили земляки, забрали почти весь тираж для библиотек. Но не будем терять надежду на грядущие перемены и в отношении читателя к книге. Обнимаю душевно, АШ.

Понедельник, 1 октября 2018. Дорогой Пётр Дмитриевич!...

Оля продолжает размещать в интернете изданное и неизданное Юрия Николаевича. «Биография души» – стихи (предисловием стало моё из «Вечного ЮСа»). «Девочка» (первая половина была опубликована в журнале «Кубань»). Ю.Н. давненько помалкивает. Оля написала мне: «Всё хорошо, он пишет Вам письмо». Да, тяжело пишется нам. На следующей неделе ему 87, мне это уже было летом – во, какие мы старые! Книжечка моя о нём хорошо рекламируется (одним интернет-магазином), а уж как идёт она – не узнать, она под заказ, в одном мне сказали: «У нас не было заказа – может, в других наших магазинах». В другие я не ходил. Так и Юрию Николаевичу интернет-магазин никогда не

20 декабря 2018. Россошь.

Дорогой Алексей Тимофеевич!

скажет, сколько продано. Обнимаю душевно. АШ.

...Юрий Николаевич что-то не отвечает. Если пишется, если рождается «Великая княгиня», то хорошо. Лишь бы текущие раздоры на Украине не сломили. Он ехал в Чернигов с мыслью «войти» в Древнюю Русь, а стал свидетелем схожих трагических лет. Думаю, нелегко ему сейчас, неуютно на душе... И ничем не поможешь. Только «Слово» ему поддержкой. Дай Бог ему сил!

...Дорогие Марина Семёновна и Алексей Тимофеевич, с наступающим Новым годом Вас! Пусть он будет к нам милостивым! Побольше светлых счастливых дней. Сердечного тепла и добра Вашему дому! Поклон Москве. Искренне, Пётр.

23 февраля. Россошь.

Здравствуйте, Алексей Тимофеевич!

...Встретился с другом из Чернигова. Рассказал он о том, что жизнь у них тяжеловатая. Учительская пенсия в переводе на наши деньги — от четырёх до пяти тысяч рублей. Всё съедает коммуналка. Приходится быть очень замкнутым. Памятники почти все свалили. Добрались к Пушкину. Даже пытались раскурочить мемориал М.М. Коцюбинского. Не знаю, как там держится Юрий Николаевич. Письмо от него получал, кажется, ещё в декабре. Дай Бог ему сил и здоровья!

Среда, 8 мая 2019. Москва.

...Юрий Николаевич разместил в «Фейсбуке» стихотворение «Прощальное» — очень оно меня удручило. Мотивы такие в стихах у него проходили и ранее («Метёт в Руси невиданная вьюга со всех сторон, опять в стране раздор подъемлет род на род, и снова на костёр восходит мой народ...»), но сейчас я принял это с особой болью. В отчаянии большой художник! К тому же с «Великой княгиней» никак не наладится. Недавно обрадовал: «Пишу первую главу заключительной части. Очень трудно, но радостно». А вчера: «Зарылся я в житье Болеславы, как крот. И, увы, пока слеп». ...слишком сложна тема — показать, как рождалось гениальное произведение. Обнимаю. АШ.

28 августа 2019. Россошь.

Дорогой Алексей Тимофеевич, здравствуйте! В мае я писал Вам о цветущих абрикосах. В июле-августе сыпались они у подъезда «ньютоновскими яблоками» на наши головы.

...Прочёл я присланные Вами грустные стихи Юрия Николаевича. Остаюсь в неведении о его делах: подвинулась ли работа над «Княгиней»? Издаётся ли книга о «Слове»? Если Вы получаете от него какие известия, то сообщите. Буду признателен. Я же высылаю электронную версию августовского номера воронежского журнала «Подъём». Выпуск посвящён юбилею писательской организации. На его страницах Вы встретитесь со своими старыми знакомыми.

...Надеюсь, что у Вас с Мариной Семёновной лето прошло спокойно. Сердечного тепла и добра Вам! Пётр.

4 сентября 2019. Москва.

Доброго времени суток! Пишет Вам дочь Алексея Тимофеевича Наталья. 10.08.2019 года отец покинул нашу грешную землю. Похоронен на Хованском кладбище.

С уважением, Широкова Наталья.

12 сентября 2019. Москва. Дорогой Пётр Дмитриевич!

...По поводу биографических сведений моего отца. Почему-то Богу было угодно, чтобы точная дата рождения его не была бы известна. Существует семейное предание, что родился он летом. во время сенокоса, поэтому родителям было не до регистрации ребёнка в ЗАГСе. Когда же они, наконец, поехали регистрировать своего четвёртого сына, его мама Евдокия Евдокимовна. в девичестве Лобачёва, уже забыла точную дату. Поэтому волевым решением отца Тимофея Леонтьевича Широкова в метрике было записана дата 28.08.1931 года. Закончив среднюю школу в селе Матышево Волгоградской области, будучи уже коммунистом, отец поехал поступать в Москву, кажется, в Литературный институт, но не прошёл по конкурсу, и ему посоветовали поехать в Калинин. Я могу что-то путать, но основные вехи его биографии таковы. Окончил Калининский педагогический институт. Был направлен по распределению в Казахстан (это я сокращаю рассказ), но вскоре его забрали в армию. После армии он комиссовался по здоровью и вернулся в Россию, в город Клин, где жила его молодая жена. Там его взяли на работу в горком партии, а затем в газету «Серп и молот». В 1965 году семья переехала в город Долгопрудный. Отец перешёл работать в газету «Гудок», возглавил отдел пропаганды. В период гласности отец недолго был и.о. главного редактора, заработав себе первый инфаркт. Через несколько лет у него случился второй инфаркт. После врачи запретили ему работать, и он вышел на пенсию и стал заниматься любимым делом: писать рассказы, очерки и статьи в газеты. Это вкратце... С уважением, Наталья Широкова».

Алексей Тимофеевич в книге о друге «Вечный ЮС» писал: «Отношение нынешнего государства нашего к литературе удручает. Отказалось оно от верных своих советников — писателей. Были и хорошие, и плохие — всякие, выступали некоей оппозицией властям, но писали о реальном и так или иначе выражали мнение общества, народа, а уж власть, если она умная, сама делай выводы. Ныне совсем другое — всё более далёкое от жизни, выдуманное, часто извращённое, в лучшем случае развлекательное, а то и просто на потребу низкого вкуса. Сама жизнь подталкивает к тому. Потому что её подчинили «мамоне». Иные издатели, не скрывая, цинично заявляют: «Мы делаем не книги, а деньги». Книжное распространение полностью отдали торговле, и она тут же превратила книги в товар, принимая к продаже лишь ходовые, сопровождая их обманной по своей природе рекламой. Читатель, получив раз-другой в красивой обёртке совсем непо-

требное, уже не верит ей, не верит и газетным рецензиям, которые сейчас в основном подаются в стиле реклам. Не верит даже авторским аннотациям. А на магазинных полках хорошие книги, если и приняли их, лежат где-то на заднем плане, заставленные расцвеченными, зазывными, как гетеры, обложками. И если не стоит за спиной автора оборотистый бизнесмен, а у самого писателя нет средств на продвижение своего «товара», если о книге его не сообщают яркие дорогостоящие плакаты на придорожных щитах, на автобусных остановках, на стенках вагонов метро и электричек, на стендах в книжных магазинах, – книги его так и будут лежать незамеченными, читатель не знает о них. Где выход из этого порочного круга? Похоже, его никто и не ищет».

Похоже, Алексея Тимофеевича услышали.

Из средств массовой информации. На форуме «Книжная осень в Архангельске» 21-23 октября 2019 года состоялась открытая дискуссия «Современная книга: проблемы издания, распространения, продвижения». Примечательно, проходила она на родине Михаила Васильевича Ломоносова в рамках подготовки к 100-летию со дня рождения русского писателя Фёдора Абрамова. В разговоре участвовали писатели, книгоиздатели, библиотекари, а ещё — председатель Союза писателей России Николай Иванов, вице-президент Ассоциации книгоиздателей России Олег Филимонов, председатель президиума фонда «Возрождение Тобольска» Аркадий Елфимов, директора издательств из Кирова, Иваново, Рыбинска.

Говоря о роли писателя в жизни общества, губернатор Игорь Орлов подчеркнул:

– Мы должны понимать и осознавать, что не боевики и детективы должны занимать главные полки в наших библиотеках. Основная функция книги была и остаётся одной – она воспитатель...

...Воронежцы, вспомним, русский поэт Иван Саввич Никитин взялся за книжную торговлю «не в видах частной спекуляции». Он открыл «книжную лавку» с благородной целью: просвещение воронежцев, «в особенности знакомство молодёжи, воспитанников местных учебных заведений», с русской и зарубежной литературой. По свидетельству современников, магазин стал читальней и библиотекой.

Было то в середине девятнадцатого века. Сегодня же рядом с памятником Никитину соседом — самый крупный флагманский в Воронеже и области торговый дом книжной сети «Амиталь».

Здесь-то и продолжают давние добрые никитинские традиции по расширению круга друзей книги.

Недавно, в субботний день, в «Литературной гостиной» состоялась премьера новой книжной серии «Любимые» известного московского издательства «Вече». О рождении и предназначении серии говорила одна из её создательниц, гостья из Москвы, уроженка воронежского села Скрипникова писатель Лидия Сычёва:

— Хочется, чтобы наши книги пришли к читателю, чтобы вы, дорогие, вместе с нами творили доброе, прониклись любовью к ближнему — учились и умели любить и прощать, ждать, верить и надеяться на лучшее, радовались счастью, которое есть.

Что немаловажно, участниками беседы были не только собравшиеся на эту встречу, но и все, кто в этот час оказался в книжном доме, стали её слушателями благодаря внутренней радиосети. Книги можно было купить и тут же подойти к авторам за автографом. Так многие и сделали.

...Как не вспомнить и не напомнить слова фронтовика, философа и писателя Арсения Владимировича Гулыги ещё из 1980

года, из его книги «Искусство истории».

«Русское национальное сознание родилось на Куликовом поле, историческое сознание — много позже: одновременно с современной формой словесности. Первым русским историком, обратившимся к массовой аудитории, был создатель русского литературного языка Карамзин. Русская литературная классика и классики русской истории закрепили «связь времён», создали образцы благоговейного отношения к былому. Но в толщу народа это не могло войти по той простой причине, что подавляющее большинство населения царской России было безграмотным.

Октябрь (добавлю: как к нему ни относись — Π . Ч.) принёс с собой культурную революцию. Открылась небывалая дотоле возможность приобщить народ к его истории. Исповедуя интернационализм, мы остаёмся патриотами. Устремляясь в будущее, мы внимательно вглядываемся в прошлое. Опыт истории даст нам уверенность в завтрашнем дне». А эта «живая связь времён» немыслима, в том числе, без КНИГИ.

* * *

Будем надеяться: начало уважительного отношения к книге, к её возвращению в нашу жизнь положено. Всё по присловью: сложа руки, снопа не обмолотишь...

Воронежские Иеховы

На рождественских святках в самый канун Нового, 1878, года жителей слободы Ольховатка Острогожского уезда созвало на сход волостное правление. 622 домохозяина представляли 3125 ревизских душ. Тех, кто занесён в статистический список после очередной переписи-ревизии. Крестьяне-собственники вынесли «мирской приговор», в котором ходатайствовали об утверждении двухклассного училища.

О том, что просьба более чем назрела, свидетельствовал следующий факт. Бумагу для «Его превосходительства господина Директора народных училищ в Воронежской губернии» скрепили собственноручными подписями лишь 14 грамотных. Староста Тищенко и волостной старшина Лангавый «по безграмотству приложили печати». А далее на 15 листах следуют в подбор выведенные с затейливыми завитушками старательным писарем имена-фамилии тоже безграмотных.

Нас в этом списке тогдашнего населения Ольховатки интересует иное. Даже при беглом прочтении глаза обязательно споткнутся на фамилиях «Чеховъ Александръ, Чеховъ Сидоръ». Правда, в то время она ещё в обычном ряду. Тот, кто принесёт ей мировую известность, ещё таганрогский гимназист. С детства полюбив театр, он уже сам корпит над пьесой, какую располагал (смелость города берёт) увидеть на первой, и не меньше, сцене России — в Московском Малом — и с непременным участием знаменитой Ермоловой. Благо, вольному воля, Антон три года оставался в Таганроге «один, как перст». Отец, неисправный должник, сбежал от судебных разбирательств, от долговой ямы в Москву. Вслед за ним туда перебралась семья. Лишь сын остался вначале оберегать дом, пока в нём не поселится новый хозяин, а затем доучиваться в гимназии.

Будто навёрстывая упущенное старшими в роду, Антон Чехов «в неделю по аршину читал». Старичку-библиотекарю надоедало разыскивать заказываемую литературу, потому подсказал заядлому читателю брать книги с полок подряд. «Вот я и отхватывал по аршинчику в неделю, — вспомнит писатель уже после, — очень интересно выходило, все книжки перемешаны были, всякие неожиданности получались». А ещё тот старичок непременно советовал: «Вы бы Костомарова читали». Вроде знал, что Чехов корнями из воронежской Ольховатки и ему будут особенно интересны рассказы о русской истории, написанные именитым земляком.

Но, скорее всего, в рождественский сочельник Антон Чехов склонился не над книгой — над самодельной тетрадью, сшитой из листов с водяными знаками Татаровской фабрики. А вокруг стола в комнатёнке незримо столпились разорившиеся отцы и рано взрослеющие дети — «Богаты мы, едва из колыбели, ошибками отцов и поздним их умом...».

Герои «Безотцовщины» на сцену Малого театра тогда, увы, не попадут. Зато чуть попозже станет гербовым знаком театра «Чайка», взлетевшая на занавес из-пол того же пера. А таганрогская рукопись благополучно переживёт самого автора. Её напечатают, затем и поставят в Праге. Берлине. Париже. Варшаве, конечно, в Москве, Кинорежиссёр, наш современник, вычитает в ней сценарный материал для фильма, какой прозвучит, речь о «Неоконченной пьесе для механического пианино». Дарованию юноши, который впоследствии станет Чеховым, будут дивиться учёные мужи и биографы писателя. И мы, его читатели, а земляки – особенно. Дело в том, что те безграмотные мужики Александръ и Сидоръ, как и нынешние жителиуроженцы Ольховатки, носящие фамилию Чеховых, возможно, не просто однофамильцы Антона Павловича. Пусть дальние-дальние, пусть даже седьмая вода на киселе, но – родичи. Ибо род Чеховых «ведёт свое начало из воронежских недр, из Острогожского уезда». Став москвичом, при встречах с известным тогда издателем Сувориным, родом воронежцем, Чехов отметит: «Всякий раз, когда мы видимся, у нас бывает речь об Ольховатке, Богучаре...».

Если сам Антон Павлович в устных и письменных рассказах о себе оставался скуп, то отец Павел Егорович, «брат своего брата» Михаил Павлович, его сын Сергей Михайлович составили-написали довольно-таки подробно семейную летопись. Да и «какая-то Ольховатка, воронежская глушь», сам Воронеж населены не сплошь, хоть любим прибедняться, Иванами, не помнящими родства. Журналист Валентин Андреевич Прохоров в областном архиве нашёл документальные подтверждения родословному древу Чеховых, уточнил имена предков. Родство потомков по-нынешнему месту жительства разобрал-проследил сельский учитель Пётр Сергеевич Полишко. А секретарь райкома КПСС Георгий Алексеевич Караичев лично власть употребил, создал краеведческий музей с уголком, посвящённым Чеховым. И было это ещё в шестидесятых XX века...

Не просто цветёт, бушует сирень на краю Неровновки. Степное сельцо под Ольховаткой очень соответствует своему названию. И расположилось на всхолмьях по бугру. И жизнь тут течёт неровно: скажем, в шестидесятых в школу ходило до двухсот ребят, по три

десятка учеников в каждом классе, а теперь тридцать на все девять Неровненской малокомплектной, так она называется. В девятом один ученик — Саша Николаев.

Наш провожатый Филипп Фёдорович, ещё крепкий телом старожил, — единственный теперь носитель знаменитой фамилии тут, где на его памяти чуть ли ни полсела было только Чеховых. Пока правились к этому приметному кусту сирени на выгоне, он рассказывал, что гражданскую войну «не захватил, родился позже», что колхозный перелом не помнит по малолетству, а вот Великая Отечественная «стоит в глазах».

— Человек десять Чеховых, мужики, не вернулись, погибли на фронте. После сколько выехало в города. А дома схоронили недавно последнего правнука Владимира Ивановича, его родство с Чеховым-писателем прослеживалось ясно.

Остановились с Филиппом Фёдоровичем у того места, куда он уже не однажды приводил таких же любопытствующих — из газет и журналов, с телевидения, даже из Франции гостя, чеховского поклонника. Сиреневая дикоросль, затравенелые не бурьяном-крапивой, а чистым пыреем бугорок печища и ямка погребка-подвала указывали, что хоть давно, но стояло здесь подворье.

 Тут располагалась маслобойка Артёма Чехова, родного брата деда Антона Павловича. Сыча, по-улошному прозвищу.

Это второе сельское имя семьи позволяет Филиппу Фёдоровичу точно числить себя тоже в родстве с писателем.

- По отцу знаю только деда Ивана Даниловича. А вот мать, она тоже Чехова, Елена Николаевна из «сычей»...
- Судя по всему, ольховатские прямые предки Чехова были людьми одарёнными, в своём роде тоже талантами, слушаю размышления Караичева. Георгий Алексеевич из чудаков, кои мир украшают, кому дороги «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Не кроющий своих чувств патриот Ольховатки, она, родимая, для него пуп земной. Прекрасно знает её историю. Чему можно только искренне завидовать. Будь все мы хоть чугок схожими с ним, многих несчастий избежало бы наше многострадальное Отечество.

Когда Караичева втравишь в краеведческую беседу, а слушать его всегда интересно, то Георгий Алексеевич горячится, заиграют на его лице морщинки. Вроде загодя сомневается, вдруг ты услышанному не поверишь. Говорит громко, напористо, да ещё отрывистыми взмахами руки помогает голосу.

На забывчивость жалуется, по-моему, больше для порядка, дабы подчеркнуть свой восьмой десяток лет. В памяти цепко дер-

жит события, имена и даты из документов, какие находил, изучал в пору создания местного музея.

– Взять из старших родичей хоть брата деда писателя – Артёма Чехова. Ах, как досадно, доподлинно не знаем его биографию. Хотя бы год кончины. Это многое бы прояснило.

Известно нам, подсолнечная маслобойка официального первозачинателя этого дела Бокарева, крестьянина графа Шереметьева из ближней к нам Алексеевки, появилась в тридцатыесороковые годы прошлого века. Артём в ту пору тоже в зрелом возрасте, он с тыща восемьсотого года. Я, например, допускаю, что подсолнечное маслобойство зарождалось не только лишь на усадьбе одного Бокарева. Просто тому крестьянину повезло. Написал любознательный помещик статью о нём, её благополучно напечатали в журнале, вот и остались в истории фамилия, адрес – кто был первым. Согласись, «крёстным отцом» маслобойки можно и нужно считать и Артёма Чехова, и других наших смекалистых мужиков, оставшихся безвестными.

Тем более Ольховатка располагала к подобному изобретательству. В 1834 году у нас пустили сахарный завод. Второй в России. Можно числить почти первым, чуток раньше в Тульской области появилась сахароварня.

Если из буряка вываривали сахар, то отчего бы из подсолнуха не попробовать добыть масло. Мог так рассуждать башковитый мужик? Вполне. Один так мастерил маслобойку. Другой поглядел, сделал иначе. Третий ещё усовершенствовал. А земля слухом полнится. Крестьянский мир ведь жил не замкнуто. Съезжались на ярмарках, по престольным праздникам встречались.

Нет! Убеждён, неровненская маслобойка Артёма Михайловича появилась с бокаревской вровень. На меньшее не согласен.

...Переписываю с блокнота рассказанное Караичевым, а за листом слышу его басок с хрипотцой.

– А родной дед Чехова, чем уступит своему брату? Его, Егора Михайловича, выделил из своих крепостных крестьян хозяин Александр Дмитриевич Чертков. Тот самый, что Москве уникальную историческую библиотеку в наследство оставил. О Черткове особый разговор. Чехову Егору доверил он управлять сахарным заводом. Скорее всего, показал себя мужик ещё при строительстве сахароварни. И этот же Чехов сообразил городить тут скотные базы. Откуда пошли и названия окрестных сёл — Базы Большие, Малые. У завода всегда гора отжимок. А свекольный жом, кому непонятно, — прекрасный корм. То помещику, а то и на свою долю Егор Михайлович, предприимчивый, как сейчас бы сказали, скупал в округе бычков, ставил гурты на

откорм. Отъелись — на ярмарку их. Вот тебе рубли серебром. Те самые 875 числом, три с половиной тысячи ассигнациями, за какие выкупил себя и семью на волю. Заметь, этот крепостной мужик увозил с собой из Ольховатки две скрыни, два деревянных сундука с книгами...

Георгий Алексеевич в своих предположениях, конечно, очень смел. Но во многом с ним соглашаться можно. Человек рассуждает, отталкиваясь от прошлой жизни края, которую он досконально знает.

Кстати, о «сычах». «Сычи» — прозвище неровновских Чеховых в артёмовском колене. При всех различиях кустарных крестьянских заводиков в местах, откуда в мир пошло подсолнечное масло, добывалось оно схоже. Подсолнечные семечки обрушивали. Насколько можно чище отвеивали лузгу. Мололи их и прожаривали на жаровнях. Коржи на горячих сковородках шипят, говоря по-украински «сычат». Отсюда и название им — сычики. А дальше лепёшки из семян заворачивали в домотканое полотно и клали под пресс. Масло или выбивали дубовым клином (откуда пошло — маслобойка), или выжимали тоже в дубовой колоде с приводом не ручным, на конной тяге. Отжимки — сдавленные, а затем ссохшиеся коржи, сероватые цветом и колкие остатками семечковой лузги — жмых, макуха. Тоже пахучее лакомство ребятне, а сейчас — наизнатнейшая привада у рыболова.

Слева речка, справа речка, меж ними хатки под ольхой. Кто из Чеховых выбрал на жительство эту слободу? Наименование здешних селений шло от слова «свобода», вольными людьми считались их жители. Только с Ольховаткой вышла промашка. Она, как и некоторые иные, вскоре оказалась не совсем свободной. В тогдашней приватизации земли тоже не обделяло себя тогдашнее начальство. Бают, переселенцев в пути перехватывали некие агитаторы. В придорожной харчевне за чарочкой настоятельно зазывали сворачивать с развилки дорог у хутора Постоялого вроде туда, где степь оставалась ещё вольной. Обживался человек, а тут вдруг объявлялся истинный хозяин территории – потомок принявшего православие татарского мурзы. Й ты теперь в «крепости» Тевяшовых – командиров Острогожского слободского полка. А дочь одного из них - последнего полковника упразднённого царицей Екатериной Второй полка Степана Ивановича, с каким, кстати, дружен был «наш Сократ», философ Григорий Сковорода, – Дуняша, Евдокия Тевяшова, вместе с приданым перевела тебя уже без спросу под руку губернского предводителя Воронежского дворянства премьер-майора Дмитрия Васильевича Черткова. С их сыном,

владельцем слободы, Александром Дмитриевичем сведёт судьба крестьянского сына Егора Чехова.

А имя «первое в народной тьме: Евстратий Чехов, поселенецземлепашец в этой Ольховатке, — пишет русский прозаик Борис Зайцев, биограф писателя. — Всё тут легендарно, начиная с имени Евстратий. И патриархально, полно сил, просто мощи природной. Евстратий и основал династию Чеховых, крестьян, связанных с землёй и народом неразрывно, — в пяти поколениях свыше полутораста Чеховых».

Племянник Антона Павловича чётче прослеживает семейную родословную. Сергей Михайлович Чехов пишет о Емельяне Евстратовиче уже как о крепостном крестьянине. Подробнее о его сыне Михаиле Емельяновиче: «Человек непреклонной воли, детей воспитывал в исключительной строгости. Даже выросшие и поженившиеся сыновья находились в полном подчинении у отца и необычайно чтили его. Обращаясь к нему, говорили: «Паночи!» (от «пан отче»). Ходил всегда с большим посохом, медленной, степенной походкой. Дожил до глубокой старости». Сведения эти почерпнуты из семейного архива.

Сыновья прадеда писателя Емельяна Евстратовича женятся, обрастают детьми. А свободных земельных наделов в Ольховатке нет. Ведь крепостные крестьяне не утрачивали собственных прав на землю и оставались владельцами приусадебных участков. Чтобы прибавить себе пашни, по дозволению помещика Михаил Емельянович ставит себе новый дом на хуторе крестьянина Неровного. С ним перебираются сюда дети с семьями, положив начало селу.

Иван «развёл фруктовый сад, сажал диковинные сорта деревьев...». Воспитал пятерых сыновей и ушел в монахи в Ново-Афонский монастырь. Об Артёме уже знаем, «человек практического ума». Семён — самый бедноватый из братьев, «был чумаком, возил господские и купеческие товары в Ростов, Таганрог, Новочеркасск, Царицын». Василий сразу отделился от родных, поселился в недальней как от Ольховатки, так и от Неровновки слободе Нагольной. Он иконописец, его работы славились, получал заказы даже из Москвы.

Нас же особенно интересует Егор Михайлович, дед писателя.

В семье он не самый старший по рождению, второй сын. Но именно Егора отец — строгий Михаил Емельянович — оставил на своей усадьбе в Ольховатке. Почему глава семейства распорядился так, а не иначе? Говорят, Егор рос смышлёным, волевым, упорным в работе. Братья ему в этом, пожалуй, мало уступали. В семье он, предполагают, был первым образованным по тому

времени человеком. «С большими препятствиями, прячась с дворовым грамотеем по хлевам и конюшням, он постиг грамоту... очень полюбил книги и читал чрезвычайно много, за что был часто бит». А когда же отцу пришлось просить у помещика разрешения на переселение, на прибавление земли, то, по-видимому, Егор в этих хлопотах стал главным помощником, ходатаем. Чем и заслужил у сурового Михаила Емельяновича особое уважение. А хозяин Ольховатки Александр Дмитриевич Чертков тогда же мог глаз положить на грамотного парня, какого впоследствии из рабочих возьмёт себе писарем, а затем и помощником в хозяйственных делах.

Батько, тато, паночи — отец женит сына на тоже крепостной девушке Фросе Шимко из семьи коневодов, жившей в Зайцевке Богучарского уезда, соседнего уезда. Будущие сваты познакомились быстрее всего на ярмарках — слободских базарах, куда сгоняли на продажу табуны лошадей. Как нынче — автомашины.

Бабушка писателя Ефросинья Емельяновна и Егор Михайлович жили тем укладом, который и до недавнего держался у слободских старожилов. Жена называла мужа на «вы», а за глаза «они», не только из-за боязни, как могло показаться на первый взгляд. Этим подчёркивалось, прежде всего, уважение к отцу семейства. Растили они сыновей: Михаила, Павла, Митрофана — и дочь Александру. Цену грамоте Егор Михайлович уже по себе знал, потому старался, насколько возможно крепостному крестьянину, выучить детей.

Ольховатскую семейную хронику той поры летописно восстановит по памяти на исходе жизни Павел Егорович, отец писателя. Вот извлечения из неё.

«1825. Родился в с. Ольховатке Воронежской губ. Острогож. уезда от Георгия и Ефросиньи Чеховых.

1830. Помню, что мать моя пришла из Киева, и я её увидал». Здесь нелишне пояснение. Бабушка Антона Павловича была женщиной очень набожной. После рождения сына «по обещанию» пешком ходила на поклонение святыням. Не могла там, по-видимому, не зайти в храм, построенный дядей мужа. Пётр Емельянович оставил землепашество и пошёл странствовать, «исходил всю Россию пешком вдоль и поперёк», собирал деньги на церковь и построил её в Киеве.

«1831. Помню сильную холеру, давали дёготь пить.

1832. Учился грамоте в с. школе, преподавали по А. Б. по-граждански.

1833. Помню неурожай хлеба, голод, ели лебеду и дубовую кору.

1834. Учился пению у дьячка Остапа.

1835. Ходил в церковь и пел на клиросе».

Храм Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа украшал слободу Ольховатку с 1777 года. В своём первозданном облике он не сохранился. В безбожные тридцатые годы двадцатого столетия снесли купола. Надо отдать должное строителям. Они сумели возвести не безликий дом культуры, видимо, сохранили входную колоннаду церкви, благоразумно оставили за пределами нового здания «святая святых» старинного храма — алтарь.

«1836. Родился брат Митрофан.

1837. Приехал регент дьякон, жил у нас и учил меня на скрипке.

1838. В певческом хоре я пел 1-м дискантом.

1839. Учился Закону Божию у свящ. о. Константина Устиновского.

1840. Учился на сахарном заводе у арендатора Гирша сахароварению». Отметим, что к серьёзной работе сын приставлен в пятнадцать лет, а «трудовое воспитание» начиналось, конечно, сызмальства, само собой.

И ещё — о сахароваренном заводе. Появился он в слободе благодаря интереснейшему в знатном роду Чертковых человеку — вышеупомянутому владельцу Ольховатки дворянину Александру Дмитриевичу. О нём, участнике Отечественной войны 1812 года, герое Кульмского сражения с наполеоновским войском на землях Германии, старые и современные энциклопедии рассказывают как о крупнейшем русском учёном — археологе, историке, основоположнике науки нумизматики, изучающей историю монетной чеканки и денежного обращения. Он автор, прежде всего, «Описания древних русских монет» и трудов по отечественной и славянской истории. В греческих, римских и византийских источниках открывал забытые дела и имена первых славян.

«Недавно... приехал ко мне Чертков», – писал из Москвы 11 мая 1836 года Александр Сергеевич Пушкин своей Наталье Николаевне, – «при сей оказии вспомнил он, что его жена – мне родня, и потому подарил мне экземпляр своего «Путешествия в Сицилию».

Унаследовав от родных значимую Чертковскую библиотеку, «усердно пополнял её преимущественно сочинениями о России и славянстве на всех европейских языках и славянских наречиях. Александр Дмитриевич составил описание своей сокровищницы с редчайшими древними и старинными русскими летописными рукописями — «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях». При всей своей учёной занятости Чертков успевал заботиться о хозяйственном развитии своего сельского воронежского имения. Стараниями Александра Дмитриевича Ольховатка стала, по сути, родиной российского сахара. Его крепостные крестьяне взялись растить «сладкий буряк». А из белых корней, дочиста отмытых, научились «сечь и вываривать» редкостное по тому времени царское лакомство, считавшееся заморским, поскольку добывалось из «индейского» тростника. И вот из выращенной на здешних полях свекловицы, сахарной свёклы, «вываривается» и «выходит» чертковски вкусный сахар.

«1841. Отец откупил всё семейство на волю...». Ещё по указу Павла Первого крепостной был обязан работать на помещика половину рабочей недели. Дед писателя Егор Михайлович тоже на сахарном заводе сначала рабочим, а затем приказчиком служил «триденщину», вёл и своё собственное торговое дело. По свидетельству родных, «глубоко завидовал барам, ... их свободе». Поставил себе целью — сколотить капитал и выкупить себя, семью из «крепости», что ему удалось сделать задолго до всеобщего освобождения крестьян.

Подвиг – по нынешним меркам!

«1842. Гирш отправил меня с быками в Москву для продажи.

1843. Выехали совсем из родины в Зайцевку к дедушке Шимке». Хотелось бы, конечно, в Ольховатке или Зайцевке увидеть старинные строения из тех лет, когда здесь жили Чеховы. Пусть безмолвные, но свидетели той жизни. Сохранились лишь останки стен первого сахарного завода — и только. Никто теперь не укажет хотя бы место, где стоял двор Чеховых. Не устоял храм, в котором они обязательно бывали. Зато в Зайцевке ещё цела, правда, долго стоявшая в страшном разоре, краснокирпичная Успенская церковь. Освящена в памятном для русского человека году — в 1812-м. Гуляли ветры под сводами, где творили молитву и наши Чеховы, до недавнего времени. 20 сентября 2015 года в восстановленном храме, спустя восемьдесят лет, вновь прошло праздничное богослужение.

«1844. Из Ольховатки переехал в Таганрог 20 июля к купцу Кобылину.

1845. Начал там заниматься торговлею по конторской части». Трудно сказать, не жалел ли после сам Егор Михайлович Чехов о сбывшемся, о выходе из крепостных. Ведь обручение с волей для него, отчасти и для детей, вышло по современной песенной присказке: если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло. Горожанином не станет, будет служить конторщиком, управляющим в имениях. Барские хоромы его не прельстят, выстроит себе малень-

кую хатку с двумя комнатками. И по убеждениям останется «ярый крепостник».

При выкупе из крепостных у отца не хватит денег на дочь. Чертков уважит толковому человеку и отпустит её «в придачу». Александру – Саню, родную тётю Антона Павловича Чехова. – выдадут замуж за сельского писаря, грамотного, а, главное, добропорядочного человека Василия Григорьевича Кожевникова в слободу Твердохлебово, расположенную близ соседнего уездного Богучара. По воспоминаниям дочери Александры Егоровны, записал их её внук Андрей Константинович Руденко со слов своей мамы и дочери Кожевниковых Веры Васильевны: «Егор Михайлович Чех, отец моей матери Александры Егоровны Кожевниковой, часто навещал свою дочь, проживающую в с. Твердохлебовка Воронежской губернии в 15 верстах от уездного города Богучара. Это посещение обычно приурочивалось к осени, после окончания сельскохозяйственных работ в имении помещика Платова на Донщине, где Егор Михайлович работал управляющим. Путь в село Твердохлебовку был нелёгким, так как большую часть его надо было преодолевать на лошадях в дождливую осеннюю погоду. Для всех нас его приезд был радостным и желательным, особенно для его дочери, нашей матери, которая очень тосковала за своими родными, будучи оторванной от них с юношеских лет своей жизни. Егор Михайлович тоже охотно проводил зиму у своей дочери Егоровны (так он её именовал), питая к ней особенное чувство трогательной жалости из-за её постоянной тоски по матери. Нас в семье было пять человек. Три старших сестры: Анастасия, Мария, Анна, брат Василий и я – младшая дочь Вера».

Краевед из Богучара Евгений Романов отметил, что Егора Михайловича знали и ценили, как толкового практика в сельском хозяйстве, особенно — пчеловодстве, в Земской управе Богучара. «В знак глубокого уважения ему присылали из управы газеты и всевозможную литературу, которую он с большим интересом прочитывал. По словам детей Александры Егоровны, Егор Михайлович был очень умным и начитанным человеком, который на все вопросы давал разумные ответы».

В июле 1878 года Егор Михайлович овдовел, покинула мир земной его Ефросинья Емельяновна. Летом, осенью он гостил у родных в Москве, Калуге, а к рождественским и новогодним праздникам возвратился в семью дочери. Краевед Евгений Пажитков обнаружил в московских архивах два письма дяди писателя — Митрофана Егоровича. Адресованы они младшему брату Павлу Егоровичу, отцу Антона Павловича. В этих письмах под-

робно рассказывается о последних месяцах жизни и кончине Егора Михайловича.

После долгой поездки стал жаловаться на нездоровье. Пригласили в Твердохлебовку врача из Богучара. Он объяснил слабость больного возрастной сердечной недостаточностью.

Егор Михайлович в марте «в воскресенье 11 числа пророчески сказал: теперь я всех детей и внуков проведал и благословил так, как Исаак Яакова, Иосифа и братию его; этим я приготовил себя к погребению.

Живя папенька в Твердохлебовой, до трёх разов бывал по целым неделям болен тяжко, затем опять ходил в церковь, говорил, шутил, читал и писал; и всё собирался в Таганрог. Одно известие прохожего солдата из Таганрога, что у нас в городе свирепствует чума, сильно его встревожило, так что уложило в постель. Ему представилось, что меня и Георгия нет на свете. Затем мои письма одно за другим возвратили ему спокойствие.

По приезде из Богучара 12 марта он обедал, после кое-что портняжил, наконец, почувствовал дурноту. Был приглашён священник для исповеди, после которой ему стало легче. Предложили папеньке пособороваться, он изъявил желание. Одно Евангелие лёжа слушал, прочие сидя. По окончании таинства елеосвящения встал с постели, пока духовенство выпило по стакану чая, пожелал пройтись по комнате, поддерживаемый с одной стороны Василием Григорьевичем, с другой сестрой. На повороте обратно он приклонил колени, и более у нас не стало отца-благодетеля...»

«Воистину Христос воскресе!

Любимый брат Павел Георгиевич и милая сестра Евгения Яковлевна!

По получении мною печальной телеграммы из станции Кантемировой от нашего племянника Ивана Феофановича Луценкова о кончине нашего бесценного родителя 13 марта я немедленно ответил депешею с убедительною просьбою в Кантемировку, чтобы с погребением подождали нашего с Людмилою Павловной приезда. Того же числа оставили дом, семейство, больного Георгия, лавку, мы отправились вечером в 11 часов по железной дороге на Ростов. Через сутки в 11 часов вечера мы прибыли на станцию Кантемирову, где ожидал нас Иван Феофанович. Через час поехали на лошадях 45 вёрст в Твердохлебову. В 7 часов утра в четверг 15 марта мы стояли над телом нашего милого папаши и рыдали. Кончина его последовала в понедельник 12 числа в 5 часов по полудни. Мы не надеялись его застать на столе, между тем он был невредим так, что духовенство сказало, что если Митрофана Егоровича не будет и сегодня, то есть в четверг, то

оно может ждать ещё сутки и перенести тело в церковь. Лицо его было ясно и спокойно.

Священник о. Константин прочитал отходную молитву и тут же при всех молил Бога, дабы он и ему даровал такую же христианскую кончину безболезненную, не постельную, мирную, ибо и он очень преклонных лет.

Через час после нашего приезда отслужена была соборно панихида, через два часа явилось всё духовенство — три священника, диакон и причетники, - и опять служили панихиду пространную как первую. Когда вынесено было тело на крыльцо, было: ... святого Евангелия чтение: затем лития и прочее. Когда спустились во двор. то же самое. Когда вышли за ворота, то же повторилось. На колокольне производился печальный протяжный звон. Шествие к церкви началось похоронным пением: Святый Боже – на старинный напев. Когда прочли два раза по трижды трисвятую песнь, опять процессия остановилась, и сподобился наш. На протяжении всего пути до храма шествие останавливалось после прочтения дважды Святый Боже. Что было крайне умилительно и трогательно. Так я нигде не видел, и в городе ни за какие деньги нельзя удостоиться такого погребения; на что прошло много времени. Литургия отслужена Св. Иоанна Златоуста, на которой тоже всё начиналось от первого: Господи, помилуй...

При отпевании погребения вся слобода держала свечи в руках. Священник о. Михаил сказал в своё время надгробную проповедь над телом покойника. Её я вам сообщу. К погребению бесценнейшего нашего папеньки все зятья, внуки и внучки съехались, также и мы из Таганрога, как Св. апостолы со всех концов Вселенной на Успенье Пресвятой Девы Марии на облаках предстали; одних только вас не было да и милого моего Георгия, который до сих пор рыдает за дедушкой. Печальное шествие на кладбище было также медленно и с литиями, и чтениями Евангелия. Затем покрыли гроб землёю, сделали могилу и поставили дубовый крест с резьбою имени и фамилии, кто здесь покоится. Этот крест был несён впереди хоругвей из дома и до кладбища. Остались мы сиротами...»

Так вот сложилось, что Егор Михайлович восьмидесяти лет скончался на руках дочери. Выпадет лежать им рядом на сельском кладбище, в шестидесятые годы XX века ещё сохранялась могильная плита. В Твердохлебовке канет в безвестность дедов сундучок, в каком хранились письма внука-писателя. Потеря невосполнимая. Многотомное собрание писем Чехова — это интереснейший роман его жизни, в котором каждая страница «или прекрасна, или нужна» и важна.

Всё это случится позже, а тогда, в начале сороковых девятнадцатого века, семья из воронежской Ольховатки уже не крепостная, свободная. И отец распорядится так. Старшего сына Михаила направит на обучение переплётному делу в Калугу, где тот и откроет собственную мастерскую. Митрофана и Павла заберёт с собой на юг России. Обживутся братья на побережье Азовского моря — в Таганроге. В тогдашнюю рыночную экономику сыновья, как и отец, впишутся с трудом. Купеческой славы не наживут. Торговое занятие во все времена требует особого склада характера. Скупость же, хитрость, изворотливость не почитались в роду Чеховых.

До наших дней сохранятся не юношеские, а лишь поздние фотографии ольховатских Чеховых. Это уже городские люди в манере одеваться: костюм-тройка, часы на цепочке, которая свисает небрежно с жилета. Лица привлекают правильностью черт, открытостью. Братья по моде той поры щеголяют бородкой. Чем дольше рассматриваешь портреты, тем больше убеждаешься – доброта исходит от лиц, доброта человека верующего. А они таковыми и были. Церковный староста Митрофан Егорович создал городское благотворительное братство, помогавшее беднякам. Павел Егорович тоже считал, что «вера есть свет истинный». В семье последнего — «Тысяча восемьсот шестидесятого года месяца Генваря семнадцатого дня рождён, а двадцать седьмого крещён Антоний. Родители его Таганрогский 3-й гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна, оба православного исповедания...».

Антон – третий сын в семье. Ему выпадает роль старшего, что в чём-то схоже с судьбой деда, кому он тоже обязан появлением на свет.

Антон Чехов «вышел из народа» и — не ушёл из него. Не только в своих книгах. Его стараниями выстроено четыре сельских школы.

Есть разные догадки о происхождении фамилии «нашего» Чехова. Дядя писателя Митрофан Егорович, романтичная душа, уверял родных, что их предок был чех, бежавший из Богемии в Россию.

 Я так думаю, душенька, что простому крестьянину бежать из своей родины незачем и даже почти совсем невозможно. Наверное, это был какой-нибудь особо знатный человек.

Усматривалось родство тоже с именитым литейным мастером Андреем Чоховым. Современник Ивана Грозного, Бориса Годунова и Михаила Романова за свою жизнь при трёх царях отлил державе 1600 пушек. Самая известная многим знакома — Царь-пушка в московском Кремле.

Вероятнее, всего ближе к истине сам Антон Павлович, написавший: «Во мне течёт мужицкая кровь».

По свидетельству брата. Михаила Павловича, действительно «прадед и дед носили у себя в Ольховатке прозвище «Чехи», а не Чеховы». С этой фамилией в жизни мне пришлось столкнуться в далёкой стороне. После института направили работать в новосибирский городок Карасук. Там «степь да степь кругом», на тысячи километров – ни бугорка, ни овражка, лишь озёра, речки с голыми берегами. Как та Кара-сук, что точно означало «чёрная вода». На окраинной улочке указали домик одинокой старушки, какая принимала на постой квартирантов из учителей. У калитки сразу же удивили весело толпящиеся гурьбой в палисаде горячие жёлтым цветом чернобривцы. Будто опередили меня, приехав сюда из моей донской стороны на поезде дальнего следования. А дальше – больше. Украинским слобожанским говором певуче встретила словоохотливая хозяйка. Когда показала свободную комнатку, услышала, что меня квартира вполне устраивает, радушно пригласила пообедать. На стол она ставила глубокую миску, легонько встряхивая её, чтобы в масле выкупались... золотобокие вареники с творогом. Даже творог называла по-нашенски — сыром. Отмахал четыре тыши вёрст с гаком – и на тебе, как снова в родимую слободу попал.

– Вроде знала, гость заявится. Налепила вареников с сыром. Похожи на мамины? – обрадовавшись избавлению от надоедливого одиночества, хозяйка говорила и говорила.

Несколько лет назад похоронила мужа. Дети взрослые. Перетянули её к себе поближе, из села в городок, купили этот домик. Она сама и покойный муж считали себя коренными сибиряками. Бабушки-дедушки молодыми перебрались сюда давно из Малороссии — Украины. Фамилию моя хозяйка носила короткую — Чех. Конечно, поинтересовался:

– Вы с чехами не в родстве?

Засмеялась. Оказывается, у её мужа часто допытывались об этом. Когда оказывался вдали от дома — служил в армии, воевал на фронте. Никаких предков из чехов в семье не знали. А фамилию в роду выводили от прозвища некоего сичевика-запорожца, ненароком расчихавшегося после чарки крепкой горилки в час, когда его принимали в казачье братство.

Подтверждение услышанному встретилось в словаре Юрия Федосюка «Русские фамилии». Чеховых в России много, отмечает учёный, но потомки чехов лишь немногие из них. Нецерковное имя Чох, иногда оно писалось «чех», означало чихание. Так могли назвать ребёнка, которого «чох одолел», называли так и здорового, чтобы уберечь его от чихания и связанных с ним болезней.

Запорожские же вольности нам хорошо известны с детских лет со страниц незабвенного «Тараса Бульбы». Только открой чудо-книгу великого Гоголя, в яви оживут витязи разгульного мира восточной России. Если это художественное творение, допускаюшее вымысел, то летописец казачьей истории Дмитрий Яворницкий документально показывает, что принятый в запорожцы тут же менял свою родовую фамилию на какое-нибудь новое прозвище. весьма метко характеризующее его то ли с внешней, то ли с внутренней стороны. Выбором фамилии нередко правил случай. Примеров тому, пишет историк, тьма. «Спускались с кургана. Круто, а трава сухая. Я оступился, упал и покатился вниз. «Коржом, коржом свалился!» — закричали казаки. И с того дня все меня звали Никитою, по прозвищу Коржом». Так появлялись на свет, разносились в поколениях Ворона и Коза, Сорока и Бабак-Байбак, Голопуз и Бородавка – несть подобным числа. Отчего же Чиху-Чеху не выплеснуться из буйной головы весёлого придумщика. Перемена имени делалась ввиду того, чтобы скрыть прошлое новопоступившего в Сечь и уже за содеянные грехи не выдавать его московским или польским властям.

Теперь и подумаем. Отталкиваясь от семейной родословной Чеховых в той части, где она скрыта «легендарным туманом», Бунин, скажем, писал о Чехове: «Удивительная у него родословная. Крестьянский род, явившийся с севера». Правда, строками ниже Иван Алексеевич не столь уж категоричен. Он допускает: «...вероятно, с севера, а не из украинских земель, так как речь Чеховых и в XIX веке, и раньше была русская. (Называя себя неоднократно в письмах «хохлом», А.П. Чехов, вероятно, имел в виду, что его бабушка со стороны отца (Ефросинья Емельяновна, урожденная Шимко — прим. автора) была украинкой».

Жаль, что Бунину не довелось читать письмо Чехова чешскому критику и переводчику. В 1891 году Августин Врзалу попросил Антона Павловича дать ему краткую автобиографическую справку. Писатель высказался в ней ясно: «Дед мой был малоросс, крепостной». Возможно, что дедушка сам говорил об этом внуку. А внук, возможно, прочёл одно из подтверждений словам Егора Михайловича в книге «Реестра всего войска Запорожского», составленного при гетмане Богдане Хмельницком «1649 года октября 16 дня». Издал его по подлиннику известный учёный историк и филолог Осип Максимович Бодянский. В Чигиринском полку Жаботинской сотни служил «Грицько Чехъ».

В Ольховатке Чеховы, скорее всего, разговаривали, как все – на южнорусском слобожанском наречии, в котором нераз-

делимо, что вода родников, слилась воедино языковая стихия великоросса и малороссиянина, даже донского казака. Уроженцы здешних мест хорошо знают, что эти языковые ветви вместе или по раздельности одинаково доступны большинству. Родом из воронежской Кантемировки, Евгений Плужник стал самобытным украинским поэтом двадцатого столетия. Выросший в сёлах близ той же Кантемировки и Россоши, Алексей Прасолов известен как современный нам русский поэт. Историк и писатель Николай Костомаров, его родную слободу Юрасовку называли ещё Верхней или Малой Ольховаткой, писал на русском и украинском.

Любопытным будет собственный пример. Вспоминаю практические занятия в институте. Вооружённые познаниями в науке диалектологии, мы, студенты-филологи, на семинарских занятиях по произношению пытались опознать, кто и откуда родом. Ответы находили почти безошибочно. Все споткнулись крепко лишь на мне. «Репаного», как у нас на селе говорят, воронежского «хохла», даже не вкусившего ещё как следует в новой городской жизни русской речи, принимали за... Ни за что не угадаете — «окающего» северянина. Называли моими родными Архангельск, Вологду, Горький — Нижний Новгород...

Что касается написания Чех или Чехов, то это дело писарской техники. На украинской стороне говорят Плужник, у нас в России он же Плужников. Ворона стал Вороновым, Сорока, не в обиду пусть сказано, обернулась Сорокиным, Шило зазвучало Шилов — и так далее, и тому подобное...

Выходит, первый Чехов в Ольховатке мог быть пришельцем равно как с русского севера, так и с Днепра. Сиротская дорога в ту пору схоже вела на Дон чаще обездоленных...

Высказав это, заколебался: ставить в конце предложения точку или знак вопроса. Выручило многозначное отточие, какое как хочешь, так и принимай.

Филиппу Фёдоровичу Чехову водить гостей по селу было тяжеловато. Хоть и скрывал, но больные ноги выручала суковатая палка, какую он прихватил с собой по случаю — гнал корову в стадо. Слушать его интересно.

— Один я, Чехов, тут остался. Был ещё Филипп, постарше. Погиб в войну. Я тоже свободно мог не остаться в селе. Сколько раз траплялся случай. Отец, офицер, выслужил в Ленинграде квартиру, а попал на Ленинградский фронт. После того, как наши бойцы Неровновку освободили, военком направлял меня учиться в военное училище. Уступил то место односельчанину.

- Самому воевать не довелось: двадцать седьмой год рождения на фронт не брали. Винтовку в руках держал. Как у нас бои прошли, зачислили меня в истребительный батальон. Пленных итальянцев водил конвойным. Слушались. Куда им бежать? Сугробы в пояс, мороз. Я для них за спасителя...
- Тракторист, а работал больше бригадиром. Назначат, а правду скажешь начальству— снимут. Кому правда нравится, если она глаза режет. Пройдёт время, забудется, опять бригадиром просватают.

 - Чехова кто не читал? Перво-наперво, знают все Ваньку Жукова, Каштанку...

Я книгу брата-писателя Михаила «Вокруг Чехова» хорошо знаю, там о нас, неровненских, сказано. Интересно знать, откуда и кто мы. Раньше ведь как, помоложе был, поедешь куда, услышат фамилию, обязательно спросят: ты, мол, Чехову не родня?..

— Сам не помню, от старших знаю — тут находилась олийныця. — Так, по-здешнему, Филипп Фёдорович называет маслобойку. Олия и есть пахучее янтарное масло из подсолнуха. А все А- и Олейники, О- и Алейниковы могут не сомневаться: фамилия им досталась в наследство по профессиональному занятию моего предка. Артём Чехов тоже был олийнык — маслобойщик.

Филипп Фёдорович застал живым сельский Софиевский храм, какой строился, конечно, при участии Чеховых.

После в старинных книгах я узнал, что слободская в ту пору церковь была освящена в честь и память о святых, почитаемых в лике мучениц. Малолетние сёстры Вера, Надежда, Любовь и их мать София, «знатного римского рода благочестивая вдова», они «безстрашно исповедали свою христианскую веру» в пору царствования императора-язычника Адриана. «Ничто не могло склонить юных дев к отречению от Христа: ни ласки и обещания, ни угрозы и мучения. И все три дочери пред глазами матери после тяжких истязаний скончались от меча. Мать же София, спустя три дня по смерти дочерей, скончалась при их гробах». Пострадали они, полагают, в 137 году новой нашей эры. Старшей дочери, Вере, тогда было 12 лет, средней, Надежде, — 10, а младшей, Любови, — всего лишь 9 лет. Претерпевшие за Христа великие муки София вместе с дочерьми были причислены Церковью к лику святых.

Прихожан в слободе Неровновке Острогожского уезда числилось 740 душ.

Разрушили храм в 1930-е годы, перед войной. Как принято, церковь стояла на возвышении. Неровновка и сама-то на буграх, а на околице будто кто специально ещё курган насыпал. Пока не-

спешно поднимались на вершину, Чехов рассказывал то, что не удивляло. Подобное уже не однажды приходилось слышать в других сёлах. Храм у них необыкновенной красы, лишь в Киеве был схожий. Паломничество в старину считалось обычным, на поклон святым мощам ходили часто. В памяти старших навечно оставались золотые купола Лавры, из уст в уста передавалась о них молва, а сравнение напрашивалось само собой — в нашем селе тоже, как в Киеве. Хотя, кто спорит, деревянная или каменная сказка всегда была творением мастера, церковь не просто красила славянский мир. Тот, кто задумал и бросил клич рубить колокольные шатры, хорошо знал, что рухнут жизненные устои...

Когда же взошли на холм, поверил Филиппу Фёдоровичу сразу. Иначе и быть не могло. Мастер не мог ударить в грязь лицом перед самой природой, сотворившей неземное на земле. Вроде чего тут особенного? Поле да дубрава, Небожин лес. Долгий яр да пруд в нём, Стрижковский ставок. От изножья кургана — неровные улочки Неровновки, а в прозрачной дали угадываются хуторки — Гирлы ли? Степной? Печерский? И вдруг понимаешь — почему все твои спутники разом замолчали. Перед нами — Русь! Не слобода и село, не уезд и район, даже не страна в меняющихся межах. Русь — древняя. настоящая и вечная...

Проживи Чехов не сорок четыре года (только — сорок четыре...), уверен, он бы приехал на родину предков. Он даже ехал сюда однажды. «Пахнет степью и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей-коршунов, летающих над степью... Курганчики, водокачки, стройки — всё знакомо и памятно... Хохлы, волы... белые хаты, южные речки... — всё это мелькнёт, как сон...».

Приехал бы и остался.

Uepmkobckue пруды

Урусского поэта Алексея Тимофеевича Прасолова, нашего земляка, есть такие строки:

…близ пруда, где ныне омут. Где, говорят, бывал Толстой, Родился я…

Размышления героя поэмы — факт личной биографии автора. Родина Прасолова — степное село Ивановка, а через яр, на соседнем всхолмье, на опушке нагорной дубравы, располагалась усадьба Владимира Григорьевича Черткова — друга и издателя Льва

Николаевича Толстого. Хутор Ржевск разделил печальную участь как многих исчезнувших «дворянских гнёзд», так и нынешних сельских селений. Но фамилия славно служившего во благо Отечества несколько веков семейного рода Чертковых памятна поныне. Она запечатлена в имени железнодорожного посёлка и районного центра Чертково на грани трёх областей — Воронежской, Ростовской и Луганской. От дворян Чертковых пошли названия сёл на юге Воронежской области: Александровка, Екатериновка, Еленовка, Лизиновка, Марьевка, Николаевка...

Пока уцелели и «живые свидетели» той поры. Это второй век украшающая городок Россошь колокольня-храм Александра Невского, построенная при участии Чертковых. Старожилы припоминают, что был такой обычай: когда умирал помещик, а Чертковы ведь были в генеральских чинах, то мундиры, шитые золотом, наградные звёзды и ордена передавались в храмы, «чтобы народ видел, какой чести заслужил покойный помещик». В церкви Россоши можно было видеть знаки отличия Николая Дмитриевича Черткова, в храмах сёл Николаевка и Лизиновка — мундиры Ивана Дмитриевича Черткова.

В старой части Россоши сохранились лишь флигель и не до конца вырубленный одичалый парк — останки помещичьей усадьбы Чертковых. В селе Лизиновка на глазах превращаются в руины чертковские ремесленная школа, открытая в девятнадцатом веке для крестьянских детей, и контора.

Ещё не ушло время разбирать и собирать «камни»...

Скоропалительный приезд в Ольховатку, Россошь энергичного в замашках американца — уроженца Франции и русского корнями — напомнил некогда звучную в здешних воронежских, ростовских местах фамилию.

С первых минут нашего знакомства не мог отделаться от мысли, что такое, как у гостя, лицо я где-то видел, и не раз. И только в местном краеведческом музее, когда подошли к стенду с фотографиями Владимира Черткова, вопрос разрешился сам собой: налицо было поразительное сходство родственников, разделённых тремя поколениями.

Николай Сергеевич Чертков, так звали гостя, житель Нью-Йорка, приехал в воронежскую глубинку посмотреть края, где жили, коими владели его предки из знатного в старой России рода.

Русский иностранец свалился как снег на голову средь летнего дня. Работавшему тогда председателем хозяйства в селе Жилино Василию Остроушко позвонил из Россоши глава районной администрации Владимир Гринёв.

– Семейными корнями человек интересуется. Наше село хочет увидеть, – сказал Владимир Михайлович. И добавил: – Василь Иванович, не скупись. Показывай всё, что попросит.

Американец, учитель французского языка, оказался на редкость общительным и любознательным. Жизнь проводил в больших городах. Не скрывал, что с интересом открывает для себя село, да ещё в России. С детской непосредственностью хватался за ещё горячий кирпич, недавно вынесенный из огнедышащей печи. Мял глину в руке и допытывался, какой из неё получается строительный материал. Остроушко слегка ударял кирпичом о кирпич.

' – Звенит! – поднимал вверх большой палец. – Без трещин. То, что надо.

Маслобойка и подсолнечное масло, строящаяся в ту пору мельница-вальцовка и приманчиво пахнущая свежим хлебом пекарня — всё-всё без устали дотошно осматривал Николай Сергеевич. С людьми ему хотелось поговорить в поле и на ферме.

Чувствовалось, что не приличия ради он восхищается сельскими жителями. Одобрительно трогал Остроушко за крепкое плечо. Даже пытался вникнуть в суть тех проблем, которые, скажем, не позволяют пока отреставрировать старинную церковь, сиротливо коротавшую свой век на площади посреди Жилино. Уж она-то помнила и видела его предков Чертковых.

Из красного кирпича сложили, – замечал гость.

– Местный. Крепкий, – уточнял Василий Иванович. – Сначала крышу и купол сменим, ещё не один век жить храму.

В беседе иностранец признался, что заинтересовался своей родословной совсем недавно. Сохраняя русскую речь в семье, родители чуть ли не силком заставляли детей посещать раз в неделю русскую школу, в разговорах они не возвращались в утраченное прошлое. Они не вспоминали своих родных и близких из старшего поколения, возможно, потому, что те вольно или невольно расшатывали государственные устои Отечества, выступая против действительной несправедливости в тогдашней дореволюционной жизни. Считали, наверное, что не без стараний старших род оказался выброшенным на чужбину и рассеялся по Западной Европе, в Новом свете за океаном.

Лет десять назад, роясь в книгах, Николай Сергеевич открыл для себя вначале Александра Дмитриевича Черткова — не просто помещика, а историка, общественного деятеля из числа знаменитых русских. Он оставил в дар Москве уникальнейшую историческую библиотеку, в которой находились сочинения и старинные рукописи, «во всех отношениях и подробностях» посвящённые

России. А дальше тропинка поиска вывела в интереснейший дворянский мир. Она-то и позвала в такую даль, какую вчера представить было невозможно простому школьному учителю.

...Чертков стоял на высоком степном холме — «и вдаль глядел». Кусты одичавшей сирени на взгорье, укрытые дубовым лесочком в ложбине пруды с родниковой водой, мощные каштаны на берегу — всё-всё подтверждало: кипела здесь жизнь! Да ещё какая!

Охотничий хуторок Ржевск подарил племяннику Володе дядя Миша, атаман войска Донского, приложивший руки к сооружению из Воронежа на юг, к Ростову и далее к Чёрному морю, железной дороги. Потому въездная в эти земли станция поименована как Чертково.

Новый хозяин хуторка Володя, Владимир Григорьевич Чертков, тоже любил охотиться до умопомрачения, до жестокого солнечного удара, который в юности подорвал его здоровье. В Острогожском краеведческом музее выставлена картина, ей больше ста лет. Рисовал на память другу известный русский художник Алексей Данилович Кившенко. Автор знаменитой картины «Военный совет в Филях» с полководцем Кутузовым был родом из тульских крепостных крестьян графа Шереметьева, выпускником Академии художеств и учеником рисовального класса петербургского острогожца Ивана Николаевича Крамского, сам будущий академик живописи. Писал картину «на натуре» — в южном углу тогдашнего Острогожского уезда. Степной лесок, скорее всего, затерялся в ярах близ слободы Лизиновка. В ней тоже располагалось барское имение Чертковых.

К молодому дубу прислонился плечом статный парень при всех охотничьих доспехах: на локте дорогая двустволка, к поясу приторочен отменный нож. Можно быть вполне довольным и жизнью, и охотой. У ног лежит добрая добыча — степной волк.

Все ещё впереди – и у молодого барина, и у художника.

Но не охотничьими утехами суждено быть известной дворянской усадьбе в Ржевске. Блестящий гвардейский офицер, кому, как и дяде, Михаилу Ивановичу, как отцу, Григорию Ивановичу, светила генеральская звезда. Но он вдруг уйдёт в отставку, покинет столичный Петербург, сменит его на глухой воронежский хутор.

Упростить привычную с рождения светскую жизнь заставили, по собственному признанию, раздумья «о таких вопросах, как несправедливое имущественное отношение между господами и рабочими, произвол и дикость государственной власти».

Молва хранит легенду, проще объясняющую начало раскола в душе молодого дворянина. Вроде бы на императорском балу чуть ли не сама царица одарит красавца-офицера с орлиным про-

филем цветком в петлицу, знаком, отличающим сердечную привязанность. А быть фаворитом гордец не пожелал.

Так или иначе, но случилось. Душевный же разлад привёл его в московский дом тогдашнего кумира русской мысли Льва Николаевича Толстого. После первого разговора Владимир Чертков запишет: «Мы с ним встретились как старые знакомые». Великий писатель в письме ему скажет: «Ваше недовольство собой, сознание несоответственности жизни с требованиями сердца я знаю по себе».

Они станут верными единомышленниками и друзьями на всю оставшуюся, ещё долгую, жизнь. Тому не помеха разница в возрасте: Льву Николаевичу было уже 55, а Черткову — лишь 29 лет. Старший уже написал «Войну и мир», «Анну Каренину». Но современники отметят, что младший станет больше «толстовцем», нежели сам его учитель.

Поселившись с душевной поддержкой Льва Николаевича вначале в родительском имении в слободе Лизиновка, молодой Чертков полностью себя отдаёт заботам о нуждах крестьян: открывает в сёлах потребительские лавки, ссудно-сберегательные товарищества, школы, библиотеки, читальни, чайную. В самой Лизиновке построили красивое (сохраняется и поныне, правда, в запустении) здание ремесленной школы — кирпичный полукруг с купольной крышей, классный зал-мастерская. Здесь готовили сапожников, столяров, жестянщиков-ведерников.

Из материнского дома (отца гангрена лишила ног, он безвыездно жил в Петербурге, до кончины в 1884 году довольно успешно руководил Комитетом по устройству и образованию войск) сын перебрался на жительство к учителям ремесленной школы. По железной дороге ездил в вагонах третьего класса. Он приглядывался к крестьянскому делу: «хочу только сам заняться хозяйством для ознакомления, ...хочу пройти через все приёмы и мелочи крестьянского хозяйства для того, чтобы стать ближе к ним», к крестьянам.

«Счетоводство, земская служба, разъезды по школам» шли своим чередом. Но энергичной и деятельной душе этого было мало. «Лев Николаевич, приезжайте, ободрите, помогите». Стараясь сблизиться с народом, он душевно маялся и искал. Наконец-таки стоящее дело подсказал Толстой: «Я увлекаюсь всё больше и больше мыслью издания книг для образования русских людей». Это строки из февральского письма. А уже в сентябре Чертков соглашается, принимает совет. «Всю эту неделю я как-то проболтался зря... Хуторок мой не даёт мне настоящего дела, потому что я там сам не работаю, а болтаюсь около работников в качестве несведущего зрителя. ...не знаю, за что взять-

ся. Лучше всего было бы, если бы вы в свободное время писали бы повести и рассказы для народа и позволили бы мне взять издательскую, корректорскую и пр. сторону дела. Я бы издавал эти рассказы сериями, да, наверное, воодушевился бы делом и в Петербурге, познакомился с писателями, которых также уговорил принимать участие. Можно было бы заручиться и содействием кое-каких художников, которые бы доставляли рисунки. Так как я не гнался бы за барышами, то издания эти можно было бы пустить в продажу дёшево. Польза была бы несомненная. Может быть, образовалось бы из этого постепенно хорошее периодическое издание для того полуграмотного народа, которому теперь нечего читать, кроме скверных лубочных изданий».

В ноябре 1884 года, «в один счастливый для меня день, – вспоминал книгоиздатель Иван Сытин, – в лавку на Старой площади зашёл очень красивый молодой человек в высокой бобровой

шапке, в изящной дохе и сказал:

 $-\dots$ Моя фамилия Чертков. Я бы хотел, чтобы вы издали для народа вот эти книги.

...Так начались издания «Посредника».

Делу этому я посвятил всю мою любовь и внимание.

Книжки по тому времени вышли необыкновенные: дешёвые, изящные, с рисунками Сурикова, Репина, Кившенко и других. Дешевизна их сильно помогла распространению».

Не перечила сыну мать. Елизавета Ивановна родственно была связана с семьями декабристов Чернышёвых и Муравьёвых. Жена Александра Второго, императрица Мария Александровна, предлагала ей быть при царском дворе статс-дамой, она отказалась. С больными детьми подолгу жила за границей. Когда два сына умерли, осталась лишь с Володенькой, утешилась в религии сектантов-евангелистов. Чаще пребывала также в здешней степной стороне, занимаясь благотворительностью.

В издательских трудах и днях Владимир Чертков встречает суженую — близкую по духу Анну Константиновну, урождённую Дитерихс, из известного в русской истории рода военных. Молодожёны вскоре перебираются на жительство из Лизиновки в недальний хутор Ржевск.

Там располагался и «Посредник». На хуторе готовились к печати книги как самого Толстого, так и Чехова, Короленко, Гаршина, Лескова, Эртеля — классику русской литературы, а также сочинения «мыслителей разных стран и народов». Красивые с виду, доступные в цене и, главное, богатые по содержанию книжки не могли не глянуться широкому читателю из народа. «Издания «Посредника» появлялись всюду: среди прислуги, в толпе, в газетных

киосках, на бульварах... Всюду мелькали эти голубые, розовые, разноцветные книжечки копеечные, с рисунками лучших художников на обложке», — отмечали современники. Издательство не только названием заявило о себе, что оно «Посредник» между писателем и народом.

В хуторок Ржевск шли письма из Ясной Поляны. Лев Николаевич направлял работу своих помощников и редактировал книги: «Цель наша — издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку людей, и имеет нравственное содержание...»

Хуторок в степи становился своеобычным духовным гнездом в истории культуры Отечества. Сюда уже не только писали письма. Приезжали — высоко ценимый Толстым русский писатель Александр Иванович Эртель, самобытный художник из передвижников Николай Александрович Ярошенко. Его известные картины «Курсистка», «В тёплых краях» запечатлели лик жены Черткова — Анны Константиновны.

В своём дневнике 23 марта 1894 года Лев Николаевич записал: «Я собираюсь ехать к Черткову». О поездке он рассказывает подробно в письме к жене Софье Андреевне.

26 марта. «Пишу с Ольгинской, до которой доехали прекрасно... Снегу здесь нет». Ольгинская — нынешняя станция Митрофановка по Юго-Восточной железной дороге.

27 марта. «Я очень рад, что приехал... Места здесь очень красивые, постройка на полугоре, вниз идёт крутой овраг и поднимается на другой стороне, поросшей крупным лесом. Я сейчас ходил один гулять и набрал подснежников».

28 марта. «Нам очень хорошо, главное, хорошо нравственно среди людей, которые нас любят».

В гостях как дома — так можно говорить о посещении Толстым Ржевска. Здесь он продолжал работать над своей рукописью. Решал издательские дела. Беседовал с близкими друзьями. Не мог не побывать у крестьян. Родственники Софьи Пантелеевны Сокирко в её пересказе запомнили встречу с писателем. Семилетнюю девочку Лев Николаевич погладил по головке и вдруг спросил, ест ли она мясо. Застеснявшись, Софья не знала, что ответить. Бородач-дедушка ей растолковал: на мясо люди убивают Божьих тварей, такое делать грешно, а мясо лучше не есть. Беседа запала в душу девчонки. С того дня и всю свою взрослую жизнь она оставалась вегетарианкой.

Толстой возвратился в Москву. Тогда же, в апреле, не без содействия Черткова художник Ярошенко пишет портрет писателя, не принятый в галерею Третьяковым, но высоко оценённый другим критиком: «из всех изображений знаменитого писателя едва ли не самый лучший».

В Ржевске же Чертков продолжал благотворительную деятельность: помогал крестьянам деньгами, одеждой, продуктами. Доброта помнится из поколения в поколение, из рода в род. «Наша семейная реликвия — искусная стопочка из простого стекла. Она из дома Чертковых, — свидетельствовала сотрудница районной газеты, журналист из Россоши Антонина Петровна Боженкова. — Имя Владимира Григорьевича в детстве часто слышала от дедушки, Павла Николаевича Гончарова. Вспоминал он Черткова с непременным уважением.

Дедушка был мастеровитым. После войны — нужда, сделал ручную просорушку, молочную маслобойку. Всем соседям не отказывал, и сами кормились. Плотничал, бондарничал, сапожничал. А всё постиг в молодости, когда работал в имении Чертковых. Там научился читать, писать, считать. Любил играть на скрипке, струнные цимбалы-гусли сам смастерил. Пел в хоре. Страсть к пению сохранил и в старости. Когда вечером приходили к бабушке соседки, обязательно уговорят спеть. Выставит дедушка музыкальный камертон и настраивает по его звону голоса.

Бранное слово не терпел. Не пил. По церковным праздникам работал, говорил, Бог простит.

Часто вспоминал, как в хоре пели и слушал их граф, тот, что в Бога верил по-своему...»

Сам же Чертков считал: «роль благодетеля я не разыгрываю, так как чувствую окрестное население моим благодетелем, а не наоборот».

Это мнение о себе Владимир Григорьевич изложил на бумагу не ради красного словца.

У наших соседей, в райцентре Ровеньки Белгородской области, прошла краеведческая конференция. Воронежский издатель Владимир Елецких представил первую книжечку в задуманной им новой серии «Мемуары». Называется она «Полвека в сельской школе», автор — Василий Сохнышев. Рукопись с 1924 года хранится в Государственном архиве Воронежской области. Обнаружил её и подготовил к печати учёный-краевед Олег Ласунский.

Записки сельского учителя Василия Евдокимовича Сохнышева интересны не только для любителей старины. Немало лет он проработал в Ровеньках, входивших тогда в Воронежскую губернию. Теперь там решено по предложению главы районной администрации Николая Мирошниченко назвать школу именем педа-

гога, устроить выставку в краеведческом музее. К конференции разыскали даже портрет учителя.

Для нас «Записки» Сохнышева интересны уже потому, что в начале 1880-х годов девятнадцатого века Василий Евдокимович учительствовал в Александровке Лизиновской волости. О чём и рассказывает.

«В Александровке я с особенным усердием принялся за школьную работу, но мне нужно было сойтись с родителями учащихся и вообще с населением. Стал знакомиться с родителями, но дело шло как-то вяло. После некоторого размышления пришел к убеждению, что мне необходимо найти почву, на которой можно было бы войти в близкие отношения. Такою почвою может быть церковный хор. Я научил детей петь. Пригласил любителей-взрослых. Хор стал петь в церкви. Дело наладилось. Мне не было надобности ходить по дворам и набиваться знакомством. Сами жители стали приглашать к себе, и не только родители школьников, а и всё население. Под покровом Божьего дела можно было делать всё, что [нрзб.] безнаказанно и не быть в подозрении полиции, которая в это время находила крамолу и там, где в помине не было.

Слобода Александровка – глухая, удалённая от ж[елезной] д[ороги], от базара. Народ – добродушный, ласковый, гостеприимный. Общественных развлечений никаких нет. Вспомнил я кое-что из своего прошлого ольховатского житья. Нашёл кое-каких старых знакомых, завёл переписку. Стали мне присылать новую литературу последнего политического направления. Дело пошло ходко. Крестьяне освоились со мною, делились своим горем и радостью. Я давал им советы. Слава хора распространилась по окрестным селениям и хуторам. Меня стали приглашать с хором в окрестные селения в храмовые престольные праздники. Круг знакомых расширялся. Но здесь явились тормозом пашковщина и толстовщина. Оказалось, что слава моя в населении затмила славу их. Никакие благодеяния не могли поддержать их авторитета. Многолюдные собрания пашковцев с кликушами, призывавшими послушать слово Божье, редели. Толстовской литературой мало интересовались; несмотря на дешевизну книжек и брошюрок, их никто не покупал, а когда стали раздавать бесплатно, многие отказывались брать. С целью распространения толстовщины в школе попечитель школы В.Г. Чертков, ярый сторонник и последователь Льва Николаевича Толстого, пригласил вторую учительницу – единомышленницу Е.Д. Кившенко. Кившенко не смогла направить школу по толстовскому рецепту. Методы и приемы её

были не учеба и не воспитание, а какое-то уродство. Я высказал свой взгляд на постановку школьного дела. Кившенко обиделась. передала Черткову. Чертков, будучи попечителем школы, был в то же время членом Училищного совета; он сделал мне распоряжение не вмешиваться в дела группы Кившенко и прекратить пение в церкви, ничего не имея против пения в школе. С последним предложением я не согласился. Отношения наши обострились и к концу учебного года дошли до полного разрыва. При моём последнем личном свидании Чертков как член Училишного совета предложил мне добровольно отыскать себе место. На это я сказал: «Вы изменяете идее Льва Николаевича». Он обиделся. Тогда я сказал: «Хозяин школы – крестьяне, которые несут все тяжести государства, а Училишный совет – их приказчики. Когда крестьяне скажут мне: «Уходи, ты не нужен, ты приносишь нам вред, тогда я уйду». При этом прибавил: «Хотя Вы и приплачиваете мне от себя к моему жалованью, но это меня не обязывает». Чертков повернулся и ушёл, ничего не сказав.

Александровцы знали всё, что происходило между мною и Чертковым. Им хотелось во что бы то ни стало задержать меня у себя. Но, находясь в земельной зависимости от Черткова, им нельзя было входить с ним в неприязненные отношения. И вот ещё при первых моих столкновениях по поводу распоряжения Черткова не вмешиваться в группу Кившенко и прекратить пение в церкви крестьяне, желая удержать меня у себя, на сходе вынесли такое постановление: нижеподписавшиеся такие-то и т. д. постановили просить Острогожский Училищный совет выразить благодарность попечителю школы Черткову за его заботы о школе и за присылку к нам хорошего учителя.

Приговор немедленно был отослан. Чертков этого не знал и после нашего последнего свидания письменно подтвердил, чтобы я просил Училищный совет перевести меня в другую школу, надеясь, что крестьяне согласятся на всякие его предложения. Через несколько дней Чертков прибыл в Александровку и как непременный член в уездном совете собрал сход, на котором, разрешив несколько вопросов по разным отраслям, поднял вопрос о школе и начал так: «Вам известно, что я состою попечителем Вашей школы. Моя нравственная обязанность — поднять школьное дело на должную высоту. Я не схожусь с учителем во взглядах на школьное дело, а потому хочу его заменить другим». Сход сказал: «Для нас учитель очень хорош и, если хотите заменить учительницу, мы ничего не имеем». На это Чертков сказал: «Хорошо, я заменю обоих». Сход не согласился. Тогда Чертков поставил так вопрос: «Или я, или

учитель остаётся у вас, но вместе мы работать не можем». И прибавил: «Кто за меня, тот отойдите вправо, а кто за учителя – налево». Сход весь двинулся налево. Чертков растерялся. Он не ожидал этого и снова сказал: «Кто за меня – налево: а кто за учителя – направо». Весь сход двинулся направо, и осталось на левой стороне четыре человека. Кто-то из схода сказал: «А мы и не знали, сколько в слободе дураков». Этим сход закончился. Чертков отказался от попечительства. Возвратясь в квартиру Кившенко. Чертков написал мне письмо следующего содержания (подлинник): «Александровка. 19 августа (18) 81 года. Василий Евдокимович, раньше, чем просить Училищный совет о Вашем удалении из Александровской школы, я хотел удостовериться в действительном желании самих крестьян относительно этого дела. Я был сейчас на сходе и убедился в том, что крестьяне в настоящее время доверяют Вам больше, чем мне. Я предложил им выбрать одно из двух: сохранить Вас учителем или меня попечителем, т[ак] к[ак] считаю, что после тех недоразумений, которые установились между нами, мы не можем с пользою для дела вместе заниматься в той же школе. Жители высказали предпочтение Вам, а потому я прекращаю мои попечительские обязанности в отношении этой школы и спешу предупредить Вас, что, разумеется, не буду уже ходатайствовать в Училищном совете о Вашем удалении, а сообщу всё, как было.

Я очень рад, что я поговорил с крестьянами раньше, чем ехать в Острогожск, и узнал, что они действительно желают, чтобы Вы здесь оставались.

Простите, Василий Евдокимович. Не поминайте меня лихом, как и я не желаю иметь к Вам враждебных чувств. Боже, помоги Вам. В. Чертков».

После этого я пробыл в Александровке ещё год. Седьмого сентября 1883 года я получил перевод в Новосотенское 2-е училище. В день моего выезда вышла провожать меня вся слобода, было много хуторян. Пригласили меня в церковь, отслужили молебен. Много было сказано прощальных тёплых слов. Почти все плакали. Провожали меня далеко за селение. Расставанье было трогательное. Ощущение было такое, что точно вырвали кусок мяса из живого тела. Уже через четыре года, когда я был в Ровеньках, сельский староста от имени схода приглашал меня снова перейти в Александровку. До настоящего времени все александровцы, когда случится быть в Ровеньках, заходят ко мне, как родные».

К этой словесной «картинке» из жизни старинного села Александровка, расположенного вблизи усадьбы Черткова, требуются пояснения.

В записках Сохнышева видим «живого» Черткова. Владимир Григорьевич хоть и был человеком с характером, но мог «перешагнуть через себя» и прислушаться к мнению народа.

Что касается учительницы Кившенко, то она тоже интересная личность. Василий Евдокимович, видимо, запамятовал имя. Звали её не «Е.Д.», а Надежда Даниловна. Родом она из Тульской губернии, землячка Льва НиколаевичаТолстого. Отец из крепостных «выбился в люди» и служил управляющим конским заводом. В семье растили 12 детей. Его сын Алексей стал известным художником и другом Владимира Григорьевича. Сестра Алексея Даниловича — Надежда — некоторое время по приглашению Черткова учила в здешних краях сельских ребят, являясь сторонницей учения Толстого. Позже об этом она напишет книгу «Дневник сельской учительницы», которая вышла в свет в Петербурге.

Из северной столицы переселилось в сельскую глубинку модное, если можно так сказать, в ту пору в великосветском обществе религиозное течение «пашковцев» христианского протестанта-проповедника англичанина лорда Редстока. В число приверженцев евангелистской секты входила мать Владимира Григорьевича — Елизавета Ивановна. О них и пишет Сохнышев.

Не только молодых родителей, всех обитателей хутора Ржевск радовала живая ласковая Оленька, дочурка Чертковых. А вскоре здесь же родился сын. «Мне всегда было совестно за то счастье, которое почему-то досталось на мою долю», — корит себя Владимир Григорьевич. Напрасно. У каждого в жизни радость нередко ходит рука об руку с бедой. Непрошеная болезнь в считанные дни сгубила Олю.

В тоске-кручине спасает тебя работа. В Ржевске Чертков замышляет и начинает создавать исключительное по полноте собрание рукописей Толстого: от черновиков его произведений до писем. Он убеждает стать его союзником в этом деле Марию Львовну, дочь Толстого, которая теснее всего взглядами была связана с отцом. «Пожалуйста, записывайте, последовательно обозначая месяц и число, всех тех лиц, к кому он отправляет письма. Неизвестно, кто кого переживёт, но, наверное, в своё время люди, близкие по духу, будут тщательно собирать каждую строчку, написанную вашим отцом за это последнее время, и последовательная запись его писем, ведённая вами, поможет им в

хорошем и нужном деле». В Ясную Поляну Владимир Григорьевич направляет человека, чтобы он за плату переписывал черновики. А они, скажем, только к книге «Царство Божие» весили три пуда. «То, что вы хотите делать с моими письмами, мне очень желательно, – откликнулся Лев Николаевич. – Это удивило вас. Я сам удивился, но вот что: на днях Марья Александровна прислала Маше выписку из моего письма к Буланже. И представьте себе, ... мне было это очень нужно, и я прочёл это, как читают вещи чужие, которые по сердцу».

Да, кто-то из родных писателя заподозрит Черткова в корысти: мол, хочет прибрать к рукам труды Толстого. Владимиру Григорьевичу придётся перешагнуть и через эти упрёки. А ведь без этой изнурительно кропотливой работы в будущем не сложилось бы 90-томное Полное собрание сочинений великого классика русской литературы.

Спокойный сельский быт располагал к собственной творческой работе. На бумажный лист ложатся раздумья о некогда любимой охоте, всё-таки это «злая забава», о пользе вегетарианства, о древних мудрецах. Чертков поверяет свои мысли Толстому. Лев Николаевич записывает в дневнике: «Чертков так же, ещё более, близок мне».

А ещё из хутора Ржевска расходятся по России размноженные печатно запрещённые цензурой выдержки из произведений писателя. В ту пору, до «великих потрясений», слово Толстого казалось слишком гневным. «Хотят удержать и спасти текущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие и само потонет ещё скорее». Эта пророческая мысль занесена в дневник сразу после смерти Александра III, когда шёл только 1894-й год.

Распространение инакомыслия не могло пройти бесследно для «ржевского» дворянина. «У нас три дня подряд непрошеные гости. Сначала пристав справится насчёт присяги; на следующий день поп — приводить к присяге; а вчера — прокурор со становым, чтобы спросить, почему я отказался».

Чертков имел «обыкновение говорить людям то, что о них думает с беспощадной откровенностью».

Оглядываясь теперь на прожитый двадцатый век, который безжалостно омыл Россию кровью, можно всяко судить об общественной деятельности как Чертковых, так и самого Толстого. В Лизиновской ремесленной школе за счёт Владимира Григорьевича опытные мастера учили ежегодно шестьдесят крестьянских ребятишек. Его мать, Елизавета Ивановна, устроила приёмный покой, где врач дважды в неделю принимал — «пользовал» сельских

жителей. Учредили ссудо-сберегательное товарищество. Открыли народную лавку, в этом магазине цены на товары без прибыли покрывали расходы. У Черткова десять тысяч рублей дохода из двадцати ежегодных возвращались крестьянам.

«Посредник» работал уже на самоокупаемости. Офени – лоточные торговцы – разносили книги по всей матушке-России.

Но, конечно, не за благотворительность посыпались гонения на Чертковых. Толстой и его единомышленники отрицали государство, суд и наказание. Они остро критиковали власть светскую и церковную. Не голословно, а опираясь на факты. А фактом были, скажем, движения — сектантские, духоборческое, которые поддерживали толстовцы. Именно за это в феврале 1897 года Черткова выслали в Англию.

Уехали туда «целым домом». Мать пожелала их проводить. Взяли с собой двух прислуг, живших с ними в Ржевске: Аннушку и нянчившую сына Катю. На чужбине Аннушка горько плакала у газовой плиты, вспоминая русскую печку, которую можно было топить настоящими провами...

Чертков по-прежнему издавал запрещённые в России книги Толстого, составлял его архив. Выпускал газету и сборники. Сам писал статьи, обличавшие самодержавие. А Лев Николаевич, голосу которого, можно сказать, внимал мир, утверждал: «Цивилизация шла, шла и зашла в тупик. Дальше некуда. Все обещали, что наука и цивилизация выведут нас, но теперь уже видно, что никуда не выведут: надо начинать новое...»

Великий человек желал людям добра. Но и ему не дано было знать: как оно начнётся — новое, как его «слово отзовётся».

... Чертковы же смогут возвратиться из заграничной ссылки спустя десять лет. И поселятся не в Ржевске, а вблизи Ясной Поляны. У родных Толстого это вызовет новые подозрения, укрепит их в мысли, что рукописи писателя ему, Черткову, нужны для личного благополучия.

Сама же Софья Андреевна, жена Толстого, раньше свидетельствовала о Владимире Григорьевиче: «Он мне очень тут понравился; такой простой, приветливый и, кажется, весёлый». Её же рукой записано прямо противоположное мнение: «...не умён, хитёр, односторонен и недобр. Отношения с Чертковым надо прекратить. Там всё ложь и зло...»

Так и запечатлелся Владимир Григорьевич на пожелтевших страницах дневников, книг. То светлым ликом — друг Толстого, понимавший его, как никто; издатель, кому обязаны, в первую очередь, за наследие писателя в целости и сохранности, напечатанное с его участием. То мрачнейшей краской — «генерал» от

толстовщины, чуть ли не испортивший автора «Войны и мира», «Анны Карениной».

Кого слушать?

Наверное, лучше всего — самого Толстого. А он на исходе своей долгой жизни высказался ясно. Правда, по-французски. В переводе его мысль звучит так: «Если бы не было Черткова, его надо бы было выдумать. Для меня, по крайней мере, для моего счастья».

...Потомку Чертковых, русскому американцу Николаю Сергеевичу всё не верилось, что не покрылся затравенелой дымкой в людской памяти хуторок Ржевск. Гость ещё не остыл после безрезультатных столичных баталий. Там бил в колокола с трибуны Государственной Думы, обращался за поддержкой к деятелям культуры, стучался в московское правительство во спасение исторической библиотеки, основу которой заложил его предок. На старинное здание зарились богачи из «новых российских», вроде печально известного «приватизатора государства» Бориса Абрамовича Березовского.

А в воронежской глубинке жил Ольховатский сахарный завод. Камень в основание одной из первых в России сахароварен заложил тот же неутомимый Александр Дмитриевич Чертков. Стараниями хранителей памяти в краеведческих музеях Ольховатки, Россоши, Черткова не позабыты добрые дела Чертковых. Есть постоянные

выставки, стенды, мемориальные доски, посвящённые им.

На берегах чертковских прудов у говорливого родничка, к студёной целительной воде которого так же припадали губами его сородичи, Николай Сергеевич неверяще слушал рассказы о том, что в здешних крестьянских семьях тоже ещё помнят Чертковых. А ведь это действительно так. Зайди американец в ближней Еленовке в дом Пархоменко, подержал бы в руках старинное письмо-открытку. Адресовано оно Петру Васильевичу Трегубову — кучеру, который привозил со станции на хутор Льва Николаевича.

«Дорогой П.В., отвечаем на ваши телегр. и письмо, что слухи о продаже Ржевского участка неверны и П.С. не мог этого говорить, и говорил только о продаже леса на сруб, по частям. Так что просим вас сразу известить Елен. крестьян. Шлю приветы от Черткова В.Г., Димы и меня. Любящая вас Анна Черткова. 20 января 1915 года».

Внучка Трегубова, Татьяна Сергеевна, пригласила бы Николая Сергеевича как дорогого гостя за стол в доме из того дубового сруба, какой век верно отслужил самому Трегубову и его потомков согревает теплом.

А в конце 1918 года распоряжением Воронежского Совета депутатов Анне Константиновне Чертковой будут выданы 28183 рубля с вкладов, хранящихся в Воронежском и Россошанском

отделениях народного банка. Эти деньги Чертковы вложат в издание сочинений Толстого. Капитал, кстати, им помог скопить и сберечь крестьянский сын из села Екатериновка Пётр Семёнович Апурин. Сблизятся они с Владимиром Григорьевичем «на заре туманной юности». Молодой пан начинал «выходить в народ», на вечорке незлобливо пошутил по поводу щёлкающих подсолнечные семечки: мол, у таковых глупые лица. Сельский паренёк нашёлся чем ответить, с усмешкой спросил: «А какие лица у грызущих орешки?» Под дружный смех собравшихся барин развёл руками — своего лица не видно. Так началась их дружба. Апурин стал надёжнейшим помощником Черткова во всех делах, а особенно в издательских.

...Средь летнего зноя приятно побыть под сенью мощных рослых каштанов у самого пруда. Жива легенда, что эти деревья посадили здесь два друга — Толстой и Чертков.

Чуть выше, на взгорье, среди одичалой сирени в некосимых травах явственно просматриваются оплывшие землёй холмики и ямы — следы человеческого жилья.

– Тут бы памятному знаку стоять, – пожелал на прощанье гость. Не зная того, он высказал мысль, десятилетиями вынашиваемую здешними знатоками старины. При жизни сын Чертковых Дима, Владимир Владимирович, размышлял о том, чтобы в бывшем Ржевске построили дом отдыха; готов был предложить часть собственных сбережений. Позже речь шла о восстановлении усадьбы. По сохранившимся источникам можно воссоздать внешний вид хутора с его основными постройками. А затем – включай Ржевск в маршруты путешествующих по литературным местам России.

На средства и силами Еленовского колхоза здесь чистили старинные пруды.

Всё остальное оставалось в мечтах.

Стараниями учителя-краеведа Григория Фёдоровича Чистоклетова и его земляков на старинном железнодорожном вокзале в Митрофановке-Ольгинской установлена мемориальная доска. Принял предложение русского американца и Василий Остроушко как председатель колхоза и депутат Воронежской областной Думы. Его школьный друг Леонид Мелещенко встретил единомышленника на гранитном карьере в Павловске. Там подобрали, отгранили самый красивый камень.

Ставили знак, хотелось бы верить, на веки вечные.

Бережно довёз бесценный груз шофёр Россошанского молочного завода Андрей Василенко в железном кузове громадины «КамАЗа». Другой водитель, Виктор Бугаёв, вместе с Мелещенко и трактористом Сергеем Ковалёвым из ближней Александровки сообразили-догадались, как надёжнее увязать «морскими» узлами гранитную глыбу, чтобы не уронить её при разгрузке.

Пустынный лес огласился моторным рёвом и портовыми командами — криками: «Вира помалу!» — «Майна!» Опутанный верёвочной сетью камень пусть не с первой попытки, но всё же плавно и целёхоньким лёг на площадку. А её готовили и Остроушко, и Бордюгов Иван Фёдорович, председатель сельхозартели «Александровское», и фотожурналист Светлана Паршикова, и автор сих строк с дочерью-студенткой Таней. Когда вытерли пот со лба, можно было сфотографироваться на память у камня, красующегося теперь там, где некогда высился дом Чертковых.

Спустя время, собравшиеся здесь на свой «фамильный съезд» потомки Чертковых, съехавшиеся в российскую глубинку со всех концов света: из Соединённых Штатов Америки и Канады, из Бельгии, Франции, Швейцарии, из Москвы — смогли поклониться, положить цветы на прогретый летним солнцем розовый с чёрными прожилками гранит под надписью, напоминающей о просветительском подвижничестве Льва Толстого, Владимира Черткова, их друзей. Здесь вновь прозвучал нестареющий завет: жить в добре, ценить его и дарить людям — только так одолеем зло!

Земная жизнь Толстого оборвалась в 1910 году. В последние дни рядом с ним был Чертков, об этом он напишет подробно в небольшой книжечке. Владимир Григорьевич останется верным душеприказчиком писателя. Он и его жена Анна Константиновна посвятят себя одному — изданию сочинений Толстого. Не корысти ради! Ведь ещё в Англии, когда они находились в ссылке, американцы давали пять миллионов долларов за архив «великого старца». Чертковы возвратят рукописи домой, на родину, в Россию. В 1918 году, а затем и в 1920-м в Кремле согласится Владимир Григорьевич с предложением Владимира Ильича Ленина быть главным редактором Полного собрания сочинений Толстого.

В пору напряжённой работы Черткова запечатлеет для нас русский скульптор Анна Голубкова — «старый человек с высоким лбом мыслителя, дух его не угас, не сломлен». В 1936 году, на исходе своей жизни (жена скончалась раньше), Владимир Григорьевич подержит в руках 72-й том сочинений, а всего подготовили к печати 91 том. Он коснётся полки, на которой уже плотным рядом стояло пятнадцатитомное Полное собрание художественных сочинений Толстого. Всё это — плоды и его трудов...

Нет на свете суходольного Ржевска. Крутое время смело снесло дворянскую усадьбу.

Седой полынок над обрывом, неумолчный родник, лёгкие облака в чистых водах пруда под синим небом. И ветер заплутал в листах на вершине дуба.

«Степь да степь кругом, путь далёк лежит».

Марасова родня

Впрошлые семидесятые годы случай свёл меня в Россошанской поликлинике с опытным врачом Украинским. Фронтовик Сергей Никитич рассказал мне, газетчику районки, о том, что оформлял документы для бабушек из Алейниковского сельсовета. «Внучки Тараса Шевченко. Из Киева обещали им пенсию платить».

В телефонном справочнике Россошанского района насчитал восемьдесят однофамильцев поэта. К слову, в моём родном селе целая улица Шевченок набирается. Да мало ли чего бывает на белом свете. Язык довёл и до Киева Верхнего — степного сельца, откуда уже рукой подать к Дону. При случае поинтересовался об услышанном в совхозе «Алейниковском», где расположен тот хуторок. Утвердительно ответил мне старожил тамошних мест, тогдашний профсоюзный начальник, председатель местного комитета Иван Порфирьевич Дробин, с кем я давно, кстати, был знаком.

Моя мать, Варвара Тимофеевна, доводилась внучкой Иосифу Григорьевичу, родному брату Тараса.

Оказалось, что Дробин ездил на родину предков — в село Шевченково (так называется прежняя Кирилловка, где прошло детство великого Кобзаря). Это Звенигородский район Черкасской области.

– Усадьба, где стояла «хата батькив», – Государственный заповедник, – рассказал он. – Весь в зелени и цветах литературно-мемориальный музей. В одном из залов – во всю стену родословное древо рода Шевченко, нарисована там и наша воронежская веточка...

К горькому сожалению, настоящая хата отца поэта сгорела ещё в конце прошлого девятнадцатого столетия. Та же беда стряслась уже спустя век, в сентябре девяносто второго, – среди ночи огонь запылал изнутри, а сторож, как всегда, спал дома. Одни увидели в том покушение на национальное наследство Украины, другие, что достовернее, – безответственное отношение к святыням народным.

Воспоминания о детстве часто «прорастают» в родственной слову великого Гоголя русской художественной прозе Шевченко. Читаем зачин повести «Княгиня»:

«Село! О сколько милых, очаровательных видений пробуждается в моём старом сердце при этом милом слове! Село! И вот стоит передо мною наша бедная, старая белая хата с потемневшею соломенною крышею и чёрным дымарём (печной дымовой трубой), а около хаты на прычилку (с боковой стороны хаты) яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки! А у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкою, а за вербою стоит клуня (сарайчик, в каком молотили снопы), окружённая стогами жита, пшеницы и разного всякого хлеба: за клунею по косогору пойдёт уже сад. Да какой сад! Видал я на своём веку таки порядочные сады, как, например, уманский и петергофский, но это что за сады! Гроша не стоят в сравнении с нашим великолепным садом: густой, тёмный, тихий, словом, другого такого сада нет на всём свете. А за садом левада (сенокосный лужок), за левадою долина, а в долине тихий, едва журчащий ручей, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, тёмными, зелёными лопухами; а в этом ручье под нависшими лопухами купается белокурый мальчуган, а выкупавшись, перебегает он долину и леваду, вбегает в тенистый сад и падает под первою грушею или яблонею и засыпает настоящим, невозмутимым сном. Проснувшись, он смотрит на противоположную гору, смотрит, смотрит и спрашивает сам у себя: «А что же там за горою? Там должны быть железные столбы, что поддерживают небо. А что, если бы пойти да посмотреть, как это они его там подпирают? Пойду да посмотрю, ведь это недалеко».

Встал и, не задумавшись, пошёл он через долину и леваду прямо на гору. И вот выходит он за село, прошёл *царыну* (выгон), прошёл с полверсты поля, на поле стоит высокая чёрная могила. Он вскарабкался на могилу, чтобы с неё посмотреть, далеко ли ещё до тех железных столбов, что подпирают небо.

Стоит мальчуган на могиле и смотрит во все стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село, и там из тёмных садов выглядывает трёхглавая церковь, белым железом крытая, и там тоже выглядывает церковь из тёмных садов, и тоже железом крытая. Мальчуган задумался. «Нет, — думает он, — сегодня поздно, не дойду я до тех железных столбов, а завтра вместе с Катрею. Она до череды коров погонит, а я пойду к железным столбам, а сегодня одурю Микиту (брата), скажу, что я видел железные стол-

бы, те, что подпирают небо». И он, скатившись кубарем с могилы, встал на ноги и пошёл, не оглядываясь, в чужое село. К счастью его, ему встретились чумаки и, остановивши, спросили:

- А куда ты мандруешь, парубче?
- Додому.
- A де ж твоя дома, *небораче* (бедолага)?
- В Киреливци.
- Так чого ж ты йдёшь у Морынци?
- Я не в Морынци, а в Киреливку иду.
- А колы в Киреливку, так сидай на мажу (на чумацкий воз), товаришу, мы тебе довеземо додому.

Посадили его на *скрыньку*, что бывает в передке чумацкого воза, и дали ему *батиг* в руки, и он погоняет себе волов, как ни в чём не бывало. Подъезжая к селу, он [увидал] свою хату на противоположной горе и закричал весело:

- Онде, онде наша хата!
- А колы ты вже бачишь свою хату, сказал хозяин воза, то йди соби с богом!
- И, снявши меня с воза, поставил на ноги и, обращаясь к товарищам, сказал:
 - Нехай иде соби з богом...»

«Хата батъкив» сохранилась в рисунках Тараса Григорьевича. Побелённая мазанка. Сверху нахлобучена по самые прижмуренные оконца патлатая камышовая стреха. На потрескавшемся пересохшем лозовом плетне выжаривается на солнце глиняная макитра, и ещё одна — на держаке печного рогача, прислонённого у стенки. Без этих выставленных сушиться кувшинов-глечиков и макитр да красных, розовых рясно цветущих мальв под оконцем невозможно представить слободскую Украину.

Открой скрипучую-рыпучую дверь — на глиняном полудоливке стоят стол и лавка. Судьба уготовила им быть выставленными в музее. В углу — божница с лампадкой. Вот и всё убранство.

«Я – сын крепостного крестьянина», – так напишет о себе в автобиографии Шевченко.

На той самой лавке за столом собиралась вечерять вся семья: мать и отец, мал, мала меньше — Катерина, Тарас, Никита, Ярина, Мария и Иосиф. Парила и сладостно пахла картошка. Малышня терпеливо дожидалась, пока отец не отрежет каждому по скибке хлеба, пока мама, почему-то не обжигая руки, раскладывала перед каждым горячие картохи на стол...

Святая простота...

По сей день не иссякает людской поток в шевченковскую Кирилловку, а за сотни вёрст севернее — к русской деревне, в есенинское Константиново.

И вот перед тобою — «убогая батьковская стреха». И нет ответа: как под ней смогло родиться «Рэвэ та стогнэ Днипр шырокый»? Почему в другой, бревенчатой избе явилось парнишечке «Выткался над озером алый свет зари»? Явление Пушкина, скажем, понятнее, там — образование, культура дворянских поколений, впитанная с материнским молоком. А тут 8542 крепостных крестьянина у помещика Энгельгардта. Тут же — шестеро детей вырастало в семье Григория Шевченко. Из тысячи тысяч сирых сверстников Тараса выпало спеть о них, о времени песнь потомкам именно ему, Кобзарю?!

Доводилось ли вам когда-нибудь на самом что ни на есть суходоле, на степной вершине вдруг встретить ключевой родник? Серебрит косогор сивым полынком, а среди него нежданным островком зелёная осока, какую питает и в тени которой выживает незамутнённый родничок. Знающий человек объяснит вам доступно о необычном поведении подземных вод, нарисует вполне ясную для понимания картину. И всё одно — останется в памяти сказкой: выгоревшая, сожжённая летним зноем степь, напитанная до краёв полынной горечью, и не в низине яра, не под обнажённым земельным обвалом в глубокой круче, а на самой горушке, в укрытой тенистой зеленью кринице-копаночке неостановимо бьёт светлый ключ, приятно обжигающий пересохшие губы ледяным холодком.

Так и тут? Есть народ. И есть его поэт, народный глас. «И неподкупный голос мой / Был эхо русского народа».

Вроде всё объяснимо.

Но только откуда же явилось: «Соловьём залётным юность пролетела»? «Отговорила роща золотая»? Только как же всему обездоленному миру сын крепостной крестьянки прозорливо скажет: «И на оновлэнной земли / Врага нэ будэ, супостата. / А будэ сын и будэ маты. / И будут люды на зымли»?

Судьбе было угодно распорядиться так, что у Тараса Григорьевича не сложилась собственная семья, какая ему виделась в думах в далёкой ссылке в солдатчине, в тёплом Киеве и холодном Петербурге. Фамильный род Шевченко продолжили дети его сестёр и братьев. Из семьи младшего, Иосифа Григорьевича, в будущем и потянулась родословная Кобзаря в воронежские края.

У Иосифа родилась дочь, – рассказывал правнук Дробин. –
 Назвали её Вассой – Василиной. Уже после отмены крепостного права она вышла замуж за кирилловского парубка Тимофея Хо-

менко. Жилось бедно. Шли внаймы работать к тому же барину на его землю. Покинули родину. По рассказам матери, случилось это во второй половине девятнадцатого века. Молодые вместе с другими семьями земляков из Звенигородского уезда Киевской губернии поехали искать счастья на чужой стороне. Близ слободы Россошь Острогожского уезда Воронежской губернии звенигородцы поселились на соседних хуторах Верхний Киев (на холме) и Нижний Киев (в низине). Это была Воронежская Слобожанщина, где ещё со второй половины семнадцатого века начали обживать донские степи малороссийские козаки-черкасы с Днепра.

Вспомним ранние рассказы Ивана Бунина, написанные, что называется, с натуры. Зримо предстаёт серая крестьянская толпа, какую гнала в необжитые края нищета. Слышишь скрип колёс нескончаемых обозов. Почуешь, почувствуешь запах мягких пыльных дорог, над какими в ночи сияют звёзды, которые, «может быть. знают, как свято человеческое горе!»

— Так уж вышло, что Василина и Тимофей выбрали на жительство степной хуторок Верхний Киев. Почему именно здесь — не сохранилось в семейной памяти, — говорит Иван Порфирьевич. — Они тут были в числе других украинских переселенцев. О том можно догадаться по названиям окрестных хуторов: Украинский, Крещатик, Мирошников, Херсонский. Может, какой-то дошедший до ручки в хозяйственных делах местный помещик распродавал, сдавал в аренду свои угодья, вот и поселились в Придонье переселенцы.

Всё же тесна земля. Племянница Шевченко, конечно, и не предполагала, что и эта степная сторона – родина людей, близких Тарасу Григорьевичу.

В недальней слободе Юрасовке когда-то родился и рос внебрачным сыном помещика и крепостной крестьянки Николай Иванович Костомаров. С ним, историком и писателем, Шевченко породнился в Кирилло-Мефодиевском обществе, которое ставило своей целью духовно и политически объединить славянские народы, искоренить рабство и всякое унижение. Именно в те годы родился «Заповит»:

> Поховайте та вставайте, Кайдани порвіте, І вражою злою кров'ю Волю окропіте...

Правда, поэт будто пророчески сквозь столетия упреждал нынешние майданные дела:

Доборолась Україна до самого краю, Гірше ляха твоі діты тебе розпинають...

И в Киеве, и в Саратове, где желал свидеться Шевченко с Костомаровым после ссылки, всякий раз по-матерински тепло и радушно будет привечать Тараса Григорьевича мать Костомарова, Татьяна Петровна, родом из юрасовской крепостной семьи Мельниковых. «Добрая старушка, — записывал Шевченко, - она узнала меня по голосу... она привечала, как родного сына, радостным поцелуем и искренними слезами. ...Я расстался со счастливейшею и благороднейшею матерью прекраснейшего сына». О ней поэт кровью сердца писал ещё в петербургском каземате, когда увидел сквозь зарешётчатое оконце, — по тюремному двору идёт мать Костомарова...

Дывлюсь: твоя, мій брате, маты Чорніше чорної землі Ідэ, з хреста неначе знята...

Так уж станется, так уж Богу будет угодно, что спустя годы на похоронах Кобзаря в холодном Петербурге навечно прикроет глаза Тарасу и свежую могилу окропит женской слезой она, Татьяна Петровна.

В донской стороне, какую обживали родичи Шевченко, в здешней степи у ночных пастушьих костров складывал песни воронежский прасол Алексей Кольцов. И уж, конечно, в дорожных думах возвращался к столичным разговорам со своим кровным поэтическим собратом — украинским Кобзарем.

А за Доном-батюшкой, в совсем близкой павловской слободе Казинке, писал «Воспоминания о Тарасе Шевченко его случайного ученика» художник-любитель Борис Суханов-Подколозин. В петербургской гостиной его матушки, Натальи Борисовны, поэт встречался с Иваном Тургеневым, Яковом Полонским, Аполлоном Майковым и другими известными литераторами, художниками. Живший в постоянной нужде, Шевченко отказывался от материальной помощи своих близких знакомых. И тогда Наталья Борисовна нашла удобный предлог: попросила Тараса Григорьевича давать уроки рисования её сыну. Эти тёплые встречи не прошли бесследно для мальчика, коль возвращался он к ним в памяти уж взрослым.

Просторна земля, но не одинок живущий на ней человек, если он, конечно, сам человек. И кирилловские переселенцы прижились на Слобожанщине. Чужая сторона стала родиной их детям. Василина Иосифовна и Тимофей Хоменко вырастили семерых

детей: Ольгу, Наталью, Евдокию (в замужестве Чекрымова), Марка, Марину (Потебенкову), Матрёну (Курченкову), Варвару (Дробину). Повзрослев, сын Марк после кончины матери вернулся в отчие края — в Кирилловку. Его сёстры остались жить на новой родине. Выходили замуж, обзаводились своими семьями. Здесь они похоронили родителей.

Судьбы Ольги и Натальи пока сокрыты в тумане лет.

Матрёна Тимофеевна вышла замуж в Верхнем Киеве за Курченко.

О Евдокии Тимофеевне и «всей нашей родне» рассказали уже её внуки, тарасовы правнуки, проживающие в Россоши. Алексею Ивановичу Тютюнникову и Надежде Владимировне Чекрымовой — за восемьдесят лет. «Бабусю Явдоху» хорошо помнят. «Добрая, в любой одежде нарядная, весёлая и до преклонных лет оставалась хозяюшкой хоть куда». А завершила она свой земной путь в 1948 году.

Лик Дуняши с сёстрами Мариной и Варварой запечатлён на старинной фотографии мастера с личным «клеймом» — «Е.И. Педановъ россошь». Действительно, и на снимке она самая нарядная — в светлой блузе с оборочками, статная.

Девушку Дуняшу судьба свела здесь же, в Верхнем Киеве, с Корнеем Тютюнником. Свела да и быстро разлучила: муж скончался молодым. Евдокия осталась с малолетками на руках — с дочуркой Катей и сынками Ваней, Васей, Алёшей. Вдова, пригожая хозяюшка, приглянулась местному неженатому парубку. Был Семён Чекрымов намного моложе Дуни, но стал родным отцом для чужих детей. И собственных быстро нажили, тоже четверых. Все свои — так и растили...

О Тютюнниках поведал Алексей Иванович. Он «рождён в 1928-ом, а записан в 1929-м году. Лишний год до пенсии пришлось дорабатывать. Дядю Алёшу не помню. Его в Гражданскую войну ни за што, ни про што прямо у двора казаки шашкой надвое разрубили. В память о нём я живу с его именем. Тётя Катя и дядя Василий работали в колхозе Чапаева. Нашу семью отец увёз в Луганск. Работал в забое на шахте Четырнадцать-Семнадцать. Началась война. Немцы на подходе. Нас эвакуировали на Урал. Пять суток добирались в Нижний Тагил. Отца взяли на фронт. В Сталинградской битве был тяжело ранен. Умер и похоронен в городе Ленинске.

Я когда в школу в Луганске пошёл, записали — Тютюнник. Тютюн по-украински — табак. На Урале устроился на железную дорогу. Тут стал Тютюнников. Однажды в документе обозвали даже Тюркиным, подсказали — вовремя исправил. По службе вырос до дежурного по станции. Домой, на родину, потянуло. Мой начальник долго не подписывал моё заявление, уговаривал — по-

жалеешь. «На такую должность тебя в Россоши не возьмут». Он был прав. А я раз решил — чего жалеть? Дома и солома едома. Пошёл в шофёры. Сельские стройки обеспечивал материалами, после — химический завод...»

Чекрымовское «родовое древо» в памяти у Надежды Владимировны. «Я наше родословие диктую под запись племяннице — дочери брата Леонида. Марина учится в Россошанском, называю по старому, педучилище. Не забудется и учителю пригодится».

«Дедушка, Семён Фомич, — из работящих крестьян. Детей и нас, внучат, к честному труду приучал. Учиться помогал. Первенец, сын Стефан, вместе со старшим братом Иваном на шахту в Луганск уехал. Там же ушёл на фронт. Как об Иване Корнеевиче, о Стефане Семёновиче есть запись в «Книге Памяти. Россошанский район»: «Чекрымов, рядовой, в 1943 году пропал без вести». Дочь Аннушка трудилась в колхозе. Дядя Пётр Семёнович работал учителем, директором школы.

Мой отец, Владимир Семёнович, остался в Верхнем Киеве. Любил лошадей, ухаживал за ними в колхозе. В нашей семье выросло шестеро братьев и сестёр. Выучились. Тая — медсестра в Семилуках. Нина — учительница в Россоши, а Николай — в Кемерово. Леонид — врач, Виктор — военный, в Екатеринбурге. Кто на пенсии, кто ещё работает. Я всю жизнь бухгалтером в Россоши — на предприятии сельхозхимии, в районном финансовом отделе, в казначействе».

Спрашиваю у правнуков о Тарасе Шевченко. «Гордимся, любим его книги, — сказала Надежда Владимировна. — Мой брат Николай ведь тоже в газету пишет, стихи сочиняет...»

А родословие своей бабушки собрала праправнучка Кобзаря Людмила Михайловна Овчаренко.

- Марина Тимофеевна родилась в 1880 году, говорит женщина, перелистывая свои записи. Прожила она, дай Бог каждому, 96 лет. По мужу Потебенко. Василий Емельянович был постарше, с 1877-го, умер в 73 года. Они крестьянствовали единолично, в колхозе имени Чапаева успели поработать.
- Хутор Верхний Киев часто называют именем давно-давно несуществующего колхоза: «Ты откуда родом?» «С Чапаева».
 - Семья Потебенко была многодетной.

Сыновья — участники войны, вернулись домой. Дядю Васю старожилы помнят как умелого и уважительного кузнеца. А его брат Иван Васильевич выучился на электрика, работал в Россоши, Новочеркасске, умер в Луганске в 90 лет. Дядя Гриша на фронт не попал. Шахтёр.

 Тёти Маруся и Елена вышли замуж в соседние сёла – в Поповку и Куренное. Колхозницы. Варвара Васильевна уехала и жила на станции Тацинской в Ростовской области. А моя мама Прасковья с отцом Михаилом Присичем жили и работали дома в колхозе, в совхозе.

Я сама почти сибирячка, — объясняет Людмила Михайловна, — в Тюменской области трудилась на стройках. Вышла на пенсию, потянуло на родину. Зимой — в Россоши, а с весны до осени — на хуторе, в родительском доме. Брат Николай остался жить там, в Сургуте...

Младшая внучка Иосифа Григорьевича Шевченко. Варвара Тимофеевна (1887-1971), с мужем Порфирием Михайловичем Пробиным (1887-1978) имели пятерых детей. Вели единоличное крестьянское хозяйство, в коллективизацию вступили в колхоз. Старшая дочь Прасковья с мужем Николаем Присичем работали в колхозе, она останется с сыном Александром, муж погибнет на фронте в годы Великой Отечественной войны. Вторая дочь Мария Порфирьевна работала колхозным бухгалтером. Третья дочь Нина Порфирьевна погибла в шестнадцать лет – разведчица, выполняла боевое задание в оккупированном врагом селе Льяченково Богучарского района. Сын Иван Порфирьевич Дробин, как уже говорилось, большую часть жизни проработал председателем профсоюзного комитета в совхозе «Алейниковском», который был создан из окрестных колхозов Россошанского района. Самый младший в семье, Павел Порфирьевич, окончил Россошанское педагогическое училище, трудился учителем, директором в сельских школах Богучарского района. Ветвь внуков Шевченко-Хоменко-Дробиных продолжают пра- и праправнуки. Живут они под разными фамилиями, возможно, даже Шевченко.

Ведают, чьи они по рождению, наши знакомые Дробины. У Ивана Порфирьевича есть дочь Светлана Ивановна, внучок Костик. Родные и двоюродные братья и сёстры Дробина, их дети и внуки растят хлеб и трудятся на животноводческих фермах — сельские кормильцы. Работают они и в городе у станка. Служат в армии. Есть среди них учителя, врачи, офицеры, моряки-подводники, ещё студенты. Их адреса теперь в разных концах нашего Отечества. Родословная ветвь потомков из рода Тараса Шевченко продолжает расти кустистым древом.

Что могли сказать о своём именитом родиче его потомки в первом колене? Наверное, говорили бы об участливой заботе Шевченко о родных, которая нет-нет, да и выплеснется в стихотворной строке, увидится в сохранившихся письмах.

«На эти деньги справь йосыповым детям на зиму одежду».

«Сказал бы Миките, Йосыпу и Ярине, чтобы не торопились на волю без пахотной и грунтовой земли, – пусть лучше подождут».

«А очень, очень хорошо было бы нам вместе век докоротать над старым Днепром».

«Увидишь брата Йосыпа, скажи ему, пусть придёт в себя да принимается мне хату ставить».

Василина Иосифовна не могла не хранить в памяти семейных преданий. О том, как уже вольным человеком гостил в Кирилловке у родных Тарас Григорьевич. Как на семейных торжествах был наречён крёстным отцом её брата. И о том, как родные, земляки, вся родимая Русь провожали своего Кобзаря в последний путь на днепровские кручи. Может, и сама Василина стояла в тот печальный час на прибрежной горушке, сразу поименованной в народе Тарасовой...

Любил Тарас Григорьевич украинские народные песни.

«Ой зийды, зийды ты, зиронька, та вечерняя...».

Современник Шевченко, украинский литератор Пантелеймон Кулиш засвидетельствовал то, как пел Шевченко у него на свадьбе. «Такого или хотя равного этого пению я не слыхал ни в столице, ни на Украине. Все гости обратились в слух, и едва Шевченко оканчивал одну песню, все просили его другую спеть. Свадебный пир обратился в национальную оперу. Невеста в знак благодарности подарила певцу-поэту свой венчальный венок».

Не стоит дивиться тому, что стихи Кобзаря в народе зачастую принимались как свои песни. При этом вовсе не обязательно припоминать и ссылаться на песню о Днепре. Ещё в начале минувших шестидесятых, когда сразу целыми улицами обстраивалось немного оживавшее наше село, чуть ли не в каждое летнее воскресение созывались люди на обмазку глиной отстроенного дома, на лепку самана — больших кирпичей из глиняного замеса. На толоку — так по-старому звался тот обычай. По завершении дел, как водилось, затевалось сельское застолье. Транзисторы и магнитофоны были ещё не в ходу, большая редкость. И вот после выпитой чарки обычно подталкивали локтем самых голосистых.

- Зачинай, Катерино...

Для порядка Катя отнекивалась. Но постепенно рядышком подсаживались любители попеть, сговаривались, кому и каким голосом вести мелодию. Наставал миг, когда вдруг разом стихал в застолье галдёж и в неустоявшейся тишине чистым звоном колокольцев заводилась песня.

Замирала, щемила человеческая душа, какой бы заскорузлой она ни была.

От певшихся в ту пору «тонкой рябинушки» и «подмосковных вечеров» переходили к своим — то вспоминали казака, какой по Дону гулял, то доходил черёд и до Днепра, и до «кукушки»:

Закувала зозуленька В зеленому гаї...

Когда же упарившийся гармонист выжимал из своего «струмента» «барыню», то следом же, не отдышавшись, тоже взмокревшие плясуны требовали играть «гопака».

Не женыся на богатой, Бо вижене с хаты, Не женися на убогой, Бо не будеш спаты...

Начинал допытываться, кто сложил эти песни. Мне простодушно отвечали:

– А хто его знает, добра душа...

И уж повзрослев, встретился со знакомыми с детства строками на страницах «Кобзаря».

По-своему интересными оказались беседы с нынешними потомками из рода Шевченко.

– Ездил на Украину с тёткой Явдохой, – припоминает Дробин. – На шевченковские торжества нас пригласили. Встретилась тогда она с братом Марком у него дома. До того лет тридцать не виделись. Обнялись, расплакались. И тут же присели на лавочку и так ладком запели на два голоса. Поплачут на радостях. И опять поют – старинную, протяжную...

Беседовали с Порфирьевичем в семидесятых годах, а в девяностых и его старость, недуги заставили навсегда покинуть хуторок. Стареньких родителей забрала к себе дочь в ростовский городок Донецк, что на самой меже с Украиной.

…У воронежских потомков рода Шевченко, с кем довелось разговаривать, есть в доме сборники стихов поэта. А вот престарелая колхозница Анна Васильевна Белашова, дочь Марины Тимофеевны, которая «ни одного класса не начинала, а, значит, и не кончала», пересказывала «Катерину» по памяти.

Говорила она нараспев. В речи, как это водится на воронежской слобожанщине, русские и украинские слова вперемешку.

– Тарас Григорыч – ридный дядько моей бабуси. Як же про цэ ны знать? Помню, бабуся рассказывала, шо прыйихалы сюда на жительство при панах. У тутошнего Голостина купылы землю.

Дитэй у бабуси було нэ так, як счас у людей, багато, хоть и бедно жили. Семь душ в семье ростила, а ещё троих схоронила.

Дидуся помню. В широких козацких штанах ходыв. Проты двора ставок, лёд тонкий, а хлопьятам хочется покататься, тай шурхнулы в холодну воду. Дедусь вытащил их, як гаврашат, як суслыкив. У него одна прыказка була:

– Бый вас сыла Божья!

В германскую войну мий батько в плен попал. Мы дожились: йисты ничого нэма, хоть с голоду помырай. С Украины родычи приглашают — с хлебом живут... Напнулы на телегу цыганскую будку — и туда. Як раз мисяц добыралысь на двух подводах. Одного коня пришлось обменять на два пуда ячменя. Родычи пособылы. В то лето шестьдесят пудов муки заробылы.

Там, в Кырыливци, побачила хату, дэ вырис Тарас Шевченко. Во дворе чего-то самолет стояв, первый раз бачила.

Опосля? Дома замуж вышла. В колхоз записались. Стахановкой звалась. На ланке, на буряках сахарных всю жизнь звеньевой. Тяпкой та руками кохаешь их. Осенью выкопаем и сложим в кагаты прямо на поле, укроем. Зимой вывозим. Ночь-полночь, уже стучит в оконницу бригадир:

– Васильевна, сегодня на волах не едешь, коней запрягай. А на конях, по-нынешнему, як на «Волги».

Всяко жили. Не тужили. Пятерых детей на ноги поставили, выучили, хай нэ обижаются...

Старуха рассказывала всё обстоятельно. Выработанные на свёкле сухощавые руки, что суше старого дерева, не лежали покойно на коленях — чистыми уголками повязанного под подбородок платка всё смахивала набегавшие на глаза слёзы.

– Наши бабы считали, что про Катерину в «Кобзаре» выдумано. Не, я в Кырыливци узнала – суща правда, – доверительно сообщила она мне напоследок. – Шевченко правду писал...

Стоял в ту пору степной хуторок окружённым вызревающими уже золотистыми хлебами.

В высоком небе вековечно плыли над чистым полем облака. Сверкало солнце. Голубым платком, сложенным треугольником, светился пруд. Тенистой рощицей вербы по плотине. Вдруг, не поднимая брызг, снялись и, сделав круг, опять сели на обжитую воду дикие утки.

И вновь покой. Как опаляющая душу песенная строка:

Ой крикнулы сірії гусы В яру на ставу...

Первый после Карамзина

Отом, что в помещичьей усадьбе Костомаровых всё переворотилось после трагической гибели хозяина Ивана Петровича, сосед — давний и добрый приятель — Владимир Иванович Станкевич знал, а сейчас слушал его жену. Вдова приехала из недальней слободы Юрасовки сюда, на приречные холмы в Удеревку, к Станкевичу, прежде всего, как человеку, которого уважал её муж, и как к депутату губернского дворянского собрания.

 Не знаю, как мне быть? – горестно допытывалась молодая женшина.

На долю Татьяны выпало нежданное: из своих крепостных девушек выбрал её суженой-невестой пан — старый холостяк. Родила ему сына «до венца», потому незаконнорожденного. Костомаров в паныче души не чаял. «Моя Таня», — так представлял жену гостям. «Мой наследник», — говорил о сынишке. Очень гордился им: в Московском пансионе Коленька изумлял учителей своими способностями, памятью. С ходу, скажем, заучивал трудно дававшиеся одноклассникам «латинские разговоры».

 Совсем растерялась я, Владимир Иванович, – не скрывала слёз Татьяна Петровна.

Схоже, в одночасье, барыня-крестьянка осталась вдовой. В летний предвечерний час пан по обыкновению велел запрячь в дрожки пару лошадей. Как всегда, позвал на прогулку по холмам-долам десятилетнего сына. Коленька заупрямился — увлёкся игрой, ловко пускал стрелы из лука. Отец уехал сам и не вернулся. Уже стемнело, когда всю усадьбу переполошил кучер истошным криком: «Лошади испугались! Понесли барина с горы в Пушкарёв яр!» Кинулись на розыски. Нашли неживого — в крови, с разбитой головой.

– Ведь ясно всем – не лошади убили моего пана, – твердила и плакала капитанша. – Любому и каждому понятно. Вы ведь знаете, пан не крылся, всем говорил: собирается просить Государя об усыновлении Коли. На поездку в Петербург деньги приготовил. Пропали вместе со шкатулкой. Объясняю исправнику – слушать не хотят. Откупились убийцы!

Станкевич знал, что уже отложено в архив дело «О предании случая смерти капитана Ивана Костомарова, убитого лошадьми, воле Божией». Знал он, что следователи действительно могут быть нечистыми на руку. Не первыми и не последними они грешили. Владимир Иванович мог только посочувствовать несчастной. Но, выговорившись, Татьяна Петровна сама успокоилась.

- Простите, я не за утешением приехала. За советом. Племянники пана, дети его сестры Варвары, Ровневы, требуют свою долю в наследстве.
 - Их законное право.
- Так они Коленьку хотят оставить крепостным. Делают из него казачка. «Лакеем будет твой сын! Холопом! В прихожей ему место!» Владимир Иванович, я их знаю. Закрепостят Колю, коли не откажусь от своей вдовьей части. Добьются своего! А мне без сына не жить!
- Охолонь, не горячись, остановил Татьяну сосед. Спор о наследии житейский. Не отчаивайся раньше времени и запомни: слезам не только Москва, но и наш Острогожск не верит. Подавай прошение в уездный суд об усыновлении Николая. На то была воля покойного. Я засвидетельствую...

Признание Николая сыном погибшего Костомарова угрожало племянникам потерей наследства. А ведь Иван Петрович имел «крестьян, состоящих по 7-й ревизии за ним, Костомаровым, мужского пола 304 и женского 305 душ. Кроме того, два билета сохранной казны на 75 тысяч рублей ассигнациями». Земельная площадь в документах суда не была указана, наследники её определяли разно — в шесть, семь и даже в четырнадцать тысяч десятин (больше 14 тысяч гектаров) прекрасной земли с полями, богатыми сенокосами и лесами.

Острогожский уездный суд принял прошение Костомаровой. В судебное присутствие пригласили Станкевича.

«1829 года, марта 16 дня ... поручик Владимир Иванов Станкевич по долгу присяги дал сие показание: когда мне случалось быть в доме покойного капитана Ивана Петрова сына Костомарова, то нередко слыхал от него, что он имеет у себя сына Николая, что любит его... Изъясняя же, прибавлял, что дитя его достойно звания дворянина. Он повторял, что будет просить Государя Императора об утверждении его сына в дворянстве и наследственном праве».

Сходные подтверждения дали помещики Рахмины — капитан Николай, штабс-капитан Василий, коллежский регистратор Иван Фёдоров, а также Чехурские — поручик Николай и подпоручица вдова Прасковья.

Ровневы времени даром не теряли. Судебное дело хода не получило и было оставлено «без уважения». Просительнице Костомаровой отказали в выдаче справок, дабы она не утруждала своим намерением об усыновлении незаконно прижитого ею с покойным господином Костомаровым сына, не вгоняла в хлопоты правительство или, может быть, самого Государя Императора.

Наследники диктовали Татьяне Петровне свою волю: бери «миром», что дают. Получила она «ничтожную долю капитала» в 50 тысяч рублей.

Оставила усадьбу, купила небольшое имение у помещицы Надежды Андреевны Михайловской и переселилась на оконечность слободы в крытый камышом дом о пяти покоях с хозяйственным двором и фруктовым садом.

Главное же — сын Николай причислялся к её наследству и стал крепостным своей матери...

Сделать его «вольным» и ввести поначалу хотя бы в купеческое сословие капитанше Костомаровой было проще.

Горько, обидно, но к случившемуся Татьяна Петровна и друзья её мужа отнеслись как к делу привычному, даже обыденному. Ведь почти в те же годы ещё императору Александру I мрачно описывал нравы провинциальной жизни генерал-губернатор Александр Балашев. Он докладывал: «Отеческое сердце ваше, государь, содрогнётся при раскрытии всех подробностей внутреннего состояния губерний... Смертоубийства производились заговорами, и убийцы не находились. В селениях власть помещиков не ограничена, права крестьян не утверждены, а слухами повиновение последних к первым поколеблено и ослушаний тьма. Дел в присутственных местах — кучи без счёту, решают их по выбору и произволу. Судилища и судьи — в неуважении, подозреваются в мздоимстве. Волокиты отчаянно утомительные».

Кстати, Татьяна Петровна оказалась права в своих подозрениях. Её мужа и пана убили-таки дворовые. В смертном грехе покается кучер принародно у могилы «старого Костомара», похороненного у церкви.

То случится годы спустя. А пока ещё не вершились «суд да дело». Владимир Станкевич сразу же посоветовал молодой женщине:

- Сына учи! Паныч толковый.
- В Москву мне его теперь везти накладно, да и боязно уж очень далеко.
- В Воронеж устраивай. В пансион Фёдорова. Мой Николай там. Мать прислушалась к совету соседа, выделявшегося среди окрестных помещиков. Станкевич ведь и женился по любви на сироте-бесприданнице. Немалое богатство наживал своими, можно сказать, руками взялся ремонтировать в округе мосты и дороги. К крестьянам относился по-божески. Он «держался лучших понятий, сравнительно с тёмным бытом всей массы, населявшей провинцию», и был человек «высокого практического ума, здравого смысла и благородных правил».

Коля Костомаров стал учеником благородного пансиона в Воронеже, где уже мечтал об университете, считая его «первой необходимостью для того, чтобы стать образованным человеком». Из своих товарищей уже именитый учёный-историк в первом варианте «Автобиографии» (журнал «Русская мысль», 1885, книга V, стр. 196) вспомнит лишь старшего земляка. Николай Владимирович Станкевич оставил «по себе самую добрую память во всех, знавших его, и в особенности в кругу своих товарищей, на которых он оказывал громадное влияние своей симпатичной и честной личностью и недюжинным умом. Наши отцы были очень дружны между собой; но мы не могли сблизиться вследствие неравенства лет».

Николаю Станкевичу суждена была короткая жизнь. Несмотря на то, остался он яркой личностью в истории русской культуры. Его родные и биографы едино отмечают: сын очень походил внешне и духовно на отца. Оба «хорошего роста» и стройны, с «живыми карими глазами», «прекрасными глазами», очень черноволосы. Бессознательную благовоспитанность младшего Станкевича отмечал Иван Сергеевич Тургенев: «во всем его существе, в движениях была какая-то грация,... — точно он был царский сын, не знавший о своём происхождении». Сын знал, кому он многим обязан: «милый папенька, ещё никогда не чувствовал я сильнее, что отечество и семейство есть почва, в которой живёт корень нашего бытия; человек без отечества и семейства есть пропащее существо, перекати-поле, которое несётся ветром без цели и сохнет на пути...»

Яблоко от яблоньки недалеко откатывается...

В своей долгой жизни, которую Татьяна Петровна Костомарова целиком посвятит сыну, воронежская барыня-крестьянка, став городской жительницей, добрым словом помянет своего сельского соседа Владимира Ивановича Станкевича в родимой стороне, оставшейся далеко-далеко. То письменно засвидетельствует невестка Татьяны Петровны Костомаровой, Алина Леонтьевна, в записках-воспоминаниях о своём муже, знаменитом историке Николае Костомарове.

* * *

Минувший девятнадцатый век стал поистине «золотым» не только для русской литературы и искусства. Невиданно ожила отечественная история. Славную плеяду российских летописцев открывает имя Николая Михайловича Карамзина. Среди великих учёных в отечественной исторической науке видное место занимает и сын земли Воронежской. «Историк всегда писал так, как если бы он сам присутствовал при том, о чём он рассказывает».

Исторические герои оживали под его пером. Слушая чтение «Бунта Стеньки Разина», малограмотный пекарь — герой рассказа Максима Горького «Коновалов — скрипел зубами, и его голубые глаза сверкали, как угли. Он навалился на меня сзади и тоже не отрывал глаз от книги. Его дыхание шумело над моим ухом и сдувало мне волосы с головы на глаза. Коновалов увидал это и положил мне на голову свою тяжеленную ладонь.

«Тут Разин так скрипнул зубами, что вместе с кровью выплюнул на пол...».

– Будет!.. К чёрту! – крикнул Коновалов...
Он плакал...

...Можно было подумать, что именно Коновалов, а не Фролка – родной брат Разину. Казалось, что какие-то узы крови, неразрывные, не остывшие за три столетия, до сей поры связывают этого босяка со Стенькой, и босяк со всей силой живого, крепкого тела, со всей страстью тоскующего без «точки» духа чувствует боль и гнев пойманного триста лет тому назад вольного сокола.

...Мы оба с ним были как пьяные под влиянием вставшей пред нами мучительной и жестокой картины пыток.

 Ты мне её ещё раз прочитай, слышишь? – уговаривал меня Коновалов».

...До недавнего времени в справочниках и энциклопедиях, в учёных книгах в случае, где Костомарова «ни объехать, ни обойти», называли его и сразу же выносили приговор-суждение, что труды историка безнадёжно устарели, поскольку выражал он отжившие взгляды. Впрочем, сам Николай Иванович, восстань он из вечного покоя, этому бы, скорее всего, не удивился. При жизни судьба куда как сильно мяла ему бока. «По мысли тех, кто писал о Костомарове, - подытожил наш современник, киевский учёный Юрий Пинчук, – он есть: крестьянский, дворянский, дворянско-буржуазный, буржуазный, либерально-буржуазный, буржуазно-националистический, революционно-демократический, народовольческий историк; демократ, социалист и коммунист; панславист, украинофил, федералист; историк народной жизни, народного духа, историк-правдолюбец; учёный-романтик, лирик, художник, беллетрист, артист, наконец – историк, какой был слабый диалектик, философ и социолог, или – как очень серьёзный аналитик».

Одно мнение, как видим, полностью противоположно другому. Что любопытно, каждый пишущий о нём утверждает свою точку зрения ссылками на труды Костомарова. Благо, что неполное собрание сочинений, изданное в начале века в Петербурге, составляет двадцать один том. При желании всегда можно найти и вырвать нужные тебе примеры, перетолковать на свой лад мысли историка.

Да, Костомарова можно «побивать» и цитатами из самого Костомарова. Ничего удивительного в этом нет. Открывались, скажем, новые документы, по-иному проливающие свет на исторические события и личности. Это меняло вроде устоявшиеся взгляды, заставляло учёного признать свою неправоту. Так и бывает, если исследователь из когорты ищущих истину. Костомаров боготворил Богдана Хмельницкого, называл его человеком, который «стоял выше своего века». Но когда Николай Иванович открыл в архиве иностранных дел в Москве неизвестные документальные источники, утверждающие, что гетман поддерживал тайные связи с Турцией, то Костомаров написал о знаменитом казацком вожде сурово — «данник Оттоманской Порты».

Несмотря на то, что есть довольно ёмкая и в двух вариантах «Автобиография» Костомарова, напечатаны воспоминания многих людей, близко знавших Николая Ивановича, нередко точно так же надуманно преподносятся факты из его жизни. Как и в научной литературе, так и в художественной исторической беллетристике.

А вымороченные легенды очень живучи.

Выпускник Воронежской гимназии и Харьковского университета, учитель истории, автор поэтических книг и научных работ избирается в профессуру Киевского университета, с успехом читает курс лекций по русской истории. Он уже определил свою твёрдую позицию в науке, которой оставался верным до конца дней своих. «Читал много всякого рода исторических книг, вдумывался в науку и пришёл к такому вопросу: отчего это во всех историях толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждениях, но как будто пренебрегают жизнью народной массы? Бедный мужик, земледелец-труженик как будто не существует для истории; отчего история ничего не говорит о его быте, о его духовной жизни, о его чувствованиях, способе его радостей и печалей? Скоро я пришёл к убеждению, что историю нужно изучать не только по мёртвым летописям и запискам, а и в живом народе».

Путь избран, работы непочатый край. А вскоре историк был арестован вместе с товарищами по Кирилло-Мефодиевскому братству, помышлявшими об объединении всех славянских народов в единую федерацию. Отбыл заточение в каземате Петропавловской крепости и ссылку в Саратове.

Пострадал человек сполна, как сейчас говорим, за благую идею. Надолго отлучили от любимой науки. Сломали ему личную жизнь — арестовали в канун свадьбы. Под венец они встанут с на-

речённой уже людьми в возрасте, спустя почти три десятка лет после помолвки, сватовства.

Эти «крутые» события вновь и вновь описываются на страницах новых книг. Очередной роман о Кирилло-Мефодиевском товариществе напечатан, скажем, журналом «Дружба народов», вышел он отдельным изданием из-под пера украинского писателя Романа Иванычука. И вот на страницах этой вещи в который раз утверждается мнение о малодушии, о трусости Костомарова, даже о его предательстве.

Документы же, а они изданы в Киеве трёхтомником, говорят, что поведение Костомарова во время следствия было мужественным и мудрым. Своими признаниями Николай Иванович не отяготил ни одной из судеб своих соузников.

При оценке научных трудов, случается, не учитывается то, что Костомаров стремился «оживить» историю, чтобы прожитая народом судьба свободно принималась любым человеком, имеющим лишь начальное школьное образование, и была интересна читателю образованному. По его мнению, именно к широкой доступности должна идти историческая наука. Только так она сможет приобщить к себе большой круг сограждан, осуществить идею народного самопознания. Талант художника и учёного позволял ему создавать живые портреты исторических деятелей, какие нравились читателю, но критически принимались собратьями по научному цеху. Последним казалось — Костомаров поступается правдой точного факта, слишком смел на вымысел. Действительно, бывало и такое. Но сам Николай Иванович не считал и не утверждал, что только он знал истинную правду. Чаще отдавал предпочтение спору, дискуссии, в которых рождалась истина.

Непривычные, нетрадиционные взгляды учёного на историю славянских народов, на отдельных известных исторических лиц по сей день стоят ему дорого — от современников доставались «синяки и шишки», не скупятся на них и потомки.

Очень не хотелось, чтобы Костомарова делили надвое русские и украинцы. Особенно сейчас, в пору перекройки нашего Отечества. Да, учёный выступал за самобытность славянских народов, много сделал для утверждения украинской культуры, но будущее наше видел в плодотворном единении славян. Творческое наследие Костомарова, как и его ближайшего друга Тараса Шевченко, должно не разъединять, как нынче того хотелось некоторым политикам и нашим недругам, должно крепить узы святого товарищества. Нелишне ещё и ещё вспомнить завет Кобзаря: «Пусть рожью-пшеницею, как золотом, покрыта, неразмежёванной останется навеки от моря до моря славянская земля». Нелишне знать и Костомарова. Пройдя

сквозь тюремные застенки и ссылку, он выстрадал свою веру в федерацию свободных и равноправных славянских народов. Костомаров убеждал, что «только Россия — одна Россия может быть центром славянской взаимности и орудием самобытности и целости всех славян от иноплеменников, но Россия просвещённая, свободная от национальных предрассудков, Россия, сознающая законность племенного разнообразия в единстве, твёрдо уверенная в своём высоком призвании и без опасения с родной любовью предоставляющая право свободного развития всем особенностям славянского мира, Россия, предпочитающая жизненный дух единения народов мертвящей букве их насильственного, временного сцепления».

Костомаров, как и его сподвижник Тарас Шевченко, не сомневался, что «дух Переяславского договора говорит красноречиво, что народ южный осознавал свою целостность как народ и добровольно пожелал соединения с великорусским народом; это самое повторил бы народ и в продолжение двухсот лет после Переяславского договора, и он повторял это, коль скоро приходился случай; это самое южнорусский народ скажет и в настоящее время».

Костомаров писал о Шевченко: «Он не был поэтом тесной исключительной народности: его поэзия приняла более высокий полёт. Это был поэт общерусский, поэт не малорусского народа, а вообще Русского народа». Таким поэтом в истории являлся и сам Костомаров.

Правда в конце концов пробивает себе дорогу. Исчезнут из нашей памяти кривозеркальные литературные двойники Костомарова. Пылью забвения припадут-покроются навсегда надуманные толкования его трудов. Теперь мы можем самостоятельно судить о даровании того, чью «Русскую историю в жизнеописаниях её важнейших деятелей», выдержавшую кряду семь изданий, знала вся читающая Россия. Пусть россыпью и бессистемно печатаются книги историка. Хоть наш базарный рынок не жалует серьёзную литературу, издано в Москве его наиболее полное собрание сочинений. Если кому-то очень хочется, чтобы «перестала память родителей наших и наша, и свеча бы погасла», то, дай Бог, чтобы не сбылось его желание.

В памяти Николай Иванович не однажды возвращался домой, в край, «где великорусская и малорусская народности сходятся между собою рубежами».

Обживая Киев в середине сороковых годов, он, сын помещика и сын своего времени, ещё мечтал иметь усадьбу в донской стороне. Об этом известно из письма дяди. Братья, крепостные крестьяне, стараниями сестры, матери Костомарова Татьяны Петровны, полу-

чили «вольную», переселились в Новокалитвенскую волость своего же Острогожского уезда, приписались к Обществу государственных крестьян. Родичи ещё не знали, что отсылают письмо арестанту, взятому под стражу по делу о Кирилло-Мефодиевском братстве.

«Милый мой племянник Николай Иванович! Пожелав вам от всевышнего Творца всех благ и в ваших делах скорых успехов; сожалею я очень о том, что судьба меня разлучила с вами так, что я с вами не могу и видеться, и знать о вашем здоровье и благополучии. Вы по отъезду изволили мне приказывать, чтобы я отыскал для вас землю, таковая есть у помещика Батовского близ слободы Калитвы, земля, подходящая до 600 десятин со всею хозяйственною устройкою, и если вам угодно будет, то можно купить оную со всеми крепостными людьми онаго помещика Батовского, а продажа земли оной для Батовского необходимо нужна, к тому же нужно сказать вам, что оную землю все соседние помещики советуют купить, ибо она очень удобна и выгодна. Если вам угодно будет оную купить, пишите ко мне письмо, а я по получении от вас письма уведомлю вас подробно, какая на ней есть постройка, заведения, сколько душ крестьян и чего она стоит.

Адрес письма пишите ко мне так: Воронежской губернии в город Павлов, помещику Тимофею Лукьяновичу Г. Шапошникову, живушему в слободе Новой Калитве.

За сим, пожелав вам всех благ, остаюсь жив и здоров, покорный к вашим услугам.

Захарий Мыльников.

1847 года июня 14-го дня.

Слобода Ивановка».

А узнику Петропавловской крепости было уже не до обзаведения имением.

...Поселившись после ссылки на жительство в северной столице, Костомаров издавал «сочинительские» рассказы под литературным псевдонимом Иван Богучаров. Ему, видимо, запомнилось-приглянулось знакомое с детства звучное имя воронежского уездного городка. Скорее всего, бывал там с отцом у родичей и на ярко шумливых и красочных ярмарках, которые вряд ли уступали знаменитым Сорочинским в гоголевской Малороссии.

Сказку-легенду «Сорок лет» навеяли, скорее всего, воспоминания об убийстве отца — «старого Костомара». Речь в ней шла о судьбе преступника, коему впоследствии во всём сопутствовала удача и благополучие, «деньги за деньгами сыпались в карман». Но грешник не остался безнаказанным, не минула его кара Божья.

Этот рассказ уже после кончины Костомарова попал в руки Льва Николаевича Толстого. Удивительное совпадение! Писатель посылает «легенду» — «эту превосходную вещь» — в родимый Николаю Ивановичу Острогожский уезд, где на хуторе Ржевск стараниями друга Толстого существовало и действовало издательство «Посредник», выпускавшее большими тиражами дешёвые книги «в народ» для его просвещения, самообразования и духовного воспитания. «На меня эта история производит ужасающее впечатление. И мне кажется, что такое же она должна производить на всякого простого русского человека», — пишет Лев Николаевич издателю Черткову.

Костомаров в строке воссоздал отеческий дом — край «привольный и плодородный». Когда у него резко ухудшилось зрение, Николай Иванович вслепую дважды диктовал свою обширнейшую «Автобиографию». Крепкая память хранила давние детские впечатления, слободу Юрасовку — «местоположение, где лежала усадьба, в которой я родился и воспитывался, было довольно красиво. За рекою, тёкшею возле самой усадьбы, усеянною зелёными островками и поросшею камышами, возвышались живописные меловые горы, испещрённые чёрными и зелёными полосами: от них рядом тянулись чернозёмные горы, покрытые зелёными нивами, и под ними расстилался обширный луг, усеянный весною цветами и казавшийся мне неизмеримым живописным ковром. Весь двор был окаймлён по забору большими осинами и берёзами, а обок тянулась прилегавшая ко двору тенистая роща с вековыми деревьями».

Что любопытно, заезжему стороннему человеку, чьи впечатления сохранились на страницах старинного журнала, Юрасовка показалась «ординарною», с «незначительной речонкой... с длинной вереницей убогих малорусских усадеб... самый заурядный помещичий дом, одноэтажный, квадратный, с зелёною крышею и с небольшим балконом или «крыльцом», обращённым на восток. С запада к дому примыкает маленький садик с естественным, образуемым самою Ольховаткой прудом, заросшим по окраинам вётлами и затянутым тиною».

Разница во взгляде вполне объяснима: родина человеку всегда милее, здесь он как дома.

А что помнят в Юрасовке о самом Костомарове, спустя век после его кончины? Посоветовали поговорить со старожилом «в здравом уме». Было это 15 сентября 1988 года. После хороших дождей, которым радовался крестьянин — на озимые хлеба, наступила тёплая солнечная погода. На выезде из села в сторону райцентра Ольховатки — окнами на тракт и «спиной» к лугу дома в густой зелени. Захар Иванович Ерёмин как вроде поджидал у двора. Сидел на бревнах,

два костыля рядышком — больны ноги. Сухощав. Ухожен. Лицо чисто выбрито. Старческое, в морщинах. Часто улыбается, и глаза какие-то смешливые. С шутки начался разговор. Спросил:

Не посадят за то, что стану рассказывать? – И сам себе ответил, мол, в годах, уже ни тюрьмы, ни самой смерти не страшно.

Ровесник двадцатому веку. Родился и прожил на отцовском подворье. Из Юрасовки выезжал лишь однажды. Отлучался в Новочеркасск и Ростов. В первую германскую войну в армию хотели забрать. На врачебной комиссии признали негодным к службе из-за болезни ног. После скорого возвращения живёт в Юрасовке безвыездно.

О прошлом девятнадцатом веке помнил по рассказам старших. Слышал от отца Ивана Елисеевича, а тот, в свою очередь, – от батька Елисея Никифоровича. Сам Захар Иванович дедушку не знал, «бачив его деревянную ногу-колодянку, под крышей на горищи довго валялась».

Елисей Никифорович был крепостным у Костомарова «старого». Работали люди день у барина, «на пана», а день дома. Или на постоянную работу к помещику «командировали» одного человека из семьи. Помогал «пан» обзаводиться семенами хорошими на посев, породистым скотом. «На Костомара зла не держали. Недобрыми были управляющие, от них всё зло. А убил его, пана, кучер, крепкий мужик. Убил из-за богатства, позарился на чужое. В лесу на Белой горе подковой наставил ему синяков. Затем пустили тарантас вниз в трясину — в Камплыцю, так то место называется. Пана схоронили в ограде у церкви. Кучера долго таскали, допрашивали, но убийцей не признали. Сам покаялся прилюдно после.

Сыну Костомарова не давали учиться, раз по бумагам он незаконнорожденный. Мать выхлопотала документы, и Николай уехал учиться на писателя. Часто приезжал потом в Юрасовку.

Завещал деньги Мельниковым, родичам матери, чтобы они построили в селе школу. Я сам в ней учился. В классе висел большой портрет Костомарова».

Рассказал Захару Ивановичу, что в документах мать Костомарова и её родственники записаны Мыльниковыми, а в Юрасовке их называют Мельниковыми. Ерёмин по-своему представил происхождение фамилий. «У Мельниковых в роду кто-то мельником был, зерно молол. От него и пошло. Мы вот от Ерёмы, наше семейство всему селу дало фамилию. Крестьянин неграмотный, какой-то писарь на свой лад переиначил Мельника в Мыльника».

Встречался в Ивановке, Калитве с Мельниковыми. В эти сёла когда-то переехали на жительство Иван Петрович и Захар Петрович — родные дяди Николая Ивановича. Собеседники впервые слышали о Костомарове — замечательном историке, чьё имя за-

писано в энциклопедиях. В Ивановке припомнили, что, кажется, был в роду Захар. Сколько знают себя — писались Мельниковыми. А Мыльниковых — о таких не слышали в округе.

...Тридцатое сентября 2017 года стало праздничным для жителей и гостей воронежского села Юрасовка ныне Ольховатского района. У сверкающего «пасхальным яичком» помолодевшего Дома культуры под сенью ещё зеленолистых берёз и тополей скульптор Николай Фёдорович Шептухин и глава районной администрации Иван Ильич Резник сняли белое покрывало, под горячие аплодисменты собравшихся открыв памятник — бюст именитому земляку, отечественному историку Николаю Ивановичу Костомарову.

Так на свою милую малую родину вернулся её верный сын, двухсотлетие со дня рождения которого отмечали.

Выступающие в этот памятный час говорили перед людьми о жизни, творчестве учёного-историка.

Прозвучали строки из архивного листа. «По справке ж в Воронежской Духовной Консистории, с Метрическою помянутой Георгиевской церкви, за тысяча восемьсот семнадцатый год книгою, в 1-й части о родившихся, под № 42-м оказалось: Слободой Юрасовки Помещика Капитана Ивана Петрова сына Костомарова, у поданного малороссиянина Петра Андреева сына Мельникова, дочь девица Татьяна родила сына Николая незаконнорожденного пятого мая, который и крещен шестого дня того ж месяца Священником Василием Реполовским».

Крепостной сельский парнишка стал учёным с мировым именем. По мнению современников, «после Карамзина Костомаров был первый и единственный историк-художник», воссоздававший «живое прошлое». Его «читали с увлечением даже и те, кто никогда на своём веку не развернул ни одной книги по русской истории».

Известное выражение «нет пророка в своём Отечестве» полностью применимо к судьбе сына земли Воронежской Николая Костомарова — историка и этнографа, писателя и поэта, публициста. Его творческое наследие с годами ушло в тень, оказалось — не навсегда. К нему сейчас вновь возник интерес. Внимательно изучают взгляды историка, с особым пристрастием вчитываются в труды по кроваво «болючему» национальному вопросу. Они ведь звучат особенно злободневно в связи со складывающимися довольно непросто отношениями между славянскими народами в целом, Россией и Украиной, в частности. Учёный здесь остаётся лучшим знатоком и специалистом. Потому обращаемся к Костомарову как к нашему современнику.

Военный блок стран НАТО и верховодящие в нём Соединённые Штаты Америки яростно жаждут столкнуть русских и украинцев на поле битвы. Так что открытие в селе Юрасовка памятника — бюста нашему великому земляку Николаю Ивановичу Костомарову — не просто восстановление исторической справедливости. Это важное событие, направленное на налаживание и укрепление нормальных отношений кровно родных народов.

Дело в том, что крупнейший отечественный историк родился и рос в первой половине девятнадцатого века в русско-украинском пограничье. Это обстоятельство в чём-то предопределило научные интересы будущего учёного в изучении истории славянских «народностей», прежде всего, как тогда говорили, — великороссов и малороссов. Потому Костомарова считают сегодня своим как русские, так и украинцы. Потому о нём часто пишут и говорят: историк двух народов. А толмачи от истории, желающие и сеющие рознь между нами, ищут и выхватывают из трудов Николая Ивановича «своё» лыко в свою строку. Представляют его сторонником самоопределения славянских народов, вплоть до отделения друг от друга. Представляют Костомарова, как и близкого ему в творческих порывах Тараса Шевченко, непримиримым ненавистником России.

Нет, и великий поэт, и наш автор знаменитой «Русской истории в жизнеописаниях её важнейших деятелей» видели будущее славянских народов в едином союзе.

* * *

Костомаров бы порадовался тому, что в год его юбилея на глазах становится красивее Юрасовка. Главная сельская площадь, что Красная в Москве, выложена цветной брусчаткой. Растут молодые деревца и цветут клумбы. На всхолмье обновлён мемориал односельчанам, павшим за Родину в годы Великой Отечественной войны.

Где стояла Георгиевская церковь, освящён Поклонный крест. Молитва у креста.

С открытой сцены — русские и украинские народные песни, какие любил Николай Иванович. В мастеровито отреставрированном Доме культуры выступают ребята из коллектива народной цирковой студии. Здесь же библиотека, какой присвоено имя Костомарова. Здесь же выставочный зал с картинами художника, тоже земляка, Николая Петровича Харьковского из Воронежа. На полотнах запечатлены хорошо узнаваемые места родные.

Теперь бы ещё сохранить для потомков самый старинный дом во всей округе. Судьба школьного дома сразу сложилась до-

вольно счастливо. Прослужил он не одному поколению сельских жителей без малого век, лишь в старости оказался в пустынном одиночестве. Особняк находится под охраной государства. Самое время отреставрировать его всем миром. И быть тут музею Костомарова! Пример тому — за холмами, за межой в селе Мухоудеревка Белгородской области. В старинной бывшей школе — музей тоже знаменитого земляка Николая Владимировича Станкевича, открывшего нам поэта Алексея Васильевича Кольцова и его песни-стихи. Так что стоит продолжить ремонт «до победного часа» костомаровской школы, самого старинного здания в округе. Пусть оно не только век, а века будет служить селу и миру!

Острогожские дали

Скиевлянином Юрием Анатольевичем Пинчуком породнил нас мой великий воронежский земляк.

...В предвечерний час в кабинете редактора областной воронежской газеты «Коммуна» Наквасина заканчивалось рабочее совещание приехавших из своих районных «кустов» собственных корреспондентов. Алексей Михайлович кивнул мне, чтобы задержался.

— Завтра у нас в Воронеже открывается научная конференция историков России и Украины, — сказал он. — Посвящается юбилею Костомарова. Ты о нём уже писал — тебе и карты в руки.

Майским утром 1992 года в лекционной аудитории окружного Дома офицеров первое слово о знаменитом когда-то и надолго несправедливо позабытом уроженце нашего края доверили сказать известному не только в научном мире гостю из Киева, академику, главному археологу Украины и в немалой степени яркому политику-публицисту Петру Петровичу Толочко.

— Отмечая 175-летний юбилей одного из столпов славянской истории Костомарова, — говорил он, — необходимо признать, что Николай Иванович и его творчество по праву принадлежат двум народам — украинскому и русскому. Беда только, что до этого времени мы не смогли должным образом оценить его подвижническую работу, сделать достоянием наших народов его величайшее творческое наследие, достойно увековечить память о нём.

Слушая оратора, просматривал список участников конференции и по журналистской привычке сразу выделил в нём того человека, который, насколько мне было известно, уж два десятилетия занимался «возвращением» Костомарова в славянское культурное наследие. Это был Юрий Анатольевич Пинчук, профессор, доктор исторических наук, заведующий отделом укра-

инской историографии Института истории Украины при Национальной академии наук. Ещё в 1972 году сын киевлян — рабочего и медсестры, сын фронтовика, участника штурма Берлина, и сам офицер запаса Советской армии — защитил кандидатскую диссертацию «Н.И. Костомаров как историк Украины». С интересом и, главное, с большой пользой ещё в восьмидесятые я прочёл его книгу «Исторические взгляды Н.И. Костомарова».

Потому-то сейчас с интересом ждал выступления Пинчука. За трибуну вышел человек совсем не профессорской внешности. Едва по плечо рослому Толочко. Доброта в лице не показная: в светлой улыбке, в манере тихо говорить. От глаз с прищуром лучатся морщинки. После оказалось, что при щелчке затвора фотоаппарата он, дитя фашистской оккупации, как при щелчке оружия, невольно моргал — смыкал веки.

А вот пусть и негромкий, но уверенный голос, выстроенная без логических «сбоев» речь подтверждали: перед тобой незаурядный учёный, умеющий с первых фраз обратить слушателя «во внимание», взять слушателя, что называется, в плен.

«Новейшую историю Украины, – говорил гость, – невозможно представить без Костомарова. Он занимает видное место в созвездии отечественных историков как исследователь жизни народных масс. Он оказал благотворное влияние на духовное развитие не только современников, но и потомков. Его любовь к Украине была естественной и благородной.

Костомаров первым из историков обратил внимание на недопустимость смешивания понятий «народ» и «население» изза того, что для последнего этнографические связи не являются определяющими. Видя в этнографическом материале важный источник для исследования истории разных эпох и народностей, их материальной и духовной культуры, он подходил к понятию «народность» как к категории исторической. Народность, считал он, невозможно создать «никаким правом». Её «уразумению» должны служить филология, этнография и история. Но история не только та, «которая повествует о войнах, дворцовых событиях, парламентских собраниях, но и такая, которая скажет нам, как чувствовал, думал, страдал, терпел, надеялся и сознавал себя народ».

Ещё Николай Иванович много труда вложил, в частности, в воссоздание истории российского и украинского казачества. Об этом можно судить по его работам «Богдан Хмельницкий» и «Бунт Стеньки Разина», без каких и сейчас не обойтись. В отличие от других историков Костомаров очень убедительно представил положительную роль казачества в становлении Российского го-

сударства. Казаки, по сути, оставались единственными защитниками православной веры. Досконально изучив по источникам процесс возрождения и развития Запорожской Сечи, Костомаров первым ввёл в науку точное и крылатое выражение «христианская казачья республика».

«Естественно, такой великий учёный и такой яркий представитель своего времени заслуживает того, чтобы народ знал и изучал его сочинения...»

В перерыве нам удалось лишь познакомиться. Юрия Анатольевича, конечно, сразу заинтересовало то, что я часто наезжаю в Юрасовку. Поскольку гостям предложили экскурсию по Воронежу, то договорились поговорить обстоятельнее завтра. Нам уже сообщили: конференция продолжится в старинном городке Острогожске — некогда столице «первого по времени» козачьего слободского полка.

Действительно, нам удалось неспешно беседовать почти в двухчасовом путешествии в южные пределы Воронежской области. Посмеиваясь над собой, я признался, как «открыл» мне Николая Ивановича Костомарова сельский житель, какой «институтов» никаких не кончал.

Случилось это ещё в 1974 году. В моей первой журналистской командировке в слободу-село Юрасовка когда-то Острогожского уезда, а ныне Ольховатского района, судьба свела тоже с Николаем Ивановичем, только Мирошником. Это был потомственный крестьянин, крепкий хозяйственник-самоучка. Умело руководил колхозом «Красная звезда», вывел сельхозартель в областные «маяки». К тому же колхозный «голова»-председатель оказался прекрасным знатоком истории родного края.

— У нас в «Юрасивци» (говорил он, как все здесь, пересыпая речь украинскими и русскими словами) родился и вырос известный историк, мой тёзка, Костомаров. Мать — крестьянка, отец — пан, — тут же Мирошник остановил всепроходимый «газикбобик» возле старокирпичного дома. — Школа построена ещё в девятнадцатом веке по завещанию на деньги земляка.

С умным и всё знающим видом я черкнул что-то в блокноте. Разговор о Костомарове благоразумно не продолжил. В моём филологическом мозгу выплыла фамилия некоего провокатора, выдавшего царским властям писателя-революционера Чернышевского. Когда дома перелистал книги, ругнул себя. То были два разных Костомарова — крупный историк и малоизвестный литератор. Правда, оба были в близких людях Чернышевского. Позже выяснил, что их ошибочно породнили создатели знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона.

Сам же я запутался неслучайно. Труды нашего Костомарова в ту пору предали забвению. В Большой Советской Энциклопедии его обозвали буржуазным националистом. Чему не стоит удивляться. Из свежей, 2006 года, книги «Первая кровь России» А.Н. и Н.Д. Литвиновых я, к примеру, узнал, что Костомаров явился основоположником «экстремизма, революционно-террористического движения в России в 1861-1879 гг.». А вот в изданной во Львове ещё в 1898 году книге забытого писателя Осипа Андреевича Мончаловского «Литературное и политическое украинофильство» о нашем земляке прочёл:

«В 1863 году Н.И. Костомаров, заметив намерение польских политиков воспользоваться украинофильством для целей восстания и склонность некоторых малороссов пойти на польскую удочку, торжественно провозгласил «анафему тому, кто задумает отделение Украины от России».

В пору моего «открытия» Костомарова работы его оказались вполне доступны для чтения. По тогдашнему межбиблиотечному абонементу в мой провинциальный городок Россошь по заявке присылали из столичной Ленинки и ленинградской Щедринки, из библиотек Киева, Харькова, нашего Воронежа бесплатные бандероли со старинными книгами — с «ятями» и «ерами». Крамольными они мне не показались. Особенно запойно читал мягкообложечные выпуски знаменитой когда-то «Русской истории в жизнеописаниях её важнейших деятелей».

Теперь-то всякий раз приезжая по газетным делам в Юрасовку, уже не уходил от разговоров с Мирошником о Костомарове. Председатель показывал мне, где стояли давно порушенные Георгиевская церковь, панский усадебный дом. По его подсказке находил старожилов, которые ещё от своих бабусей-дедусей слышали хоть что-нибудь о Костомаровых.

Слово быстро сказывается. Мой внимательный собеседник Юрий Анатольевич Пинчук в свою очередь говорил, что ему повезло на учителей в науке. Академик, известный украинский историк Иван Александрович Гуржий «влюбил» аспиранта в Костомарова и своим авторитетом помогал молодому учёному «пробивать» в печать статьи, «шлифовал» главы его кандидатской диссертации, поддержал при её защите. Пинчук помянул добрым словом своего непосредственного наставника — тоже известного историка Фёдора Павловича Шевченко. С их лёгкой руки ученик утвердит в исторической науке цельное направление — костомарововедение. Вклад Пинчука — первое жизнеописание Костомарова. Юрий Анатольевич — главный «двигатель» в создании «Энциклопедии жизни и творчества Н.И. Костомарова (1817-1885)»

и «Микола Костомаров: Віхи життя і творчости: Енциклопедичний довідник».

Повезло бы так Николаю Михайловичу Карамзину, Сергею Михайловичу Соловьёву, Василию Осиповичу Ключевскому...

Так что сегодня заслуженно имя ведущего историка, главного исследователя творческого наследия Костомарова профессора Пинчука внесено в «Воронежскую историко-литературную энциклопедию», в современную «Украинскую историческую энциклопедию».

Разумеется, больше мне приходилось отвечать на расспросы Юрия Анатольевича. Как сейчас выглядит Юрасовка? Жива, не пересохла речка детства Коли Костомарова Ольховатка? Какова судьба костомаровского школьного дома? Узнав, что «колхоз Мирошника» построил новую школу, а старая используется не по назначению, сразу поделился мыслью — открыть в ней музей земляка. «К вам все любящие историю Украины, поедут паломниками».

– Мечтали, – объяснял ему. – Острогожский историко-краеведческий музей, куда путь держим, хоть сейчас готов взять старую школу под своё крыло. Да где взять деньги для реставрации ветшающего на глазах здания, на его содержание?

Киевлянин советовал и мне отложить все творческие замыслы, горячо «сватал» всерьёз заняться сбором материалов, написанием биографии Костомарова. Пинчук с радостью известил, что у него вот-вот выйдет научный труд о жизни историка. «Первый экземпляр пришлю для Ольховатского краеведческого музея».

Его предложение, рождавшееся в пути, по народному присловью, дошло Богу в уши. Не я, так моя дочь Татьяна вскоре поступит на исторический факультет Воронежского государственного университета. Не Божий ли промысел — с третьего курса занялась «костомаровским поиском». В областном государственном архиве её ждала первая удача. Татьяна обнаружила среди ещё не тронутых исследователями бумаг церковную метрику. Этот ценнейший документ позволил установить дату рождения Костомарова — 5 мая (17 мая по новому стилю), а не 4 мая, как считал сам историк, 1817 года. В «свидетельстве о рождении» указано социальное положение родителей, дано подробное описание крещения младенца. Записи в тогдашних переписях — «ревизских сказках», судебные дела помогли, хоть пока и неполно, восстановить родословную учёного.

Моя дочь защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Н.И. Костомаров (1817-1885 гг.): общественно-политические взгляды и деятельность». Написала и издала книгу «Славянский мир Н.И. Костомарова» и документальную повесть «Воронеж навсегда мне

памятен». Она же автор предисловия и составитель сборника избранных трудов Н.И. Костомарова, впервые вышедших в Воронеже, на родине историка. Доктор исторических наук, доцент Воронежского государственного аграрного университета отмечена почётными грамотами Воронежской областной Думы и Ольховатской районной администрации за научные труды и «большой личный вклад в пропаганду творческого наследия нашего великого земляка Николая Ивановича Костомарова».

Пишу подробно об этом не для того, чтобы похвалить дочь. Дело в том, что все эти годы она работала и работает «по Костомарову» под доброжелательной, я бы сказал даже отеческой, заботой как ведущих воронежских историков Михаила Дмитриевича Карпачёва, Александра Николаевича Акиньшина, так и киевлянина Юрия Анатольевича, главного «костомароведа». Пинчук бережно редактирует её статьи и очерки, публикует в Киеве в «Историчном журнале», в научных сборниках. Пинчук подсказывает ей пути дальнейших поисков в российских архивохранилищах.

...Но это будет потом. А пока, напомню, мы едем в Осторогожск. За окном автобуса мелькают в прогалах лесных полос поля и поля, радующие глаза нежной зеленью после майских дождей. Это та самая земля, о какой сложены в старину песенные строчки «Степь да степь кругом...»

— Здесь и раньше пролегал тракт, по которому гимназист Коля Костомаров ездил на учёбу в губернский Воронеж? — снова допытывается Юрий Анатольевич.

В Острогожске выпал свободный от заседаний час. Тут моим путеводом вдруг стал Пинчук, впервые попавший в «городок уединённый острогожских козаков».

– Представим, – говорил Юрий Анатольевич, – по этому бульвару гулял вчерашний харьковский студент, ставший юнкером Кинбургского полка. Напрочь позабыл он о военной службе, утонув в делах о козацкой старине. Ими оказался богат архив уездного суда.

Документы и живая история предков — всё рядом. Подробное описание козацкого быта, и вот он, в яви, под камышовой стрехой-крышей сохранившихся слобожанских хат. Майдан. Отсюда уходили в военные походы — на Азов, в Крым, на Дунай.

Тут раскинули походные шатры — царь Петр Первый встречался с гетманом Мазепой. То было после баталий в Азове, где геройски сражались с турками козаки. Слободские полки во многом решали судьбу Полтавской битвы.

...Острогожский майдан. Кому — чаша за здравие, кому — голова с плеч!

– Это сквозь даль времен видел юнкер, – говорил мой собеседник. – Под его пером рождался первый научный труд будущего историка – «Описание Острогожского слободского полка». Жаль-жаль, что он пока остаётся утраченным.

Улучил и я момент вставить слово:

- Юрий Анатольевич, припас я для вас новость про запас. Близ Россоши ведь есть степной хуторок. А имя-то у него какое? Пинчук! Гость недоверчиво бросил взгляд.
 - Не шучу. Серьёзно. Фотоснимок для вас специально будет.
- Знать и мои сородичи оставили свой след на Дону, говорил, удивлённо раскинув руки, мой киевлянин. Спасибо Острогожску! Вот какие дали и мы здесь увидали.

* * *

Из писем Юрия Анатольевича Пинчука.

Киев, пасхальная неделя. 1993 год, 21 апреля.

«В минувшем году удалось пробить в Академии наук Украины премию имени Костомарова. Рискнул подать на конкурс этой премии свои работы. В результате подготовки должных бумаг, голосований дело завершилось присуждением. Так что теперь есть премия АН Украины имени Н.И. Костомарова, и первый её лауреат — ваш покорный слуга. Вручили премию мне на общем собрании АН Украины 23 марта.

Может, пишу хвастливо, но такое событие встречается раз в жизни»

Киев, 11 марта 2005 года.

«Сейчас готовлю к сдаче в типографию рукопись новой энциклопедии о Костомарове. В ней решено разместить и иллюстрации. В этой связи у меня к вам и Татьяне большая просьба. Поделитесь имеющимся у вас в личном архиве фото с портрета Татьяны Петровны Костомаровой, копию свидетельства о рождении Николая Ивановича, снимками школы в Юрасовке, в Воронеже — пансиона и гимназии, где учился Костомаров. Буду рад любым иллюстрациям, связанным с Костомаровым.

...В остальном всё идёт по накатанной колее. Зима не отпускает. Инфляция растёт. Высокие чины стреляются, клуб миллиардеров пополняется. А развитие науки ...самотёком».

Киев. 7 июля 2010 года.

«В этом полугодии провели интересные Костомаровские чтения с выездом в исторический центр Любеч. Жаль, ваша Татьяна не смогла приехать, она бы об этом хорошо написала. Будем надеяться, сможет вырваться на юбилейные Десятые чте-

ния. Обрадую, при поддержке населения и депутатов готовится проект реставрации усадьбы в Дедовцах и церкви, в которой венчались Николай Иванович и Алина Леонтьевна. Если смена власти не повлияет, не помешает, возможно, скоро увидим эти здания в надлежащем облике.

...На работе экономят средства, как нам объясняют, для поддержки молодёжи. В этой связи меня с должности заведующего отделом опустили на должность ведущего научного сотрудника, потом – на старшего научного сотрудника по контракту. А сейчас предложили работать по договору вне штата. Сплошная морока и в принципе «служба на дядю». Я отказался и перешёл пока в институт археографии и источниковедения».

Киев. 17 марта 2011 года.

«Получил ваше прошлогоднее декабрьское письмо в конце марта. Почта, скажем мягко, работает сейчас в ногу со всей нашей государственной системой. На днях ожидаем утверждения в парламенте пенсионной реформы, которая может подкосить жизнь многим, в том числе и нам, учёным. Перспективы туманные.

Сдаёт здоровье. Ухудшилось зрение – пишу и читаю одним глазом.

Сейчас работаю над книгой избранных статей о Костомарове. Есть и другие задумки. Но все они сегодня находятся под большим вопросом в связи с существующей социальной обстановкой. Выход на пенсию лишает возможности реализовать эти проекты в печати. Надежда умирает... Когда? Вот и думай — как быть? Как жить?..»

* * *

В начале ноября 2012 года звонили в Киев, сердечно поздравили Юрия Анатольевича с 75-летием, поблагодарили за новую книгу «Избранные статьи из «костомарововедения». Приняли новые советы и пожелания — в каких российских архивах можно разыскать пока неизвестные сведения о жизни и творчестве Н.И. Костомарова.

По просьбе учёных — питомцев Юрия Анатольевича — написали заметки для готовящейся к выпуску книги, посвящённой учёному.

И тут — скорбная весть. 22 декабря 2012 года Юрий Анатольевич Пинчук скоропостижно завершил свой земной путь.

Одна мысль в утешение: на горних высотах он непременно встретится с Николаем Ивановичем Костомаровым.

Где душа с душою говорит.

Отец и сын

1. Имя учёного-библиографа Михаила Николаевича Куфаева, родившегося 31 октября 1888 года в слободе Новая Калитва Воронежской губернии Острогожского уезда в семье сельского священника, известно в нашем крае, к сожалению, незаслуженно мало.

2.

Семья Куфаевых выехала из слободы на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков. Как ни много утекло воды с той поры в Дон, сколько огненных смерчей ожгло эту землю, память людская крепка. Старожил села Яков Иванович Колесников сразу вспомнил священника Троицкой церкви отца Николая, в миру — Николая Алексеевича Куфаева.

– Был такой батюшка. Учил нас, крестьянских детей, грамоте в церковно-приходской школе. Когда он уезжал, провожать его пришли все ученики вместе с родителями. Дом свой он подарил под школу, там после учились...

А вот извлечение из автобиографии сына Куфаева:

«У отца, сельского священника, была очень большая семья. Жили очень скромно, а порой и очень скудно. Отец много занимался историей своего края (известны его работы) и непременно хотел дать всем нам, детям, высшее образование, чего и добился с большими, правда, трудностями в разное время».

Пока удалось ознакомиться лишь с частью краеведческих работ Куфаева-старшего, печатавшихся в губернских газетах. Одна из них посвящена истории слободы Старой Калитвы — прежде уездного города, а потом заштатного. Предполагая, что наши степные места были хорошо обжиты людьми с давних времен, Куфаев подробнее рассказывает о временах более близких — об освоении края казаками-«малороссиянами» в начале восемнадцатого века.

«...как пришли сюда казаки, как увидели местность, — вот так калита! вот так мешок добра».

Отсчёт родословной нынешней Старой Калитвы священник-краевед ведёт с 1725 года. С уважением и теплотой пишет он о трудолюбии здешних жителей: «Очень вежливы и уважительны. В своей разговорной речи старокалитвяне не отличаются словоохотливостью; больше думают, чем говорят; на все наши возражения и предложения у малороссов на уме и на языке один ответ: «побачим!» Есть в Калитве и народ отменный от черни — речистый и откровенный». Не скрывает Куфаев и того, что «при дележе бед-

някам достаётся земля часто самая худшая», он вопрошает: «Что же бедняк сделает на этой земле с одной парой волов?»

Интересны и другие сведения.

С 1844 года существовала в слободе школа, на занятия приходило 180 детей, в помещении школьном просторно, всегда тепло и чисто. Так что немало жителей умело читать и писать.

О животном мире здешней природы в прошлом говорит такой факт. В 1885 году крестьянин Новой Калитвы достал багром со дна реки «оленьи рога аршин с четвертью величины», размахом без малого в метр.

И ещё. Успенская церковь в Старой Калитве была построена в камне в 1777 году, расширялась и достраивалась в 1857-м. Звенели окрест восемь колоколов. А в церкви хранилось Евангелие 1763 года издания. Кстати, останки церкви дорушены были совсем недавно, жаль, конечно, — одно из старейших, если не старейшее строение во всей округе.

Много любопытного поведал краевед об истории слободы – «сестры» Новой Калитвы, в Троицком храме которой служил сам. Здешние заречные горы на «татарской» стороне наши предки обживали чуть позже, когда границы государства Российского отодвинулись южнее. Церковь ставили «тщанием прихожан» двадцать четыре года — по 1820-й. Куфаев так описал трехглавый храм, «изображавший внешне Троицу Святую: столпообразный, в высоту 20 сажней (около сорока трёх метров по современным меркам). От низу выложен диким камнем. Дальше — стены из кирпича, оштукатурены сверху и внутри, побелены известью. Огромный купол при постройке несколько раз рушился, пока за каждой кладью кирпича не положили железную связь. Своей грациозностью купол не только внутри храма поражал взоры молящихся, даже вовне оставлял сильное впечатление».

Украсившего слободу сказочной церковью, главного её строителя батюшку Даниила Лебединского похоронили в храме за алтарём, а на наружной стороне разместили «портрет его, писанный масляными красками». Лучшие черты характера своего деда унаследовал внук Иван Алексеевич Лебединский. Так о нём напишет Куфаев: «На долю немногих городов, слобод выпадает быть родиной замечательных людей». Земляк в духовном служении примет имя Леонтия — в честь любимого им святителя Леонтия, епископа Ростовского. Ему доверят должность архиепископа Херсонского, а затем — Холмского и Варшавского. Там, на западной окраине России, он крепил в народе православную веру. Выпадал случай — навещал родные донские места. «От века не было подобного торжества и радости в слободе», когда архиепископ отец Леонтий гостил

в канун освящения красивой кладбищенской церкви, построенной на его же средства. Кончит он земной путь членом Святейшего Синода, митрополитом Московским и Коломенским.

В вышеприведённых отрывках из краеведческих исследований хорошо просматривается характер человека пишущего — пытливый, ценящий историю своего народа, пытающийся привить, передать свою любовь к прошлому людям.

У такого отца, в такой семье рос сын Михаил, которому суждено было стать видным деятелем отечественной книги.

3.

В начале века Куфаев-младший стал жителем Петербурга. В 1907 году он поступил и в 1911-м блестяще закончил истори-ко-филологический институт. Получил звание учителя гимназии с правом преподавания истории, географии и древних языков. В эту пору рассчитывать Михаилу Николаевичу приходилось на собственные силы и средства, «учась в средней и высшей школе, давал частные уроки». И связи с отчиной не прерывались долго. Занимался организацией педагогических съездов в Воронеже. По его инициативе в 1916-1917 годах создаются исторические кабинеты памятников старины в земствах Воронежской губернии.

Революция не прерывает педагогической и научной деятельности Куфаева. В 1917 году он принимает участие в организации союза Педагогических советов. В 1918 году он — профессор Петербургского университета, ведёт курс методики и социологии истории. Михаил Николаевич приглашается на должность учёного библиографа в Книжную палату. Вскоре становится заместителем директора Государственного института книговедения, одновременно продолжает педагогическую работу. Впервые в стране читает лекции по курсу истории книги.

«Любя исторические дисциплины (основные и вспомогательные), я всегда (и ещё с ранних лет) любил книги и рукописи. Собирать книги и рукописи, с большим прилежанием и отбором, я стал ещё с 1904-1905 голов».

Книговедение как наука становится основным делом его жизни. $_4$

С книгой каждый из нас встречается повседневно. Возможно, что обыденное обращение с ней и сглаживает удивление перед величайшим явлением в истории человечества — рождением книги.

Философски осмыслить это явление пытается Куфаев в своих трудах. Он прослеживает так происхождение книги: она восходит к письму, письмо — к слову, слово — к мысли. Раздумья обобщаются в выводах:

«...книга есть вместилище всякой мысли и слов человека, взятых вместе и выраженных в видимом знаке»;

«...книга являет собой прочное материальное воплощение мысли и слова, взятых вместе и доступных неопределённо большому числу людей в неопределённо большой промежуток времени».

Выше уже рассказывалось о воронежском селе в ту пору, из которой уже нет живых свидетелей. Привнёс знания в наш текущий день печатный лист. Вроде малый по значимости частный пример, но и он утверждает: справедливо книгу называют памятью человечества. Не просто кладовой знаний, опутанной паутиной и припавшей пылью времён. Память эта — в лучших творениях рук человеческих, сражающаяся и созидающая. В недавней истории вспомним книжные костры, какими полыхала фашистская Германия. Народ лишали такой памяти и добивались своего, превращали людей в стадо зверья. Но книга, вобравшая опыт тысячелетий, снова будила и будит человеческое в человеке.

5.

Громаднейшая библиотека уже нажита человечеством, век от века она становится ещё богаче. Но из собственного опыта знаем, как непросто даже на немногочисленных домашних полках быстро отыскать нужную книгу. Как же без потерь определиться в необозримом океане отечественной, мировой литературы? На выручку приходит библиография — надежнейший поводырь в книжном мире. В любой библиотеке к нашим услугам имеется справочный отдел, в считанные минуты каталог ответит, есть ли необходимое издание в наличии и укажет его точное местонахождение.

Библиография — это целая отрасль научной и практической деятельности, задачей которой является учёт печатной и рукописной продукции, составление информации о ней.

Михаил Николаевич Куфаев непосредственно участвует в созыве первого Всероссийского библиографического съезда. Выступает с докладом, подчеркивая:

«...библиотека — это не мёртвое книгохранилище, какого бы типа она ни была, она должна помочь массам ускорить их развитие, она должна двигать человечество к новой жизни, к новой культуре».

Ошибаясь и отыскивая новые пути развития науки о книге, учёный Куфаев стремился объединить библиографов страны, направить их действие в единое нужное русло. Выдвигает ряд предложений для устранения параллелизма, для пропаганды рациональных норм описания произведений печати. Настаивает на необходимости скорейшего создания научно-библиографического центра в лице

Совета Российской книжной палаты. Настаивает: для библиографии, преследующей просветительские цели, желательно создание такого же центра при тогдашнем Главполитпросвете.

Михаил Николаевич часто бывает в поездках. Он изучает книжные богатства университетских хранилищ в Казани и Томске, в Иркутске и Владивостоке. Наркомпрос командирует его за границу, где учёный исследует состояние книжного дела, выступает на Международном библиографическом конгрессе.

Его товарищи отмечают: вряд ли кто-либо ещё мог соперничать с ним в библиографической эрудиции, знании источников. Его труды, созданные в 20-е и 30-е годы: «История и книговедение», «Библиография как наука, как прикладное знание», «Книга как понятие и предмет науки, и библиография, как документальная наука о книге», «Иностранная библиография. Краткий очерк развития и современное состояние», «Пушкин — библиофил» — статьи и книги верно служат в науке и по сей день.

6.

Страсть к книге с детства привела Куфаева в ряды библиофилов – любителей и знатоков книги, собирателей редких, имеющих особую ценность изданий. Именно таким собранием была его личная библиотека, насчитывающая до 5500 уникальнейших книг, журналов, рукописей. Впоследствии это собрание пополнило Ленинградское библиотечное отделение Академкниги.

В своих работах Михаил Николаевич отделяет библиоманов – неразборчивых накопителей литературы – от истинных друзей книг. «Библиофилом мы называем того, кто «обладает» пытливой и творческой любознательностью в отношении книги как продукта духовной и материальной культуры и коллекционирует книги в культурных целях».

Особую значимость имеют работы Куфаева, рассматривающие книжные пристрастия великих писателей и, прежде всего, Пушкина. Они помогают отчетливее видеть облик поэта, какой в предсмертную минуту сказал, обращаясь к книгам: «Прощайте, друзья!»

7.

Война, блокадный Ленинград. Куфаев записывает коротко: «В дни Отечественной войны с фашистами мною прочитано в подшефных Ленинградскому Дому учёных частях Красной армии и Красного Флота 75 лекций, часто во время бомбёжек и обстрела города».

Позже, в эвакуации, профессор Куфаев преподаёт в Пятигорском пединституте. Здесь получил горестную весть о гибели в боях на Кубани своего единственного сына.

В последние годы жизни Михаил Николаевич — профессор Ленинградского библиотечного института. Был председателем Ленинградского общества библиофилов. Скончался в 1948 году. Война и после разила даже тех, кто не мог с оружием в руках быть на фронте.

Остались труды. Слышен голос мысли, запечатлённый на лист:

«Жизнь и книга... Может ли более искренно их неразрывное сродство и можно ли, любя одну из них так, как любил Пушкин, не любить с тою же силой и другую?»

А в донском селе на приречной улочке поныне сохранился домик, где Куфаев родился и рос. В нём десятки лет располагалась детская библиотека. Этому Михаил Николаевич очень бы порадовался.

Священники Соколовы

Полистайте для интереса телефонный справочник Россоши. Вы убедитесь, что фамилия Соколов в наших местах встречается часто. Письмо из города Копейска Челябинской области от Людмилы Игоревны Баженовой напомнило нам о её когда-то очень известной в наших местах родне, потомков которых она разыскивает. Речь о семье священников Соколовых.

Что знаем о них?

Илья Андреевич Соколов, можно сказать, краевед Россоши.

Первая, известная на сегодняшний день летопись слободы была написана историком Тихоном Митрофановичем Олейниковым. Он родился в 1883 году в селе Неровновка Острогожского уезда (ныне Ольховатского района) в семье священника. Высшее образование получил в Духовной академии. С 1910 года — преподаватель словесности в Воронежской духовной семинарии, председатель церковного историко-археологического комитета, редактор журнала «Воронежская старина». В советское время работал хранителем краеведческого музея. Был репрессирован.

Очерк о нашем городе Тихон Митрофанович назвал просто: «Слобода Россошь Острогожского уезда и ея Крестовоздвиженская церковь». Опубликовал его в журнале «Воронежская старина» в далёком 1916 году. В предисловии к своему труду автор указывает, что в его основе — материал архива Воронежской Духовной Консистории и летопись, «написанная и ныне ещё здравствующим протоиереем Ильею Андреевичем Соколовым, проживающим в своём доме, в слободе Россоши».

Илья Андреевич Соколов 36 лет был священником Крестовоздвиженского храма в Россоши. В 1900 году перешёл в Тверскую

епархию. В городе Осташков был произведён в сан протоиерея, служил настоятелем Троицкого собора. В 1905 году, «выйдя заштат», снова вернулся в слободу Россошь. Здесь в XIX веке, кстати, 49 лет прослужил священником и его отец Андрей Степанович, оставил по себе добрую память.

В летописи о слободе Россошь сообщается, что Андрей Степанович родился в 1805 году в слободе Колбиной Коротоякского уезда (ныне село Репьёвского района Воронежской области) в семье священника. Выпускник Воронежской духовной семинарии в 1830 году «был произведён во священника». Волею родителей избранницей сердца – матушкой – стала Надежда, дочь протоиерея Илариона Вуколовича Лаврова, уроженца Тверской епархии, который служил в ту пору в Россоши. Молодой батюшка Андрей в 1834 году участвовал в освящении нового Крестовоздвиженского храма Россоши – «величественного и ...далеко не похожего на обыкновенные сельские церкви. Храм пятиглавый, трёхпрестольный, светлый, вмещающий до трёх тысяч молящихся». Основную «заботу о его построении» взяли на себя породнившиеся землевладельцы дворяне Чертковы – Дмитрий Васильевич и его жена Евдокия Степановна, единственная дочь последнего полковника Острогожского слободского полка Тевяшова, а затем их сын Николай Дмитриевич.

В 1848 году священник Соколов «получил должность благочинного; награждён был скуфьею, орденом Святой Анны третьей степени. В своём благочинии он пользовался любовью и уважением, что видно особенно из того, что в 1865 году духовенство поднесло ему икону Покрова Божьей Матери и почтительный адрес».

Род священников Соколовых разрастался в здешних краях. В слободе Лизиновка в церкви Святого Стефана Сурожского первым батюшкой служил родной племянник Андрея Степановича – Андрей Иванович Соколов.

В 1866 году пастырь «место своё» передал сыну, Илье Андреевичу. В 1879 году, 14 июля, скончался от каменной болезни. Похоронили его в церковной ограде. На могильной плите высекли надпись: «Строгая, подвижническая жизнь твоя, приснопамятный отец Андрей, твоё радение о благолепии храма Господня, твоё странноприимство и милосердие к бедным и твоя забота о распространении грамоты в народе никогда не изгладятся из памяти духовных детей. Вечная тебе память, незабвенный наш пастырь и отец». В этой надписи — верная характеристика батюшки Андрея. Заботы о грамотности детей слободы Россошь (священник вёл занятия в школе, располагавшейся в его семейном доме), о благолепии храма, о чём сказано выше, о нуждающихся прихожанах

 всё это действительно составляло заботы, которыми жил отец Андрей.

Заботился отец Андрей о том, чтобы его паства аккуратно посещала не только литургию, но и утреню. Иногда ему говорили: «Просыпаем, батюшка, не слышно звона». Тогда он устроил «колотушку». В праздники и воскресные дни за полчаса до заутрени он обходил дома своих присных по духу и стучал под окнами, пока не получал ответа. Перед смертью, за неделю, он положил на себя полное молчание. После отпевания читалось завещание его. Народ рыдал. Завещание, разные записки и сочинения отца Андрея, согласно желанию покойного, были уложены в гроб и опущены в могилу, какую в XX веке заметёт атеистическая вьюга. Но доброе имя, святые дела священника не покроет трава забвения.

О делах батюшки. Колокольня – храм в честь благоверного князя Александра Невского – второй век украшает город, являясь его «главной архитектурной доминантой». Будто белокаменная лебедь плывёт в речной долине. Глава и крест – «медные, вызлащены через огонь». «Устроителями этой весьма величественной колокольни были всецело два лица: отец Андрей Степанович Соколов и близкий ему по духу церковный староста Михаил Данилович Жарый. К постройке здания приступили они «без гроша денег». Жарый от предшественника своего церковного старосты Ивана Сухомлина принял ключи от церкви и несколько медных пятаков. Между тем, «при помощи Божьей, за колокольню уплачено около 30 тысяч рублей».

В середине 1850-х годов, по другим сведениям – в 1861 году, отец Андрей Соколов пешком предпринимает путешествие в Москву. Была цель поклониться московским святыням. А ещё – попросить дворянина, тайного советника Александра Дмитриевича Черткова (1789-1858), которому после смерти бездетного брата Николая Дмитриевича Черткова в 1854 году досталась по разделу Россошь, оказать помощь по сооружению колокольни. Сельский батюшка был радушно принят Александром Дмитриевичем. Выслушав просьбу, Чертков обратился к одному из зачинателей поиска национального русского стиля в архитектуре Петру Петровичу Буренину, который и взялся «составить план на колокольню». Пока отец Андрей ходил на поклонение в Ростов Великий, Новый Иерусалим, Звенигород и другие места, план был готов, с которым он и возвратился в Россошь. Колокольню строил московский подрядчик Грязнов. По окончании постройки колокольни священник приступил к сооружению в нижнем этаже колокольни храма в честь благоверного князя Александра Невского, имя которого носил Александр Дмитриевич Чертков. Для этого он неоднократно с преданными ему стариками и своими ученицами-певчими ходил с иконой Божьей Матери по всему приходу из хаты в хату, служил молебны и просил, кто и сколько мог пожертвовать. В очерке «Слобода Россошь...» краеведы-летописцы указали год путешествия батюшки Андрея Степановича — 1861-й. Если это так, то внесём поправку: беседовал с Соколовым и принял решение о сооружении колокольни сын умершего Александра Дмитриевича Черткова, капитан гвардии, впоследствии оберцеремонимейстер Григорий Александрович Чертков. Он же на устройство иконостаса, ценных риз, вытканных из нити чистого серебра, пожертвовал семьсот рублей. Престол освятили в 1876 году 13 января...

Церковь и колокольню окружили оградой.

На площади окнами на белоколонный храм смотрела усадьба Чертковых, ныне утраченная, как и Крестовоздвиженская церковы...

Припомним старинное присловье: недалеко от дерева яблочко падает...

Сын Андрея Степановича, тоже «отзывчивый к народным нуждам», священник Илья Андреевич взялся за хлопоты о сооружении нового храма в заречной части слободы.

«По совместном рассуждении» сход вынес приговор: просить епархиальное начальство о разрешении построить каменную церковь.

«Прекрасный план храма» разработал воронежский архитектор по Острогожскому уезду Иван Николаевич Афанасьев. Церковь во имя пророка Божия Илии заложили в 1897 году 20 июля, а освятили 31 мая 1916 года. Храм на две тысячи молящихся представлял собой величественное здание в византийском стиле – будто сказочный. Увенчанный главным куполом и прилегающими к нему с четырёх сторон четырьмя полукуполами. Обилие света в нём необычайное. Маковка с крестом поднималась на высоту в пятьдесят метров.

Ильинский храм строили без года двадцать лет. Послужил он и того меньше. Освящали в шестнадцатом, а в двадцать девятом взорвали. Строительный материал понадобился уже на городские мирские постройки.

Как сложилась судьба Ильи Андреевича по возвращении из Осташкова в Россошь? Жил в своём доме и «здравствовал». Как и отец, учил ребятишек в церковно-приходской школе. Писал краеведческие «записки». По возможности помогал собственным детям встать на ноги.

Благодаря документам, любезно представленным правнучкой Баженовой, теперь известно, что в семье священника Соколова было два сына и две дочери.

Первенца обычно называли по имени деда. Андрей Ильич служил офицером в русской армии. Уже в годы советской власти возглавлял военный комиссариат.

Дочь Анна Ильинична, возможно, в Россоши вышла замуж, мужем её был священник Иван Сперанский. В 1930-е годы Анна Ильинична и её сестра Наталья Ильинична со своими семьями жили в Петербурге — Ленинграде.

Благополучно складывалось всё у сына Соколова Василия Ильича.

Родился он в Россоши в 1875 году. Учился в гимназии. В 1904-м окончил полный курс юридического факультете Петербургского университета. «Государственные экзамены не держал по причине студенческих забастовок». Пригласили на работу юристом в Маньчжурию на восточно-китайскую железную дорогу. Жил в Харбине. В 1910 году выехал в Казанский университет, где сдал государственные экзамены и получил диплом. Был направлен в Екатеринбург, там служил секретарём в духовной консистории. Это было церковное учреждение — «присутственное место, через которое под непосредственным начальством епархиального архиерея производилось управление и духовный суд в поместном пределе православной российской церкви, именуемом епархией». «Чин следовал ему за чином». В мае 1915-го его назначили на новую должность в Казань.

Продвижение по службе остановила революция. Её ветрами Василия Ильича и его жену Прасковью Павловну, в девичестве Авдонину, занесло на южный Урал, в старинный город Троицк Челябинской области. Здесь он работал заводским юристом. Дело знал. Уважали сослуживцы и соседи. Единственная дочь Нина, 1917 года рождения, поступила в Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена. Здесь, в бывшем Императорском женском педагогическом институте, видимо, в своё время учились родственники отца из Россоши.

Но жернова репрессий не миновали «выходца из классово чуждой среды». В ноябре 1937 года Василия Ильича арестовали. Ему предъявили обвинение в том, что он «вёл активно контрреволюционную агитацию, клеветал на советскую действительность». И хоть показания свидетелей были неконкретны и разноречивы, вещественных доказательств по делу не имелось, подследственный «враждебной личностью» себя не признал, судебная «тройка» его приговорила к ВМН — высшей мере на-

казания. Василия Ильича расстреляли «4 декабря в 22 часа». Спустя десятилетия — 18 мая 1959 года — дочь Нина Васильевна Соколова, главный педагог-логопед Омской области, получила справку о посмертной реабилитации отца. Президиум Челябинского областного суда изучил прежние и новые следственные документы по делу Соколова Василия Ильича и отменил постановление «тройки»: приговор был вынесен «без достаточных оснований»

…Уже в текущем двадцать первом веке Людмила Игоревна Баженова, внучка Василия Ильича, ждёт и верит: в Воронежской области откликнутся потомки из рода священников Соколовых…

«Bëwku, Aocebo, Mecku»

Издревле на степных просторах в междуречье Волги и Днепра через Великое Поле пролегали торговые пути. На исходе средневековья купеческие караваны и суда в обживаемых южных пределах Малой и Великой Руси охраняли от набегов кочевых народов казачьи полки — донские, запорожские и слободские. Приручая служивых, царь жаловал пограничную службу «свободами» в повседневной хозяйственной жизни. На окраинах рождались казачьи «государства в государстве». Вольница не всегда была добром. Чуть власть ущемляла казака — из кремня высекались бунташные искры. Самые известные в истории — восстания под предводительством донского верхового атамана Стеньки Разина и станичного атамана Бахмутского городка Кондратия Булавина. Щедро кровь людская лилась в пору Гражданской войны, когда русский мир разделился на белых и красных, на тогдашних сопредельных территориях Области Войска Донского, Воронежской, Тамбовской губерний.

Судьба народная, неделимая. Как и земля, какой её великие певцы посвятили свои лучшие строки.

«Степь раздольная / Далеко вокруг, / Широко лежит, расстилается!... / Ах ты, степь моя, / Степь привольная, / Широко ты, степь, / Пораскинулась, / К морю Чёрному понадвинулась!» — пел Алексей Кольцов. Ей признаётся в любви Михаил Шолохов: «Родимая степь под низким донским небом!.. Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!»

«В прекрасный и яростный мир» двадцать четвёртого мая 1905 года явился Михаил Александрович Шолохов — будущий великий русский писатель. Герои его «Донских рассказов», «Поднятой целины», «Судьбы человека», «Они сражались за Родину» и сегодня рядом с нами. Напомним, его роман «Тихий Дон» — одна из вершинных книг мировой литературы. Книга удостоена Сталинской и Нобелевской премий.

Если сегодня — 115-я годовщина, то совсем недавно в честь примечательной круглой даты — 100-летия со дня рождения писателя — по решению ЮНЕСКО 2005-й был назван годом Михаила Александровича Шолохова.

Тогда же Патриарх всея Руси Алексий II благословил проведение на родине писателя в Ростовской области Дней славянской письменности и культуры. Этот праздник своим происхождением обязан славянским просветителям-первоучителям Кириллу и Мефодию. «Церковное богослужение, школьное учение, наша письменность, сама наша повседневная речь напоминают нам о создателях славянской азбуки, называемой «кириллицей».

Церковь причислила Кирилла и Мефодия к лику святых.

В их честь в России с 1862 года вплоть до Октябрьской революции проводились торжества. Вновь обрели жизнь Дни славянской письменности и культуры в 1986 году, а спустя два года праздник получил статус государственного.

На проведение юбилейных торжеств было выделено свыше 442 миллионов рублей. Что важно — в Ростовской области лишь два процента средств отвели на сам праздник, а остальные ушли на газификацию сельских районов среднего Дона, отремонтированы автодороги, больницы и школы, клубы. Реконструирован Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова — крупный культурный центр в здешних местах. Михаил Александрович, будь жив, одобрил бы земляков. Ведь сам он старался сделать жизнь людей светлей. Общеизвестно то, что писатель передавал гонорары, премии на строительство дорог, школ и так далее. Он откликался на просьбы тех, кто нуждался в помощи, поддержке.

Тому подтверждением даже вроде бы малозначительный факт. В нашем провинциальном городке в музее Россошанского техникума-колледжа мясной и молочной промышленности хранится это письмо:

«Прошу вас обратить внимание на абитуриентку отделения технологии молочных продуктов Желудкову Ирину Владимировну.

Вёшенскому району очень нужны местные кадры специалистов. С уважением М. Шолохов. 10.8.83 г.».

В Воронежском крае Михаила Александровича считали и считают своим кровным земляком. И не только потому, что будущий писатель учился в Богучарской гимназии.

Ростовский краевед из станицы Каргинской Георгий Яковлевич Сивоволов в архивных поисках установил: в девятнадцатом веке казачье станичное правление Вёшенской «не чинило препятствий для открытия торговли» иногородним купцам. В местную казну поступали немалые доходы. Сюда на постоянное жительство переезжали купцы «из города Богучара Воронежской губернии, Тамбова, Московской губернии, из рязанского купеческого города Зарайска».

Вот тогда-то в «стране казаков» успешно развернул торговые дела богучарский купец Василий Тимофеевич Мохов. Его дочь Мария приглянулась зарайскому молодому купеческому сыну мещанину Михаилу Михайловичу Шолохову. Он женился, взяв за ней немалое приданое. «Вскоре в Вёшенской на площади, почти напротив Архангельской церкви, где венчались молодые, богатый тесть поставил им о четырёх комнатах ошелёванный дом под жестью, с низами.

Спустя несколько лет, тоже не без помощи богучарского тестя, Михаил Михайлович отгрохал не меньше моховского ростом, пахнущий свежими сосновыми прилавками мануфактурный магазин со всякой всячиной — от синей диагонали казакам на гимнастёрки, цветастого ситца казачкам на выданье до конских нарядов и домашней утвари. Для молодого купца это было хорошее начало».

В семье Шолоховых родилось восемь детей. Поровну — четыре дочки и четыре сына. Нам особо интересен Александр Михайлович. Даты его жизни: 1865-1925. Пойдёт он по отцовой тропе. Батя поставит ему мануфактурную лавку и питейный погреб в хуторе Кружилине. Из Усть-медведицкого казначейства Александр Михайлович Шолохов получит свидетельство приказчика 1-го класса, выше подняться не сумеет.

Да и все сыновья Михайла Михайловича, которым он дал возможность получить образование, не продолжили прибыльно торговое дело неграмотного отца, не стали хваткими купцами.

Александр Михайлович уйдёт в приказчики к близкому родственнику, купцу Лёвочкину. Опять-таки «по магазинным» снабженческим заботам ему придётся нередко бывать и в Богучаре. А в ближнем к хутору Кружилину «мужицком посёлке» Ясеновка он встретит в помещичьем имении черноглазую служанку. Узнает, что она крестьянка бедного роду, а ещё — казачья жена-беглянка. Настя, Анастасия Даниловна Черникова, по воле и мольбам своей матери вышла замуж за вдового пожилого казака-атаманца и стала Кузнецовой. «Жила она с мужем недолго и плохо». Не вы-

держав унижений, «приняла по тогдашним временам неслыханное решение: собрав в узелок всё, что было, сбежала от мужа».

Купеческий сын заберёт в свой дом «под видом экономки» помещичью служанку, находящуюся в законном браке с казаком. Братья и сёстры Александра Михайловича долго не признавали Анастасию за родственницу, даже тогда, когда у них родится сын Михаил. Знать, видеть бы им наперёд, что этот малыш, «нахалёнок», прославит донское казачество на весь белый свет как автор «Тихого Дона» — вершинной книги в отечественной, в мировой литературе.

Только спустя десяток лет смогут обвенчаться отец с матерью, когда Анастасия Даниловна узнает о смерти законного мужа-казака. Краевед Сивоволов разыскал метрическую книгу Покровской церкви хутора Каргина. Есть в ней запись о регистрации брака «29 июля 1913 года мещанина Александра Михайловича Шолохова, православного вероисповедования, первым браком, 48 лет; невесты, вдовы казака Анастасии Даниловны Кузнецовой, православного исповедования, вторым браком, 42 лет». Что интересно, поручителем невесты в храм пригласили мещанина Воронежской губернии города Острогожска Владимира Николаевича Шерстюкова. В молодые годы был он учеником приказчика у того же богучарца, преуспевавшего Василия Мохова, породнился с Шолоховыми. Шерстюков «и своей внешностью, и подчёркнутым вниманием, и изящными манерами умел расположить к себе самого требовательного и капризного покупателя: никто не мог так выгодно продать товар лицом, с таким шиком разложить его на прилавке».

В хуторе Каргине, куда переехала семья Шолоховых, Миша получит начальное образование. Здесь же родители на законном основании оформят его усыновление. В 1915 году в список учащихся Богучарской «классической» гимназии впишут Шолохова Михаила. «Светло-серая форма (гимназисты носили кличку «мукомолы»), шинели с голубыми петлицами, медная бляха на поясном ремне, форменная фуражка с тремя буквами БМГ (Богучарская мужская гимназия) на околыше».

Вместе с двоюродным братом Анатолием Миша будет жить на улице Второй Мещанской, ныне имени Прокопенко, в доме у священника Тишанского, преподававшего Закон Божий. В Богучар в ту пору переселится и семья Шерстюковых. Владимир Николаевич и его жена Евдокия Семёновна будут опекать Мишу-гимназиста, поддерживать его увлечение книгами и сочинительством стихов, приласкают по-родительски.

Добро останется памятно. В 1919 году одного сына Шерстюковых белоказаки повесят, другого расстреляют. Отец не вынесет горя, скончается. Евдокия Семёновна с детьми вернётся к сестре в Каргинскую. Писатель Шолохов всю жизнь заботливо будет поддерживать и бабушку Дуню, и её родных.

Краеведами записаны и опубликованы воспоминания однокашников и учительницы Шолохова. Георгий Константинович Подтыкайло рассказывал:

«В первом классе училось около сорока учеников. Шолохову в то время было десять лет. Невысокий ростом, он был коренастым, ловким крепышом. Участвовал во всех ребячьих потасовках и спуску не давал тем, кто обижал слабых. Любили его за смелость, правдивость, остроумие. Он был хорошим и верным товарищем, на которого всегда можно положиться.

Отличался Михаил своими способностями в учёбе. Изучали в гимназии и словесность, и историю, и Закон Божий. Но из всех предметов больше всего он любил русский язык и литературу. Их вели опытные, талантливые педагоги Григорий Иванович Карманов и Ольга Павловна Страхова». Учительница вспоминала, что Шолохов «три года (с первого по третий год включительно) учился у меня...» Дочь священника не забыла, как в семье молодёжь устраивала вечера, и гимназист Михаил Шолохов заслушивался музыкой и песнями.

А ещё Подтыкайло говорил: «Гимназия отличалась строгостью нравов. Помню случай, когда один гимназист был исключён за кражу перчаток без права поступления. В гимназии били: директор, попечитель, надзиратель, преподаватели и классные руководители. Занятия начинались с молитвы, которую читал кто-либо из учащихся. Чаще других читать доверялось Мише Шолохову. Директор гимназии часто заходил в дом Тишанских, и от него Михаил Шолохов узнавал последние литературные новости. Часто говорили о Бунине, Эртеле, Горьком, Куприне, Короленко. У Тишанских Михаил узнал творчество Гоголя, прочёл рассказы Толстого...

Моего отца Константина Подтыкайло призвали на войну, и мне не приходилось платить за обучение, а цена была немалая — 75 рублей золотом в год».

Георгий-Жора сидел с будущим писателем за одной партой. Взрослым нередко навещал своего уже известного миру одноклассника. Он же ещё вспоминал, как однажды учитель-словесник принёс на урок серию разных картинок, раздал их ученикам и дал задание: писать сочинение. «На следующий день принёс письменные работы и сказал, что все написали неплохо, но особенно хорошо — Миша Шолохов. И тут же учитель зачитал его сочинение. Понравилось оно и всему классу».

Кстати, несколькими годами ранее в Богучарской гимназии учился Евгений Павлович Плужник из Кантемировки. Ему будет суждено стать поэтом первой величины в украинской литературе XX века. Плужник переложит на украинский язык три тома шолоховского романа «Тихий Дон».

В трёхэтажном здании Богучарской гимназии сейчас размещается школа-интернат. Находится дом на улице имени Шолохова. Мемориальная доска на фасаде и памятный знак в школьном дворе посвящены именитому ученику. Схоже отмечен и дом, в каком квартировал гимназист. В майские дни в школе традиционны «Шолоховские встречи», в которых участвуют сверстники

интернатовских ребят из школ Воронежской области, а также сотрудники музея-заповедника.

Шолохова здесь боготворят. Ещё при жизни писателя удостоили звания Почётного гражданина Богучара.

В составе делегации богучарцев встречался с Михаилом Александровичем уроженец хутора Белый Колодезь, народный художник Белоруссии Александр Михайлович Кищенко. Он создал два портрета писателя. А третий включил в своё знаменитое и главное творение «Гобелен века» — тканое художественное повествование о XX столетии, послание будущим поколениям.

К столетию Шолохова в городском парке посадили аллею. И тут же сентябрьским днём великому русскому писателю на народные деньги установили бюст работы тоже земляка, скульптора Анатолия Михайловича Дементьева. На открытии выступил внук писателя Александр Михайлович, талантливый руководитель и организатор Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова, ставшего ведущим культурным центром России.

– Для меня это трогательное и волнительное событие, – сказал он. – Я думаю, что Михаил Александрович, который был очень скромным человеком и, наверное, сдержанно отнёсся бы к его увековечиванию средствами монументального искусства, был бы горд тем, что его имя отождествляется с возрождением русской культуры, возрождением России.

В своё время Михаил Александрович, получая Нобелевскую премию, напомнил в своей лекции слова из Евангелия: дню нашему довлеет злоба его. То есть, каждый из нас живёт в то историческое время, которое ему досталось, решает те задачи, которые перед ним это время ставит. И, слава Богу, что в Богучаре эти задачи решаются успешно и с именем подростка-гимназиста на устах.

Желаю школьникам: пусть у вас будут слёзы на глазах от чтения книг Шолохова как образцов высокой культуры, но никогда — от участия в событиях, которые — так пришлось — он описывал...

Так Шолохов возвратился в Богучар.

И от нашей Россоши рукой подать к станице. Мой старший друг Иван Дмитриевич Харичев – учитель-ветеран и краевед, автор книги «Калитва», житель Старой Калитвы, бывшей в прошлом и уездным, и заштатным городом, не скрывает радости, когда сейчас удаётся «гостить по телевизору» в Вёшенской. «Снова и снова вижу до боли знакомые, дорогие сердцу места». Там он бывал не однажды со своими учениками. Колхоз «Победа» выделял школьникам автобус. Ранним утром заезжали на сельский заводик к знаменитому на всю округу хлебопёку Бабенко. Пётр Иванович выносил на лотках из печи горячий хлеб. «Хрустящая на зубах корочка. Сказочный запах и вкус. Всю дорогу не ехали, а плыли в хлебном аромате». Палаточный городок разбивали на берегу у жёлтопесчаной отмели. Через Дон вся станица, как на ладони. Усадьба Шолоховых на виду. «Смыли усталость в речной воде. Рыбаки раскинули свои снасти. Глянь, есть добыча на уху – бьётся рыба в садках. Незабываемый вечер у костра и при свете луны».

Незабываемы дни на родине Шолохова.

«С вершины кургана, где широко размахнул крылья бронзовый «орлик», — вспоминает учитель, — любовались просторами. В старом доме — казачьем курене под камышовой стрехой и на станичном подворье удивлялись простоте быта, в котором вырастал и жил писатель. А дальше — неподдельный интерес у моих ребят всегда вызывала литературная выставка в музее-заповеднике.

Понимали и чувствовали, что душа встречается с великим.

Могилы Михаила Александровича и его жены Марии Петровны в саду. Два камня — безмолвные хранители вечности. Низко кланяемся.

Идём молча уже знакомой улочкой. Впереди православный храм. А вот и сам Дон, поименованный писателем с некоторой долей иронии тихим.

Рассказываю ребятам, как в годы моего детства мимо нашей слободы Старой Калитвы «ходили» по Дону пароходы.

Запомнились огромные лопастные колёса по оба борта судна. Вслед за ними взмывались и накатывали на берег три большие волны. Не всякий из нас отваживался нырнуть в воду и вознестись на гребне. Пароходы назывались «Генерал Ватутин», «Генерал Черняховский» и «Михаил Шолохов». То, понятно, люди военные, а имя Шолохова открылось, когда братишка принёс из библиотеки книгу «Донские рассказы». Прочёл я её от корки до корки.

Говорилось в книге о прошлом. Но в том же Нахалёнке я, мальчишка уже иной военной поры, узнавал себя.

Так мне открывался мир Шолохова, в котором жил и я сам, жили и мои односельчане.

Сам пречитываю страницы «Тихого Дона».

- ...Григорий Мелехов допрашивает пленного красноармейца.
- «- Какие полки были в бою вчера?..
- Наш третий имени Стёпки Разина, пятый Заамурский, тринадцатый кавалерийский и шестой Мценский.
 - Под чьей общей командой? Говорят Киквидзе вёл?
 - Нет, товарищ Домнич сводным отрядом командовал».

Если Мелехов литературный герой, то Домнич Иван Несторович — человек под своей фамилией. Уроженец села Морозовка, что под нашим городом Россошь. Как и Григорий был призван в армию. Кавалерист. Тоже сражался на фронтах первой мировой войны. Унтер-офицер, вахмистр. В Красной армии командовал полком, бригадой. Посмертно награждён орденом Красного Знамени. Гражданская война развела с такими, как Мелехов, по разные стороны баррикад.

Брат восстал на брата. Хотя все мечтали об одном — оставить оружие, с семьёй «возле земли жить». Вот Григорий Мелехов делится этими сокровенными мыслями с другом Прохором Зыковым. Не получится — огорошил его собеседник.

- «— ...Нет, об восстании и гутарить нечего. Глупой это разговор. Хотя чума их знает, чего они, казачки, удумать могут...
 - А чего же они удумать могут? Ты это к чему?
 - Соседи-то наши удумали же...
 - − Hy?
- Вот тебе и ну. Восстание в Воронежской губернии, где-то за Богучаром поднялось.
 - Брехня это!
- Какая там брехня, вчера сказал знакомый милиционер. Их как будто туда направлять собираются.
 - В каком самое месте?
- В Монастырщине, в Сухом Донце, в Пасеке, в Старой и Новой Калитве и ишо где-то там. Восстание, говорит, огромадное...

Григорий помрачнел. После долгого раздумья сказал:

- Это плохая новость».
- …Так Шолохов коснулся строкой к моей родной Старой Калитве. Октябрьскими днями 1920 года в слободе вспыхнул крестьянский мятеж. Советская власть обложила крестьян продразвёрсткой. Пришли и на Дон продовольственные агенты с бойцами забирать «за так» излишки зерна. Начальнику Попельпо, после его

объявят польским шпионом, показалось, что крестьяне скрывают хлебные припасы. Он приказал брать зерно «подчистую». Слово за слово, схватились за оружие. Жертвы были с той и другой стороны. Мужики кинули клич: защищаемся!

В ту пору в Старой Калитве у родных находился Иван Сергеевич Колесников — унтер-офицер из рядовых в старой армии и уже вроде бы командир полка Красной армии. Воевал в составе 40-й Богучарской дивизии. Его-то земляки и попросили (по одной из версий, «просили» под угрозой расстрела) возглавить повстанцев.

Та горестная «колесниковщина» кровоточит поныне.

Знают об этом не хуже меня мои ученики, чьи прадеды гибли в безжалостно жестокой сече.

И опять читаю детям строки из романа Шолохова:

В годину смуты и разврата Не осудите, братья, брата.

А ещё говорю, что за эту вот историческую достоверность люблю книги писателя — первого среди равных в мировой литературе. Ни до него, ни после никто пока не смог сказать так захватывающе правдиво о народной жизни. Люблю и горжусь земляком».

Буга, переулок Садовый... Воспоминания в письмах

Верхний Дон, на твоих седых берегах ещё живы не едино опалённые военной сечей казачьи станицы, слобожанские слободы, сёла и хутора, старинные города, какие ныне принято мерить аршином «районного масштаба». В их именах запечатлён и звучит поэтичный голос России. Вслушаемся, мыслью растекаясь вверх по речному течению от Вёшенской. Вот — Казанская, за ней — Монастырщина и Богучар, Полтавка и Дубрава. А далее и далее — Петропавловка, Журавка с Осетровкой, Верхний и Нижний Мамон, Калитва Старая и Новая, Киев Верхний и Нижний, Украинский с Крещатиком, а неподалёку, на речке Чёрная Калитва, — Россошь, Ольховатка. Выше по Дону — Белогорье и Павловск, Колодежное и Щучье, Лосево с речушкой Таганкой, Бобров и Лиски, Острогожск и Сторожевое, а в степном подворонежье есть даже Можайское с Каширой...

Любое имя ложится в песенную строку об истории заселения отчего края, о тебе, Верхний Дон. В твоих душистых полынком просторах на перекрёстках языковых наречий, житейского лада-

уклада рождалась и переплавлялась, сохраняла самобытность и обогащалась взаимно славянская — русская и украинская — культура в её неповторимом многообразии. Может, потому здесь родился «Тихий Дон» - вершинная книга отечественной и мировой литературы. Мало кто знает, что из здешнего мира вошёл в украинскую классику Евген (Евгений) Павлович Плужник. Его эпическая лирика сродни роману Михаила Александровича Шолохова.

О жизни и судьбе великого поэта — уроженца воронежской Кантемировки, ученика Богучарской и выпускника Бобровской гимназий, который перекладывал на украинский язык и шолоховскую книгу, — воспоминания в письмах. И не только о Плужнике...

Осенью 1988 года в руки мне счастливо попал ещё пахнущий типографской краской однотомник земляка, изданный в Киеве в серии «Библиотека поэта». В аннотации сообщалось: составление, вступительная статья и примечания Л.В. Череватенко. Отличный переплёт, хорошая бумага, большая подборка фотографий, рукописные автографы стихов. Книга — на загляденье. И стихи того стоили. Тираж — 8 тысяч экземпляров. У себя в Россоши сборник показал и дал читать друзьям-поэтам. Михаил Тимошечкин, Виктор Беликов в один голос заявили: надо переложить стихи с украинского языка на русский и издать их пусть даже небольшой книжечкой.

А дальше — нашлись ещё единомышленники. В Воронеже, оказывается, только что гостил у писателей Виктора Будакова и Евгения Новичихина составитель киевской книги Леонид Череватенко, тоже предложил им взяться за переводы. Оказывается, и в московских журналах появились стихи Плужника в переложении известных поэтов Юрия Кузнецова и Светланы Соложенкиной. Материальную поддержку в выпуске книги твёрдо обещал тогдашний глава Кантемировской районной администрации Иван Алейник.

Так совпало: начальной осенью 1992 года в Воронеже вышел впервые на родине поэта сборничек «Ранняя осень». Когда я отправил бандероль в Киев, то оттуда почти сразу же получил ответный пакет весомей. То была книга прозы и драматургии Плужника «Змова у Киеві». Не в обиду будь сказано, в «незалежной» поскупились: серенькая обложка, газетная бумага. На титульном листе размашистая надпись — «Петрові Чалому, казакові полку Острогозького, щиро і дружньо — Леонід Череватенко, з Черкаського полку.

Киів, Печерськ.

26.12.1992».

Так началось наше многолетнее знакомство с сердечно влюблённым в творчество Плужника — Леонидом Васильевичем.

Правда, вначале переписывались редко, приглядываясь друг к другу. Когда в 2002 году вместе с сотоварищами удивили киевлян достойно оформленной многостраничной книгой «Родюча земля» Плужника, изданной в воронежском издательстве имени Е.А. Болховитинова, то наша переписка стала частой и по-настоящему тёплой. Плужник для обоих оказался выше спорных исторических и политических пристрастий.

Наша книга открывалась энциклопедической справкой.

Плужник Евген (Евгений) Павлович (14 (26),12,1898, слобода Кантемировка Богучарского уезда – 31.1.1936, Соловецкий остров, Белое море), поэт, прозаик, драматург, киносценарист, переводчик (Украина). Из крестьянской семьи, занимавшейся заготовками и закупками селскохозяйственной продукции. Учился в сельской школе, в гимназиях Воронежа, Богучара, Бердянска. Выпускник Бобровской гимназии Воронежской губернии (1918), в которой писал стихи на русском языке для рукописного журнала «Призыв». Семья переехала из Кантемировки в Полтавскую губернию, где Плужник работал сельским учителем. Учился в Киеве в зооветеринарном институте, а затем в музыкально-драматическом имени Н.В. Лысенко. Под псевдонимом Кантемирянин опубликовал первые стихи на украинском языке в журналах в 1923 году. Автор поэтических книг «Дні» (1926), «Рання осінь» (1927), «Рівновага» (1933, опубликована в 1966), романа «Недуга» (1928), пьесы «Професор Сухораб», «У дворі на передмісті», «Змова у Киеві». Переводил на украинский язык Н. Гоголя, А. Чехова, М. Горького, М. Шолохова. Незаконно репрессирован (1934), умер в лагерном лазарете на Соловках.

В Воронеже «Родюча земля» вышла в свет при поддержке Россошанской фирмы «Молоко» и её генерального директора, депутата Воронежской областной Думы Василия Остроушко. Премьерное представление однотомника прошло в Украинском Фонде культуры, Киев.

На традиционных фестивалях Слободской культуры, которые проводились редакцией и активом газеты «Россошь» с 2001 года, лучшие солисты награждались дипломами имени Евгена Плужника.

* * *

«Київська область, Буча, переулок Садовый, 26»...

Городок близ Киева появился на речушке с таким же названием при железной дороге в сторону Польши.

«Стара» моя адреса є чинною і там проживає моя мама: їй, щоправда, не 89, як Вашій, а лише 85, втім залишати її напризволяще я не можу...» Сразу скажу: к маме Лидии Даниловне, в девичестве Иващенко, её единственный сын Леонид Васильевич относился трепетно и нежно. Вот строки из его письма от 2 апреля 2003 года.

«Дорогий Петре Дмитровичу!

Дякую і за теплого листа, і за газетні публикації, — все це дуже важливе і все це тішить мене. А втіха дуже потрібна.

Я нещодавно поховав маму. Померла вона при цілковитій свідомості, на моїх руках: просто зупинилося серце. Я досі не можу отямитись: вона булла дуже близькою людиною, яка, можливо, едина мене розумила. Навіть без слів... Бережіть, отже, матір: поки вона дихає, Ви ще не сирота.

Не можу, вибачте, писати багато.

А збори і звіти не відміняються. Але, якби Ви знали, як воно все ні до чого!..»

...Всматриваюсь в отполированные до блеска древние камни на мостовых Лавры, будто пытаюсь разглядеть: где тут ступала моя прабабушка. Сейчас в это трудно поверить, но ведь было в действительности. Не одну её, крестьянку-христианку с донских крутогоров, язык до Киева доводил. Пешком и за сотни вёрст! Путешествие в святые места на днепровские кручи, где крестилась в православие Русь, совершалось обычно раз в жизни и считалось богоугодным делом. В путь на моленье чаще шли женщины.

Не зов ли предков тянет сюда и нас, как перелётных птиц?

Киев чарует. Он весь в золоте куполов и осенней листвы. Ещё тысячу лет назад, напоминает экскурсовод, город уже был крупнейшим в Европе, ему уступали Париж, Лондон.

С тех давних времён несут вечное великолепие Софиевский собор, храмы первой на Руси Свято-Успенской Киево-Печерской лавры, Золотые ворота.

С той поры из вместившей весь мир монашеской кельи Нестора-летописца явлена нам история земли нашей и сделала нас народом, помнящим родство. Это знаменитые «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда русская земля стала есть». Главный герой «Повестей» — киевский князь Владимир, изваянный в камне, сквозь года осеняет град крестом. С его горки открывается такой речной простор, что твоей кажется родившаяся в нашем Воронеже песенная строка:

Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч...

А внизу, на Подоле, воробьиной стаей облепили школяры памятник. Ребятня с прилежным старанием моет-чистит статую человека-легенды, поэта и философа. Сам бы Григорий Сковорода с улыбкой посмотрел на весело суетливую толкотню. Так ведь и было в стенах академии здесь же, рядом, где он учился вместе с Михайлом Ломоносовым. Через плечо у Григория переброшены торбы-сумки. Куда в дорогу собрался? Не к нам ли на Слобожанщину в «воронежские Афины» погостить-побеседовать о «смысле жизни» с острогожским полковником Степаном Тевяшовым...

Россошь, 30.10.2004

Дорогой Леонид Васильевич, день добрый.

Я получил Ваше письмо с поэмой Евгения Павловича Плужника, а Вы, наверное, моё киевское-вокзальное.

Нам с Таней поездка в Украину теперь вспоминается, как хороший сон. И зря наговариваете на себя. Показать Плужниковский Киев, подарить встречи с Ольгой Наумовной Титаренко, жившей девчоночкой в одной коммунальной квартире с семьей Евгена Павловича, и Борисом Ильичом Олейником, поделиться хоть с экрана увиденным на родине Сергея Бондарчука – это щедрый, незабываемый подарок. Премного признателен Вам. Переживаю, благополучно ли для Ваших ног обошлись пешие прогулки по киевским крутогорам? Я же выкроил время, и с Таней прошли ещё раз плужниковскими тропками – «закрепил» в себе увиденное. А ещё сделал новые снимки, поскольку тогда уже было темновато, фотографировал на «авось». Жалею об одном: не настоял и не заснял Вас с Ольгой Наумовной. Даст Бог, ещё увидимся. Просто она меня обезоружила одной фразой: «Меня нужно было фотографировать лет пятнадцать назад», – и я отступился. Кланяйтесь ей, пожелайте доброго здоровья и хорошего настроения.

У меня теперь, видимо, постоянно будут возникать «плужниковские вопросы» к Вам. Не обессудьте. Надоем — скажете. Сообщайте, если станет известна фамилия матери Евгена Павловича. Я сразу попытаюсь восстановить воронежскую ветвь его родословной. В 1942 году в Праге В. Мияковский вроде бы выпустил книжечку о творчестве Плужника. Если это так, то она, конечно, Вам известна. Как бы мне её прочитать?

Кончился мой отпуск. В ноябре постараюсь переправить Вам воронежские книги «Родюча земля» Плужника для библиотек.

Так что вспоминаем Вас и добрейшего, лучшего знатока тоже нашего земляка историка Николая Ивановича Костомарова, профессора Юрия Анатольевича Пинчука, остающегося верным студенческой дружбе Володю Черепкова, всех-всех. Смотрим на фотографии и мысленно вновь в Киеве, на берегу Днепра. До-

брого здоровья Вам и Вашим близким. Пишите. А пока слушаем новости о том, как в Украине проходят президентские выборы. Пусть будет спокойно и так, как Вам хочется.

Буча. 19.2.2005

…Нарешті: готуємо повного Плужника, це замовлення Гарвардського університету. Теж хочеться втиснути всі наявні публікації й матеріали. Дуже мало воронізьких — хоча б церкву показати, де його хрестили, де стояла їхня хата. Нещодавно прислали з Мюнхена фотографію, невідому: Женька в гімназичній формі сидить на огорожі. Поза сумнівом, це Кантемирівка. От і думаю: може, надіслати для першопублікації Чалому?..

На все добре!

Россоць, 8.04.2005

Дорогой Леонид Васильевич, день добрый!

Навестил в очередной раз Кантемировку. Газетные дела совместил с «плужниковскими». Прямо с вокзала, пока землю прихватило морозцем, покорил вершину бугра с телевышкой. Оттуда, с высоты птичьего полёта, сделал снимки посёлка. Не затенённый зеленью, он сейчас хорошо просматривается...

Россошь. 16.05.2005

...Высылаю портрет сегодняшней Кантемировки. В центре из старинных зданий сохранились – присмотритесь, – вокзал и церковь. А за холмами – Украина.

Направляю и снимок Богучарской гимназии. В этом здании новоселье справили перед первой мировой войной. Может быть, обживал его и Женя Плужник. Дом выглядит неплохо. В нём сейчас размещается школа-интернат. В плужниковскую пору было в гимназии 52 комнаты и два зала – актовый и гимнастический. Директор, инспектор и надзиратель с семьями жили на первом этаже. Второй этаж занимали классы, учительская, библиотека, кабинет врача. На третьем – находилась музыкальная комната. А на крыше имелось небольшое помещение для наблюдения за звездным небом в телескоп. Существовал в гимназии даже небольшой симфонический оркестр. Одноклассник М.А. Шолохова Георгий Константинович Подтыкайло, учившийся с 1915 по 1918 годы, рассказывал, что «воспитанники носили светло-серую форму (за что их называли «мукомолами»), шинели с голубыми петлицами. На бляхах и кокардах – литеры Б. М. Г. (Богучарская мужская гимназия). Русский язык и литературу вели опытные и талантливые педагоги Григорий Иванович Карманов и Ольга Павловна Страхова. Гимназия отличалась строгостью нравов. За провинности учеников наказывали. За обучение приходилось платить 75 рублей золотом в год».

Из новостей. Сообща доконали-таки местную администрацию. Пять лет молотили. Выделили деньги на издание книги стихов М.Ф. Тимошечкина. Скоро, надеюсь, будете читать её и Вы.

...Жду вестей от Володи Черепкова о судьбе книг Плужника. То ли они ещё в Марковке, то ли уже в Киеве?

Пишите, жду.

Буча. 25.05.2005

...Дякую за листа і за дуже цінні відомості, а ще за фотографії. Хочу теж похвалитися: одержав з Нью-Йорку десяток невидомих знімків з архіву Галини Плужник, серед них чудесні Євгенови: Женька-хлопчик, Женька-гімназист и т.д. аж до 1934 року. І — це для Чалих — на завороті читаю: «Кантемирівка. Річка після дощу (за садом братів Курносових)». Чи, бува, ци брати-купці не родичі Плужника по материнській лінії? Навіщо б він це зберігав? Чи немае можливості зазирнути в Кантемирівські архіви?

Надіслали мені ксерокопіі деяких Галининих документів, а головне — перша дія п''еси «Рівновага» (1934) і чернетки-заготовки отієі поеми, яку я видрукував 1994 року. Тексты абслоютно не разшифровані, записані олівцами, все це розмазолася, позатиралося, далеко не все я розбираю. Але прецікаві строфы! Дещо мае пряме відношення до Кантемирівки: наприклад, «купецького побуту гуща», — відчуваете ставления? Дуже і дуже важливий здобуток!

Я переконую гарвардських меценатів: треба видавати не один, а зразу два тома (включивши туда ще й переклади). Пока ще не піддаются на мою агітацію. Але ж ми не зупинимось на цьом.

Книжки Ваши «Родюча земля» Плужника перебувають ще в Марківці, але нам твердять: шанс е! Готуйтесь до презентаціі у Фонди культурі!

Буча. 3.11.2005

...Дякую за листа і за фотографії: дуже воно придасться для майбутньої книжки. А що вона має стати подієвою, не сумніваюсь.

Можу похвалитися: з Нью-Йорка прислали нарешті Плужникові листи, написані в ув'язнені. Я добивався цього двадцять років. Позаяк тюремних віршів його ми ніколи не прочитаємо, адже їх одразу нищили, то маємо принаймні декілька сторінок, написаних на Соловках. І то, мабуть, фінальний акорд Його творчості.

Буча. 7.12.2005

...Дякую за «Коммуну» с Плужником, надсилаю «Молодь України». Спасибі за бобровсько-богучарські фотографії: впечатляют.

На все добре! Хай здровиться і щастить!

Россошь. 06.03.2006

Дорогой Леонид Васильевич, день добрый!

Простыл, под утро сердце что-то напомнило о себе. Решил полечиться, из дому сегодня не выходить, отложил в сторону газетные заботы. Читал-читал. Вдруг захотелось поговорить с Вами. Наверное, письмо от Вас на подходе.

Хочу порадовать. Наконец-то удалось мне ознакомиться с архивным делом друга Плужника по Бобровской гимназии Н.Е. Алексеевского. Яснее увидел Николая Евгеньевича. Судьба трагическая. Образ совершенно иной, нежели его нарисовали писатели и журналисты. Кстати, его младший брат Евгений (1906 года рождения) в послевоенные годы работал в Киеве заместителем министра сельского хозяйства Украины и на иных ответственных постах. Но это тема иного разговора.

Яснее увиделась гимназическая среда, «буча кипучая», в которой жил наш Евгений Павлович. Не могу не процитировать отрывок из воспоминаний современницы той поры: «Николай Алексеевский вместе со своим одноклассником Евгением Плужниковым издавал рукописный журнал «Призыв» крайне реального направления. Помещал там статьи, освещающие современные события, общественную жизнь, вопросы учебной жизни гимназии и т.д. Плужников писал стихи. В настоящее время (1964 год) Плужникова уже нет в живых — у него и тогда были слабые лёгкие».

Есть снимок седьмого класса, сделанный 14 апреля 1917 года. В центре в белой рубахе Алексеевский. А вот Женьку нужно «узнать». Покажите фотографию Ольге Наумовне и кланяйтесь ей от меня.

В шестидесятые годы в селе Стаси, Диканьский район Полтавской области, жила Васильева Галина Васильевна. Она в юности в Боброве знала Плужника. Вдруг там родичи ещё хранят фотографии из бабушкиного сундучка?

Да, «аттестат зрелости» в Бобровской гимназии Плужник получил 15 февраля 1918 года. Предусмотрительный директор уплотнил учебную программу и пораньше выпустил ребят.

Так что — «Плужниковская папка» пополняется.

Мысленно навещаю Вас в Буче. Переноситься легко в уже знакомую обстановку. Жаль, что в октябре мало удалось поговорить. — «Не придумывай, Чалый. Скажи честно: захотелось снова орехов на меду отведать».

Сознаюсь, захотелось.

Привет сороке-белобоке. О ней я рассказываю внучку Никитке, он уже любит сказки слушать.

Буча, 15.3.2006

...Ай да Чалый, ай да сукин сын! І де, скажіть, Вам пощастило відкопати оце диво? Після Вашого відкриття можна твердити, що передісторію поета Плужника розгадано: є прізвище вчителя, що надихав Євгена, є соратник по виданию рукописного журналу, нарешті перед нами «товариші минулих літ» — ну й типажі, скажу Вам! Можна все майбутнє країни прочитати за цими обличчями...

Россоць, 06.04.2006

Дорогой мой Леонид Васильевич, день добрый!

Спасибо за письмо. Схоже высказался и я, когда взял в руки фотографию: прекрасные лица, в каждом «прописан» свой характер нескрываемый, а что же им всем уже судьба приготовила?!

Снимок сохранил и в ноябре 1964 года передал в архив Василий Петрович Никифоров. Проживал он в ту пору в Ульяновске, ул. Плехановская, 11. В письме сообщал, что с Колей Алексеевским учился с 1911 по 1918, со второго класса гимназии. С шестого класса учитель словесности зачитывал сочинения Коли. Играли в драматическом кружке и струнном оркестре под управлением Кости Авдеева. К царизму относились с презрением, идеалом считали республику. После Октябрьской революции в гимназии избрали ученический совет, председателем — Алексеевского. У гимназистов начались конфликты с преподавателями. Директор разбирал их вместе с ученическим советом. Математика собрались уволить за то, что он хотел раздвинуть парты во время контрольной письменной работы. Дело доходило до срыва занятий. Николай защитил преподавателя.

По предложению директора восьмой выпускной класс занятия закончил 15 февраля 1918 года, 15-го вручили аттестаты зрелости, был выпускной вечер. Иногородние разъехались.

Молодёжная ученическая организация называлась «Юнком». Никифоров указывает только двух человек на снимке: Алексеевского в белой рубахе и Костю Авдеева — крайний слева, стоит, облокотясь на бревно.

Плужника «вычисляли» в сравнении с его детской фотографией (семейной, в саду). Евгений стоит за Алексеевским у стенки «в балдахине»?

Отрывок о Плужнике, который я выслал ранее, взят из письма (27.09.1964) Смирновой Натальи Алексеевны, проживавшей в Серпухово-5 Московской области, Железнодорожный питомник. Она ещё пишет, что её отец, учитель, работал под началом Евгения Ивановича Алексеевского, инспектора народных училищ и директора учительской семинарии. Николай окончил гимназию с золотой медалью.

Мама, Елизавета Александровна Алексеевская, проживавшая в Новосибирске, ул. Большевистская, дом 109, кв. 34, у сына Дмитрия, в 92 года (1.10.1964) рассказывала: семья дворянская, дети — старший Николай, Дмитрий, Юрий, Мария, Евгений. Дочь Мария рано умерла.

Сама Е.А. училась в гимназии вместе с Н.К. Крупской. В Боброве работала библиотекарем Губземотдела. В семье тоже имелась хорошая библиотека, ею пользовались и друзья Николая. Из Боброва в 1918 году переехали в Усмань (на дачу) Воронежской губернии. Отец Е.И.А. умер в 1919 году. Николай приезжал к ним только раз, на похороны отца. Вот и всё.

Из других документов.

После гимназии Николай вместе с Авдеевым (из дворянской семьи монархиста, все родные с белыми ушли на юг) собирают по сёлам книги для уездной библиотеки. В декабре 1918 Николай - редактор «Известий Бобровского Совета РК депутатов». Член партии РСДРП (б) с июля 1918 года. У Боброва – линия фронта, воюют с белыми и казаками. Алексеевского забирают в Воронеж в губернию, а Авдеев станет председателем Богучарского veздного ревкома. Алексеевского избирают членом губерноского исполкома, какое-то время им «рулил» Л.М. Каганович. 22.04. 1920 Алексеевский назначается председателем Губчека. И тут он понял, куда попал. Пишет в Губкомпарт одно за другим три заявления. «Работа в ЧК не вполне соответствует моим наклонностям и способностям». Молод, опыта нет, мал партийный стаж. «Проработав полтора месяца в Губчека, я окончательно убедился в своем несоответствии на этой и вообще общественной работе в общегубернском масштабе... после тифа с нервным потрясением...» «Поэтому я убедительно прошу освободить меня...» «Прошу откомандировать в Бобров».

Только 12.10.1920 сдал дела Лотаузову. А в начале ноября его командируют на юг губернии на подавление восстания колесниковцев как заместителя председателя губисполкома в качестве Чрезвычайного Комиссара и уполномоченного губкомпарта и губисполкома. С мятежниками в основном разделались. Но 12 декабря вызвали в Воронеж на пленум губисполкома. Алексеевский вместе с губвоенкомом Ф.М. Мордовцевым и Костей Авдеевым из уездного Богучара отправились на ближайшую железнодорожную станцию Кантемировку. Уже неподалеку от станции решили отдохнуть в селе Скнаровка. Тут их и окружили свалившиеся снегом на голову мятежники. Костя погиб. Мордовцева зарубил Иван Колесников. Алексеевский последний патрон оставил для себя и застрелился.

Все эти материалы хранятся сейчас в архиве УФСБ по Воронежской области. Есть личное дело «Алексеевский Николай Евгеньевич».

Вот пока, пожалуй, всё. Будем продолжать поиски.

* * *

Недавно был на весеннем разливе и впервые обратил внимание, что дикие гуси клином летят на Дон с берегов Днепра. Не потому ли тосковал Плужник, когда видел летящих на его родину птиц?

Доброго здоровья Вам и Вашим близким – и моим знакомым. Кланяюсь Киеву. Жду, как всегда, ответа.

Россошь. 21.05.2006

Дорогой Леонид Васильевич, день добрый!

Как всегда рад письму Вашему. Раздел «Плужник в Боброве» пополнился еще одной вероятной знакомой гимназисткой Евгения Павловича. Это Катя Вереникина. Она стала разведчицей-чекистом, работала с Алексеевским, её засылали в штаб Колесникова. Есть фотоснимок молодых лет.

Что касается предположений Ольги Наумовны, то, чем больше вглядываюсь в снимок, тем больше склоняюсь, вернее, согла-

шаюсь с ней. Плужник рядом с Алексеевским.

...Надо ещё побродить по Боброву. Постараюсь туда попасть в ближайшее время. Газетная текучка мордует. Кусок хлеба. И не только. Она же недавно свела меня с детьми Бондарчука. Снимались в фильме в наших краях, Фёдор рассказал, что оператор Сергей Астахов отснял с вертолёта «пролёты над донским весенним разливом в Вёшенской». Материал войдет в «Тихий Дон» отца. Идёт монтаж фильма. Складывается семь серий. Ответственность за картину сын взял на себя.

Россошь, 28.01.2007

...В пятницу, 26 января, ехал мимо старого домика нашего Карпова у речного плёса, на бережку которого он рыбачил в детстве. В мыслях поклонился ему, передавайте дедушке Жене приветы. Не вышла ли его новая книга? А вокруг — не январь с крещенскими морозами, весенняя мартовская теплынь, плюс 10. Травка зеленеет, солнышко хоть и не блестит, а куры в ней радостно гребутся. Вечером же пришла сама красавица-зима. А на озимые хлеба, ой, как требуется снежное одеяло...

Возможно, что наши письма разминутся на почтовой дороге. Надеюсь, что моё предыдущее с вкладкой из «Воронежской энциклопедии» не затерялось. По экземпляру книги взял Вам, Пинчуку и Карпову. Доставлю при случае. А случай, надеюсь, явится по теплу.

Я выслаю повторно ксерокопию страницы из «Энциклопедии» с «персоналией».

Череватенко Леонид Васильевич (родился 31.10.1938. Лнепропетровск УССР), украинский поэт, киносиенарист, литературный критик публицист Член Национального Союза писателей Украины (1990), лауреат премий имени Е.П. Плужника (2001), Т.Г. Шевченко (2002), В.И. Даля (2004). Из семьи железнодорожника. Окончил филологический факультет Киевского университета. Высшие сиенарные курсы в Москве. Работал на шахтах в Ровеньках Луганской области, в археологических экспедициях. Шесть лет возглавлял в Киеве писательскую организацию. Автор сборников стихов, литературоведческих работ, сиенариев художественных и документальних фильмов. Со студенческих лет занимался изучением творческого наследия Е.П. Плужника. Составил и подготовил к печати выпушенные в Киеве сборники Плужника – «Поэзії» (1988), «Змова у Киеві» (1992). По инициативе и при участии Череватенко в Киеве на доме, где жил Плужник, установлена мемопиальная доска. В поисках материалов о Е.П. Плужнике неоднократно бывал в Воронеже и области.

Кое-что удалось сделать по Плужнику, но родословная пока остаётся тайной, надеюсь всё же, что не за семью печатями.

В отпуске отдохнул от газетных дел. Правда, пришлось всё-таки вести малоприятные нервные разговоры-споры с местным «головой». Спасаем от вырубки городской сосновый лес, который, кстати, в послевоенные годы на песках сажали и растили вместе с однокашниками поэты Алексей Прасолов и наш Михайло Шевченко.

Теперь вновь у наковальни. Занятие не всегда благодарное и желанное. Работа есть работа.

Скучаю. Хотелось бы встретиться в Вашей Буче. Побеседовать есть о чём. Поговорить, помолчать и ещё — говорить.

А пока – всё своим чередом.

Доброго здоровья, приветы сороке, облюбовавшей себе жильё в ветвях ели у Вашего дома.

Буча. 21.2.2007

Дорогой Петре Дмитровичу!

Получил альманах «Слобожанская тетрадь». Спасибо. Моя первая реакция может быть лишь такой: прекрасно! И художественный уровень, и содержание, и направленность — это то, что очень нужно, особенно в наше смутное время, когда у державных кораблей стоят люди, от которых неведомо чего ждать завтра. Вероятно, нам остаётся своё дело делать. Как говорил поэт: я думаю, сейчас теряем узы не навсегда, а на краткий час. Мы ради этого и трудимся.

Экземпляр книги вручил народному поэту Украины Олейнику. Борис Ильич был восхищён. Ведь сам он родом с Полтавщины. Добрые вести с близкой ему Слобожанщины согрели душу. Он был очень болен, только выписался из больницы.

Россошь. 27.02.2007

Дорогой Леонид Васильевич, день добрый!

Спасибо на добром слове. Получил сразу два январских письма: второе обогнало первое. Главное, дошли по назначению. Признателен, что «Воронежская историко-культурная энциклопедия» и первый выпуск альманаха «Слобожанская тетрадь» пришлись Вам по душе. Порадовали и Бориса Ильича Олейника.

Гоните свои хвори прочь!

Кстати, по словам Володи Черепкова, так оценил наши труды Александр Мороз: «Настоящая народная дипломатия. От сердца – к сердцу!»

Будет и «Слобожанская тетрадь» ещё. Удастся издать — будут приятные книжные гостинцы.

В Киев хочется попасть. Если получится, то обговорим обо всём, что знаем теперь о Плужнике. Хорошо?..

Буча. 10.7.2008

...Дякую за листа і надіслані поезії (Черепков їх мені переслав). Поза сумнівом, Михаїл Тимошечкін — велика людина, перед якою треба стояти навитяжку, як перед маршалом (чого ніхто в Россоші, ясна річ, не робить). Блискучий поет! А про війну повідав таке, на що инші поети не наважились: духу не вистачало. (В конверт была вложена вырезка из киевской газеты «Литература и жизнь» с переводами Череватенко стихов Михаила Фёдоровича на украинский язык).

Когда потребуется справка, Я дать её всегда готов: Был отделённым — Бородавка И слева по цепи — Петров. Я вспоминаю, как во сне, Как хлопцы на ходу курили Одну закрутку на войне, Пока ещё живыми были. Ещё их немцы не побили И в плен не взяли в западне... Я некурящим был в цепи, — Неловко вылез из траншеи, Втянул мальчишескую шею И стал фигуркою в степи... Мы шли повзводно и поротно

На пулемёты белым днём. И залегали безрасчётно Перед убийственным огнём. О нет, я правды не нарушу И не скажу наоборот — Мне до сих пор пронзает душу: «Вперёд! Тимошечкин, вперёд!»

Вам довдки якоі треба? Я завжди видати готов: Був комвідділення — Загреба, А зліва v строю – Петров. Пригадую, немов у сні. Як хлопці на ходу палили Один «бичок» на батальон. Поки ще дихали й ходили, Ще німці іх не перебили, Не захопили у полон... Я некурящий був солдат. – 3 траншеі вайлувато виліз І легковажно зразу виріс Оріентиром для гармат. Повзводно бігли ми й поротно На кулемети вдень тюпцем І падали безповоротно Під ніщивним страшним вогнем. Присяги й правди не порушу, Лежу я поля посеред Ще й досі − й досі ярить душу: «Вперед! Тимошечкін, вперед!»

А нам орденов не давали, Знать, не за что было давать. Мы просто в окопах лежали, В каких нам велели лежать. Мы просто не ели, не спали И мёрзли всю ночь напролёт, А утром над полем вставали И шли по команде вперёд. И, жуткому посвисту внемля, В комочек сжав тело своё,

Царапали пальцами землю, Чтоб голову втиснуть в неё...

А нам орденів не давали, — За що нас було відзначать? Ми тільки в окопах лежали, В яких наказали конать. Ми просто не іли: не спали, На лід замерзали вночі, А вранці над степом вставали, В атаку брели крикучи. Хоч вило й свістіло над нами, Рятуючи тіло в бою, Я в землю вгризався зубами, Щоб душу сховати свою.

Буча. 3.10.2007

...Сьогодні сталася (принаймні для мене) подія знаменна: відбулося перепохования Євгена Плужника. Звисно, умовне, бо відшукати його тіло — навіть з биркою на нозі, навряд чи можливо. Територію соловецького кладовища перекопали і забудували ще до війни. ...Отже, я набрав у пакет чорнющої, як людське горе, соловецької землі, а ще попросив священника, щоб він освятив цю землі. Вже тут, у Киеві, на Байковому кладовищи, той самий панотець запечатав привезене в могилу Марії Юркової, двоюрідної сестри Плужникової дружини Галини (якщо пам'ятаете, Марії Юркової було присвячено поему «Галілей»). Зібралось люду небагато, але вси — зацікавлені особи. Домовились, до речі, поставити на могилі козцький хрест, а для цього в пресі оголосити збір коштів на па"мятник. Сподіваюсь, доведемо справу до бажаного результату.

...Вечная Ему память!

Россошь. 27.11.2008

...Пересылаю архивную справку из Государственного архива Ростовской области. Речь в ней о брате Евгения.

«В фонде Таганрогского среднего технического 8-классного училища и ремесленной школы при нём (Ф. 593, 408 дел за 1899-1920 гг.) в списках учащихся, экзаменационных ведомостях за 1903-1911 годы упоминается Василий (Василий Павлович) Плужников.

Так, он значится в «Общем списке учеников 3-го класса, подвергавшихся переводным испытаниям в 1906 году». Переведён в 4-й класс с отличными и хорошими оценками...

В одном из списков о Василии Плужникове сообщаются следующие сведения:

Время рождения – 28 февраля 1892 г. Сословие – крестьянин.

Время поступления и класс – 22 авг. (1903 г.). 1 класс.

Время окончания курса – 4 июня 1911 г.

Другими дополнительными сведениями о В.П. Плужникове Госархив Ростовской области не располагает.

Иван Павлович Плужников в списках учащихся Таганрогского среднего технического училища не упоминается...

Директор Госархива Н.А. Чумакова.

Россошь. 14.02.2009

Дорогой Леонид Васильевич, день добрый!

Поездку в Киев и к Вам теперь вспоминаю, как хороший сон. Субботний отъезд мой оказался спокойным, без сутолоки. Взял билет на Луганск. На экскурсионном автобусе объехал Киев. Встретился с Юрием Анатольевичем Пинчуком, приятно с ним побеседовали. Снег пошёл, зимой повеяло. А на Полтавщине пути-дороги замело. В Донбассе то ли в осень, то ли в весну вернулся — голо, лужи, дождик. Вновь снежная равнина открылась за Беловодском. Незримо помахали мне ручкой операторы мобильной связи — перед пограничным постом сняли со счёта все денежки. Служба, видимо, у них такая.

Вечером уже рассказывал моей Нине Павловне, что немножко недовылечил Леонида Васильевича. Надеюсь, хвори отступились от Вас.

У нас же зима тоже сиротская. Дожди посреди зимы.

О литературном Плужниковском вечере рассказал читателям моей газеты «Коммуны». В «Поле слободском» обнародую. А почта принесла январский номер газеты «Российский писатель». Там обнаружил свой материал о Плужниковских чтениях в Кан-

темировке. Ксерокопии для Вашего архива высылаю.

В «Подъёме» напечатали очерки Михаила Фёдоровича Тимошечкина о войне «Россошанская операция» и мой о «днях» Станкевича «В Удеревке листопад». Одну фразу процитирую: «Добрым словом вспоминали Николая Станкевича, именитых земляков из ближней округи: художника Ивана Крамского, историка Николая Костомарова, литератора Александра Никитенко, поэта Евгена Плужника. Нам есть, кем гордиться».

Таня привезла из Воронежа два увесистых кирпича. «Воронежская энциклопедия». Издание великолепное как по содержанию, так и по оформлению. Есть «персоналии» Костомарова,

Плужника...

Таковы наши «новости культуры». Обнимаю.

Россошь, 6.04,2009

...«Богучарскую энциклопедию» постараюсь раздобыть.

О вступлении немцев в Кантемировку я Вам писал «телефонной почтой». 5 мая 1918 года немецкие части кавалерийской бригады фон дер Гольца захватили Кантемировку. Гарнизон в 500 человек располагался здесь до середины июля 1918, по другим сведениям — до середины января 1919 года. Отбирали у населения продукты, зерно, лошадей. Жгли подворья, непокорных казнили.

Записи песен Слобожанщины у меня есть. Получится у Вас со съёмками фильма о Плужнике, и Вы приедете к нам, то вживую сможем записать песни хоть в моём селе, хоть в Ольховатском

районе.

Вроде на все Ваши «запитания» ответил.

Буча. 14.4.2009

...Дякую за чудового листа і своею чергою зичу плідної праці! Поспішаю похвалитися. ...я просиджую в читальному залі, гортаю слідчі (розсекречені) справи, а це, скажу Вам, непросте випробувания... Але і з опрацьованих томів я вже добув чимало нес-

подіваних фактів. Зокрема несподівані біографічні дані.

Скажімо, відповідаючи на запитания слідчого Мойше Хаєта, Плужник розповів, що з Воронізької гімназії його виперли «за участь у нелегальных гуртках», — Вороніж, отже, був революційным центром? І 12-13-літні підлітки вже ставалы політичними злочинцями? Щось не віриться. Дали: жодных зізнань про Ростовську гімназію, — навпаки, фігурує гімназія Бердяньска. З якой нашего героя вигнали «за неуспішність». Але з Бобровом усе горзд, цю гімназію Євген «закінчив передчасно» (чим підтвердив показания Петра Чалого).

Россошь. 4.05.2009

...Получил сведения о старшей сестре Плужника из Вологды. Над ними надо морочить голову вместе.

«В архивном фонде Вологодского государственного ветеринарного института в личном листке по учёту кадров Скороходько Анны Павловны от 13 февраля 1933 года указано:

дата рождения – февраль 1885 г.;

место рождения — слобода Кантемировка Чернозёмного Центрального округа;

социальное происхождение – дочь крестьянина;

основное занятие родителей – приказчик, мелкий торговец;

основная профессия – медицинский врач;

сколько лет работал по этой профессии – 21;

образование высшее;

знание иностранных языков – немецкий, украинский.

Скороходько Анна Павловна окончила медицинский факультет Харьковского университета в 1912 году, получила специаль-

ность врач по санитарии и гигиене.

С осени 1904 г. по 1905 г. Скороходько А.П. работала в селе Масловка Бобровского уезда Воронежской губернии учительницей, с марта 1913 г. по март 1914 г. – в селе Орловец Черкасского уезда Киевской губернии врачом земского участка, с сентября 1914 г. по июнь 1916 г. в м. Решетиловка Полтавского уезда участковым земским врачом и заведующим госпиталя, с сентября 1916 г. по июль 1917 г. – в госпиталях № 2, 6, 12 Всероссийского земского союза в Киеве младшим ординатором, с лета 1917 г. по лето 1919 г. в Красной армии, с июня 1919 г. по 1930 г. – в Киеве школьным врачом, ассистентом по школьной гигиене, школьно-санитарным врачом. ассистентом при кафедре общей гигиены, на курсах для усовершенствования врачей, с 1931 г. по июнь 1932 г. – в Москве ассистентом в центральном институте санитарии и гигиены, с сентября 1932 г. по декабрь 1932 г. – в г. Вологде ассистентом с оплатой по доцентской ставке при кафедре зоогигиены в молочно-хозяйственном институте, с 1933 г. – доцентом с почасовой оплатой в ветеринарном институте.

Скороходько Анна Павловна имела две научно-экспериментальные работы, сделанные при Киевском медицинском инсти-

туте:

1. «Воздухопроницаемость строительного кирпича».

2. «Влияние на естественную вентиляцию различной отделки стен (обои, клеевая краска, жидкое стекло)». Эту работу сдала в 1932 г. в журнал «Профилактическая медицина».

Других сведений не имеется. Директор архива Т.А. Кулакова».

Россошь. 15.06.09

День добрый, дорогой Леонид Васильевич! Часом, чуть не пропечатал Леонид Ильич!

Дякую за письмо. Сразу не отвечал, были на то причины.

Первая. Изучил я хранящееся в Петрозаводске «Личное дело заключённого Плужника Евгена Павловича», в котором прочитывается печальная глава в жизни поэта-земляка. «Дело» в обычной папке желтоватого картона. Десятка три документов. По ним так протекали последние месяцы его жизни. Привезли эшелоном в Белбалтлаг НКВД на станцию Медвежья гора Кировской железной дороги 28 марта 1935 года. На Соловки, в лагерь, он попал 15 июня 1935 года. На вопросы учётно-статистической карточки отвечал так: «Плужник Евгений Павлович. 1898 года рождения, слобода Кантемировка ЦЧО. Сын торговца. Служащий. Украи-

нец. Подданство СССР. Беспартийный. Образование высшее неоконченное, театральный институт. Специальность — писатель. Кроме родного, владеет и пишет на русском языке. В старой, белой, красной армиях не служил. В следственных органах, судебных, ГПУ и дознания не служил. Арестован НКВД города Киева 5.12.1934 года. В прошлом судимости нет. В лагере первый раз. Семейное положение — женат, жена — Галина Автономовна Коваленко. Проживал в г. Киеве, Михайловский переулок, дом 36, кв. 42. Работал до ареста в издательстве «Час» секретарём с 1929 по 1930. Особые приметы: рост выше среднего. Телосложение плотное, волосы тёмно-русые, глаза карие, нос прямой. Из прочих примет — родинка над левой ключицей».

23 июля он оказался на острове Анзер. Есть записка охранника. Он предлагает «изолировать Плужника от Вражливого-Штанько Василия Яковлевича, 1903, уроженца УССР, сына кулака, с высшим образованием, литератора, беспартийного. А также от Эпика Григория Даниловича, бывшего участника петлюровской банды, исключённого из КПбУ за национализм». Как утверждают: «С острова Анзер никто не возвращался». Но Плужника 4 октября вернули на главный остров архипелага в Соловецкий Кремль. В лазарет.

Везде на него в формулярах заполняли биографические сведения. Он только подписывался полным именем, четко, не росписью – «Плужник Евген Павлович». Ответы схожие: сын торговца, писатель-поэт. Он – автор книг стихотворных «Дни», «Ранняя осень», «Равновесие», романа «Недуг» и нескольких драматических произведений, киносценариев. Имел неоконченное высшее театральное образование, работал секретарём издательства «Время» (1928-1929), «Час», Киев.

Есть карточки с «Рабочими сведениями». Вот одна из них. «Трудколония Анзер. Личное дело П-18165. Категория трудоспособности 3. Отделение 8. Специальность — писатель. Постановлением ПВТК Отделения установлена пониженная норма выработки».

На Анзере – «c/х рабочий».

В сентябре, к примеру, проработал сельскохозяйственным рабочим, вёл уход за служебными помещениями, был сторожем. Итого проработал 18 дней, отдыхал 3 дня, болел 9 дней.

Отмечался диагноз болезней. «Туберкулёз лёгких и гортани. Инвалид, не может работать».

Есть «Акт» о кончине.

«Составлен 1935 года января 31 дня. Отдел. ББЛАГ 1 пункт Кремль. Мы, нижеподписавшиеся: заведующий лазаретом на пункте Кремль врач Титов Л.Т., палатный ординатор Тюрк Г.А. и дежурный по палате Гарбуз составили настоящий акт в том, что

сего числа января месяца 1936 года в 12 часов и 15 минут умер находившийся на излечении в упомянутом уже лазарете заключённый Плужник Евгений Павлович, поступивший на излечение 4 октября 1935 года.

Заключённый Плужник имел 37 лет от роду, женат. Прибыл в ББЛАГ 15 июня 1935 года как осуждённый В/с В.к. Верхсуда СССР по 54 8-11 ст. УК 10 лет.

Место рождения – слобода Кантемировка Ц.Ч. О.

Семья его находится: Киев, Михайловский пер. 36, к. 42.

При наружном осмотре трупа умершего найдены следующие приметы:

Рост в/среднего, цвет глаз – карий, цвет волос на голове – тёмно-русый.

Смерть последовала от туберкулёза лёгких.

Бывшие при Плужнике вещи при поступлении в лазарет взяты на хранение в кладовую по квитанции № 711 (или 791) от 4.10.1935 г.

Настоящий акт составлен в 3 экз.

Три подписи...»

В деле сохранена телеграмма жены. Ей, видимо, отправили один экземпляр акта. Ещё один, как следует из приложенной записки, отправлен в Тулу, кому — не указано. Я могу лишь предположить: Ивану Павловичу Плужнику.

Фотографии Плужника в деле нет. Есть только отпечаток большого пальца правой руки.

Добыл я имеющиеся сведения в Вологодском архиве. Высылаю. Надежда на архивы теперь Харьковского университета. Опять же можно предполагать — мать Плужника из Бобровского уезда. Село Масловка возникло в конце 1760-х годов. Населено крестьянами-малороссами с берегов Днепра. Слобода с 1781 года, церковь там прекрасная, её недавно реставрировали. Владельцы — помещики А.М. Маслов, И.А. Звегинцев. В 1905 году — 329 дворов, 2060 жителей. Сейчас — горсточка домов. Главное — село не было оккупировано фашистами. Вот бы сохранились в Боброве или в Лисках (сейчас Масловка входит в Лискинский район) церковные книги с записью о браке Плужника Павла Васильевича. Помечтаем... В ЗАГсы этих районов я уже сделал запросы. Об истории слободы Масловка у меня немало материалов, даже есть снимки Свято-Никольского храма в старину и сейчас.

Заморочил Вам голову, як казала моя мама: «забыв паморокы».

Что ешё?

Так-то так. Услышав эти слова, внучок Никитка обязательно добавит: «А с хаты як?» Усвоил мою байку. Дед когда-то плёл из лозы ясла-кормушку в хате. Проложит ряд с присловьем «Такто так». Баба рядом к нему с вопросом «А с хаты як?» Дед не замечает. А когда не смог в дверной проём вытащить-вынести те ясла в коровью кошару, то у него виноватой, конечно, оказалась жена...

За сим заканчиваю.

Россошь. 11.08.2010

...Живу тем, о чём Вы пишете: працюю в поте лица. Третья «Слобожанская тетрадь» в типографии уже на кальке. Ищу деньги. Будут — в тот же час отдаю в кассу, альманах пойдёт в печать. Посвящён он, как я уже говорил, поэту Алексею Прасолову. Во вступительном слове цитируется и Ваша телеграмма. Схожую передал и Володя Черепков, я их объединил в одну. На будущее хотелось бы получить Ваше о Прасолове: переводы его стихов на украинский, стихи или размышления о его творчестве. Верстаем и книгу о земляках на войне. Пишем, складываем «Россошанскую энциклопедию».

Лето посвятил родным. Больше жили в селе — в моей старенькой хате окнами в сад. Докладываю: в пять лет Никитка поплыл стараниями деда. Хоть и засуха, но на обеденном столе и в стеклотаре — огурцы и помидоры, арбузы и дыни, кукуруза и прочее. В подвале картошка. Так что будьмо!

О спеке и посухе. Одни считают это кознями американцев, которые запускают оружие для климатических войн. Всерьёз же: засухи в наших краях не редкость. В двадцатом веке – 1901, 1911, 1924, 1927, 1931, 1933, 1938, 1946, 1963, 1972, 1975, 1981, 1984, 1995. В чём особенности нынешней, 2010 года? В чём-то ослабляли её системы лесополос, дубравы и пруды со своим микроклиматом. В советское время была неплохой, работала в каждом хозяйстве система орошения с поливными «волжанками», «фрегатами». Кстати, землякам в строительстве систем орошения хорошо помог приятель Плужника, младший брат Николая Алекееевского, Евгений, министр мелиорации СССР. В 1900-е разграбили и сдали всё в «цветмет-чермет», купили легковухи-иномарки. Потому остаёмся без семенного и фуражного зерна, без силосной и зерновой кукурузы. А огненные смерчи есть результат той же разрушительной работы по ликвидации противопожарной охраны в сельском и лесном хозяйстве. Сократили лесничества и лесников, пожарные депо и пожарных, даже метеостанции, существовавшие с дореволюционных лет. Наплевали на советы и труды гения агрономической науки Василия Васильевича Докучаева.

«Все эти враги сельского хозяйства: ветры, бури, засухи, суховеи – страшны лишь только потому, что мы не умеем владеть ими. Они не зло; их только надо изучить, научиться управлять ими, и тогда они будут работать нам на пользу».

В думках – возвращение к Плужнику. Надо дополнять новыми материалами «Лни ранней осени».

В сборник «Русские провинциальные усадьбы» отдали с Таней очерк «Юрасовка. На родине Костомарова». Пришёл седьмой номер «Подъёма» с её «Белым клобуком» о земляке, главе Подольской, Херсонской, Холмско-Варшавской епархий, митрополите Московском и Коломенском Леонтии.

Никитка мечтает о том, когда Светланка начнёт ходить. «Уедем жить в село. В старую, но очень хорошую хату. И дед нас будет водить на ставок купаться».

Вот такие у нас дела.

Буча. 18.8.2010

...Спасибі за ксерокопію з Воронізькой енциклопедії: все правильно, хоча й можна було доповнити. Але то вже занадто: Вороніж і так мене вшанував більше, аніж рідна Україна.

Чи уточнено в другому видані дату кончини Євгена Павловича?

Маєте рацію: біографію (і бібліографію) Плужника треба доповнювати. Сподіваюсь, двотомник, над яким на цю пору працюємо, стане у пригоді багатьом. Буде і на нашій вулиці свято. Лишень зачекайте. Присягаюсь: я не втечу в кращі світи, поки не видам повного Плужника.

Россошь. 5.10.2010

День добрый, дорогой мой Леонид Васильевич!

Ваши августовские гостинцы получил — письмо и бандероль. Искренне рад, что у Вас рабочее настроение. Знайте, полное собрание сочинений Плужника за Вас не сделает никто. А я обещаю переиздать его у нас. За сборник Игоря Юркова большое спасибо. По-моему его стихи недавно издавались в Питере, да, об этом сказано в аннотации. Мне он важен для того, чтобы шире увидеть Плужниковское время, в котором, действительно, гениям было тесно. Чем больше открываю их, читаю, тем сильнее убеждаюсь, что Плужник среди них — первый. Ещё дякую Вам.

У меня на выходе — третья «Слобожанская тетрадь», я Вам писал, целиком посвящённая тоже талантливому земляку поэту Алексею Прасолову. Правда, своей работой я недоволен. Нужно было кое-что почистить, подсократить. Но на перевёрстку уже не хватало ни средств, ни сил. Трудно одновременно быть автором, редактором, издателем и, особенно, добытчиком средств на из-

дания, которые приходится отрабатывать. Впрочем, судить о сделанном Вам.

Высылаю статьи о Плужнике из двух Воронежских энциклопедий. Уточнения я сделал. Вас же попрошу: дополните их вместе со своей «персоналией» и отправьте мне для последующих переизданий. Хорошо? Планы о поездке к Вам остаются в силе. Пока лечимся. С Ниной Павловной переусердствовали в няньках. Её прихватило сердце. А следом и я раскис. Все хвори, как всегда, от нервов, стараемся успокоить их, дабы не шалили. О внуках. С Ниной Павловной только что навещали в Воронеже семью Тани. В глазах всё стоит Светланка: ухватилась за край дивана, ещё нетвердо держится на ногах, а приплясывает, радостная улыбка до ушей, глазки светятся. Ей вот-вот исполняется девять месяцев. А Никитка услышал, как мама Лена вслух восхищается афишным артистом, мол, вот настоящий и красивый мужчина, сказал ей: «Мой деда Петя лучше». Внучок у меня нынче прекрасно усвоил уроки плаванья, поплыл в пять лет.

В Юрасовке чуть продвинулись с внутренней отделкой Костомаровской школы. Как будет переведена на газ котельная действующей школы, то в старинное здание подведут «теплотрубу». В планах там должен разместиться музей Костомарова и истории

села, края.

Недавно в Воронеже заседал выездной совет Министерства культуры РФ по вопросам развития культуры села. В докладах имя Костомарова звучало вместе с именами Кольцова, Никитина, Бунина, что очень порадовало. Знать, труды наши не напрасны.

Электронной почтой отправил «эссе» о Прасолове в Киев — в «Литературную Украину» и «Литературу и жизнь». Из последней ответили: рассматривают возможность публикации в ноябре. «ЛУ» пока молчит. При случае просматривайте эти газеты.

Октябрь начался первым за четыре месяца настоящим обложным дождём. Рады. Дождь на озимые хлеба. Сразу дохнула осень. Пишу, а самому зябко. Батареи отопления в квартире пока холодные.

Россошь. 11.03.2011

... А я вспоминаю поездку в село. Зашёл в свою хату, постоял у портрета отца-мамы. Молодые. Ещё война впереди, ещё меня нет на белом свете. Ещё тридцатые годы... Попросил у хаты прощения. Зимой я редкий гость.

Возвращаюсь к Вашему письму.

Хорошо, что наконец-таки Вы получили бандероль со «Слобожанской тетрадью», а я газету «Литература и жизнь» со страничкой о Прасолове. Спасибо. Рад, что Вы собираетесь написать

об Алексее Тимофеевиче. Мне кажется, что в его стихах есть перекличка с Плужником. Они оба «душу несут сквозь годы».

Россошь. 21.4.2011

...Начну с «великолепной опечатки». Мой приятель-краевед выпустил интересную книжицу – «Воронежские Чертковы». Есть там любопытный снимок. Памятный камень. Похвастаюсь, уже «печатаюсь» на граните. «Здесь стоял хутор Ржевск, где с 1888 года В.Г. Чертков и его друзья в издательстве «Посредник» готовили к neчати книги для просвешения народа. Весной 1894 года в Ржевске гостил Л.Н. Толстой». Под лесной листвой v камня люди. Фото на память. Только вытерли пот с лиц – привезли из недальнего Павловского карьера розовый камень, выгружали эту глыбу не без боязни на стреле лёгкого тракторного экскаватора, удачно установили её на поляне именно в том месте, где стояла усадьба — на вросшем в землю фундаменте дома. В людском ряду есть и Ваши знакомые: слобожанский Тарас Бульба – Василий Остроушко, его школьный друг Леонид Мелешенко, водитель Виктор Бугаёв. председатель колхоза Иван Бордюгов, в этой уважаемой компании и мы с Таней. А теперь прочитаем вместе подпись под снимком: «Потомки Черткова. Ржевск». Каково, дорогие киевляне! С кем вы знаетесь!

Теперь о главной новости из «Литературной газеты». Стараниями выпускника Киевского университета Валерия Николаевича Ганичева и известного Вам Феликса Кузнецова издан «Тихий Дон». воссозданный по авторским рукописям Михаила Александровича Шолохова. В едином томе «представлен подготовленный и удостоверенный лично Шолоховым авторский текст 1-й и 2-й книг романа. Третья книга дана по первой книжной публикации – 1933 год», которую переводил на украинский язык Евген Павлович. Четвёртая книга печатается тоже по первой публикации с учётом рукописей, храняшихся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург). Текст снабжён сносками, в которых указано значение и правильное произношение более четырёх тысяч малоупотребительных и присущих верхнедонскому казачьему говору слов. Издание содержит родословную писателя, хронику его жизни и творчества. Финансировал издание сын Черномырдина – Андрей Викторович. Отпечатали полиграфисты Харькова. Пока лишь тысячу экземпляров.

Главное свершилось. Пусть теперь ломают зубы те, кому злоба не лаёт покоя.

Читайте и пишите, звоните. Всегда рад встрече — в письме, в телефонном разговоре.

Россошь. 8.10.2011

...На 10 декабря объявили восьмой фестиваль Слобожанской культуры. Подготовил к печати уже 115-й (это только в газете «Россошь», а с другими изданиями наберётся до двухсот номеров) выпуск «газеты в газете» «Поле слободское» — «Кольцов на Слобожаницине»

* * *

Мой школьный товарищ привёз изданную в Чернигове «Троицей» и Оксаной Гринёвой книгу Юрия Сбитнева «Тайны родного Слова» (Моё прикосновение к «Слову о полку Игореве»). Насколько я понимаю, в изучении, а главное, в прочтении «Слова» – книга значимая и знаковая. Вам-то в Чернигове её помогут добыть. Прочитайте обязательно.

Я просто убеждён: проживи Евгений Павлович подольше, он бы обязательно обратился к «Слову». Такой знаток украинского и русского языков сделал бы прекрасное переложение.

* * *

Ближе к обеду позвонит Михаил Фёдорович Тимошечкин. Он потерял зрение. Дочитываю ему книгу Юрия Сбитнева. А посвящает он её «Сёстрам и братьям моим — украинским, белорусским, русским...». Пишет о рукописи, ставшей Духовной Вестью для наших предков, их потомков, для нас, ныне живущих, и тех, кто придёт за нами, пока будет нести миру только Добро и Свет древнерусская Троица — Украина, Белоруссия, Россия... Сбитнев вежливо и твёрдо отстаивает свою позицию: «Слово» осмысляет, опираясь на народный язык, ещё живой в наречиях, и предлагает своё прочтение этой «поистине Благой вести, пришедшей к нам из далёкой святой Руси».

Да хранит Вас Господь!

Россошь. 26.5.2012

День добрый, мой дорогой Леонид Васильевич! Поклон и Людмиле Яковлевне, добрейшей души соседке, какую судьба подарила Вам, как ангела хранителя.

Минувшее 24 мая — праздник Вознесения Господня, праздник славянской письменности и культуры, день рождения великого Шолохова («телебачение» промолчало об этом, может, и к лучшему) — оказалось на редкость славным. С конца апреля и весь май шпарила необычайная жара и дул, не утихая, суховей из калмыцкой «печки». Всё уже предвещало засушливое лето с выжженными солнцем буграми, чахлые посевы в полях, изнуряющее нещадное пекло. А тут просыпаемся, не снится ли — в оконное стекло дождик

стучится самым желанным гостем. Я же накануне съездил в село – прополол огород, остановил нашествие колорадских жуков на картошку. Земля уже потрескалась, руку в щель всунешь – ящерица в траву юркнула. Полупустыня. Махнул рукой, посумовали на превратности погоды с дядей. Что мог – сделал. Погода не в нашей власти. А она вдруг смилостивилась. Всю нашу «зону рискованного земледелия» накрыло на целый день обложным дождём. Дядя Андрей позвонил вечером: бочка с водой. Через край льётся. Это означает, что землю промочило неплохо, влага подземная и дожлевая «соединились»...

И ещё добрая весть этого же дня. Из Харькова привезли тираж четвёртого выпуска «Слобожанской тетради». Я уже писал, что посвящён он молочной истории в нашей Слобожанщине. «Живое молоко Россоши». Впервые я как автор так принимал благодарение читателей. В кабинет Остроушко заходили посланцы из цехов и ферм, получали от «Тараса Бульбы» книги. Тут же перелистывали, ахали. Остроушко невозмутимо отсчитывал экземпляры с дотошностью въедливого бухгалтера. А я только успевал отвечать на «спасибо» — «читайте на здоровье». Украинские печатники постарались — великолепное полиграфическое исполнение. Альманах ведь богат фотографиями.

Что интересно. Когда-то врач Украинский, к которому я привёз из села свою недужную бабусю, открыл мне, молодому газетчику районки, что на хуторе Верхний Киев жили внучки Тараса Шевченко. Им он когда-то оформлял документы на получение специальной пенсии. Так вот сейчас, спустя лет сорок, уже его дочь подарила мне для книги фотографии дедушки и прадедушки, построивших в Россоши первый молочный завод в начале двадцатого века. Её отец, тот самый врач Украинский, уже умер, а сколько интересного он мог бы рассказать о своей семье. Кто знал, что мне придётся по крупицам восстанавливать события далёких лет?

Вот таким насыщенным и добрым выдалось 24 мая 2012 года.

Россоив, 17 8 2012

...Я уже писал: уговорили меня сложить историко-краеведческий альманах «Слобожанская тетрадь» по Ольховатке. Нашёл ему имя — «На холмах Ольховатки». Три месяца складывал-чистил тексты, подбирал снимки-картины. Сейчас всё отправил в издательство «Альбом». Пусть верстают книгу.

«По пути» с Таней шлифовали уже изданную четвёртую «Слобожанскую тетрадь». Получилась «историко-краеведческая повесть». Главками обнародовали её в Интернет-журнале Союза писателей России у Сергея Котькало в «Русском воскресении».

Так что – в небо удаётся взглянуть.

Россошь. 26.8.2012

Дорогой Леонид Васильевич! После Вашего телефонного звонка пишу письмо вдогонку к предыдущему...

Ваш звонок, Ваш бодрый голос — подарок мне к наступающему дню рождения. В четвёртом часу утра 27 августа 1946 года я оповестил маму и тато, братишку Алёшу о том, что явился на свет. А год-то назовут желудяным.

Тихим осенним днём мама запеленает меня, и отправимся мы все (отец на колхозной ниве) вместе в ближний дубняк собирать жёлуди. Мама положит меня на постель из листвы. Накажет братику быть рядом. Но он заигрался, дерево за дерево, и потерял меня из виду. Вспомнил обо мне, не найдёт. В крик. «Мамо, Петю дыки кабаны схватылы!» Переполошил. А тут мой плач успокоил. «Нашёлся!»

Рассказываю Нине Павловне, а она не верит в то, что я помню, как лежу в колыске, вижу железный крюк в потолочине и вслед за

бабусей пытаюсь петь «про котыка».

Уже постарше. Оконные шибки промёрзли узорчатым инеем в палец толщиной. Солнце не просвечивает сквозь стекло. Соскочишь с лежанки на ледяной глиняный пол босыми ногами. В ведре на лавке вода взялась крыгой, кружкой не пробъёшь. К вечеру мама втащит в хату оберемки подсолнечных будыльев, соломы. Запляшет огонёк в грубке. Я на подхвате. Подкладываю в огонь пучки соломы, обжигаясь. Ломаю через колено подсолнечные палки. Мне уже жарко. И не только мне. Против печного зева даже окошко вытаивает.

Мама за прялкой, за ткацкой верстатью — станком. Я на лежанке.

Вєчєр вєчерие.

Колышется трава.

Hы й $d\epsilon$, ны й $d\epsilon$ мий мылый...

А я пристаю к ней: спой военную песню.

На опушке леса

Старый дуб стоит.

A nod этим дубом партизан лежит...

Мне становится жалко кудрявого бойца, хочется верить, что он жив, хочется видеть его живым, с автоматом...

А ещё позже печь станет самым дорогим уголком. Набегаешься за день: санки, лыжи. Выполнишь рабочее задание: принести «доброй» воды, выкидать снег из кошары. В вечерний час протрёшь старательно стекло дудки, запалишь фитиль лампы-семилинейки. Вывернешь его так, чтобы ярче светил и не чадил. И читаешь любимые книги Гоголя, а затем Шолохова. То

смех разбирает, мама скажет, мол, дурню одному не скучно, попросит читать вслух. То слёзы душат, и всю ночь спасаю Тараса Бульбу. Истошным криком во сне бужу родителей.

Бывало, заблудишься на печи. Побелённая мелом стена отсве-

чивает от окна. Сунешься на свет и – в стенку лбом. В рёв.

Счастливейшая пора...

Вчера участвовал в наших разборках с итальянцами. Едут они спустя семьдесят лет по местам «боевой славы». Печаль их понятна. Но везут с собой подловатые листовки. Едут крепить мир и дружбу в военных шляпах с пером. Пришлось вежливо напомнить им, что и нас, наши чувства следует уважать. Согласно покивали головами, но шляпы, из которых ястребиные перья торчат надменно и гордо, пока не сняли. Ничего, перескажут наши разговоры в Италии другим. Те задумаются...

Вот вроде и поговорил с Вами.

Россоць, 26.1.2013

День добрый, дорогой Леонид Васильевич!

С признательностью к Людмиле Яковлевне за её чистую душу

и добрую помощь Вам.

Леонид Васильевич, на Крещение, после Вашего разговора с Ниной Павловной, пытался дозвониться и я, но, видимо, звонок в Буче был не слышен. Зато в памяти остаётся наша телефонная беседа из моего села. Когда я положил трубку, выключил свет на веранде, в темноте непроглядной сквозь окно белел снег на огородной пахоте. Представил уходящее вдаль пространство — поля и степи, шахтные копры и города, Днепр и Киев, сквозь которые мы слышали друг друга. И радость общения вдруг стала таять в тоске одиночества. Чтобы по-детски не расплакаться, повторил присловье редакционного шофера: «не бери дурного в голову, а важкого в руки» — тихонько прошёл в комнату, включил у дивана лампу и засел за бумаги. Только работа-работа спасала меня в те дни...

Читаю книгу Станислава Куняева «Шляхта и мы», которую я только что принёс из книжного магазина. «Поистине не поняли мы нашего пророка Федора Ивановича Достоевского, когда он ещё 125 лет назад, в разгар прекрасного славянофильства и освобождения болгар от турецкого владычества, говорил жестокую правду: «По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, не будет у России и никогда ещё не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными... Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят

себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью... Что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чисто славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации». Кстати, подобные мысли я читал и у Костомарова, в его размышлениях о православии и католичестве.

Мне переслал декабрьский номер «Литературы и жизни». В ней, наверное, с Вашей поддержкой напечатаны «Острогожские дали» о Юрии Анатольевиче Пинчуке. Я сразу же позвонил его жене Тамаре Викторовне, чтобы нашла и прочла газету.

В Интернете на сайте «Гайдамаки» увидел добрые слова о Плужнике, о моём участии в его судьбе. Здесь тоже написано всё и Вашей рукой. Благодарю Вас.

Я же пока так и не смог сказать о Плужнике в «Литературной газете», в «Подъёме». Обещают печатать. А обещанное уже годы жду. Хорошо хоть в электронных изданиях, кстати, хорошо читаемых, «Российский писатель» и «Русское воскресение», благодаря Сергею Котькало и Николаю Дорошенко уже утвердилось слово Плужника. Только что обнародовали мой перевод его романа. А сейчас отправлю подборку его стихов.

Буча. 31.1.2013

Дорогий Петре Дмитровичу!

Коли б Ви знали, який я радий отримувати не модернізовані, а звичайною ручкою писані послания з Дерезуватого чи Россоші? Мабуть я зіштовхнув Чалого у бік регресу, але нічого не можу вдіяти...

Сьогодні день смерті Євгена Павловича, тож є підстави поговорити про Плужника. Безперечно, Вас цікавить, а що відбувається з його багатотомником? Відповідаю: все поки захрясло на першому томі. Причин декілька, втім видавці перекладають провину особисто на мене. Либонь, небезпідставно, але я теж маю виправдания. У зв'язку з недугами та хворобами доводиться у пошуках заробітку за все хапатися, а воно йде не на користь Плужникові. І найголовніше: я сподіваюсь-таки роздобути останні вірші поета, писані в Соловецькому лазареті...

Россошь. 23.3.2013

День добрый, дорогая Людмила Яковлевна!

После благополучной поездки в Воронеж я рассчитывал вырваться в Киев, в вашу Бучу. Очень скучаю по Леониду Васильевичу. Надо бы о многом с ним переговорить.

Тут же умирает близкий старший товарищ. Поэт. Его очень ценил Васильевич, переводил стихи на украинский язык. Умом вро-

де понимаешь: 87 лет прожил человек, года три назад лишился зрения, не сдавался недугам... А душа не принимает неизбежного. А рука всё тянется к телефонной трубке. Да в ней-то уже не услышишь знакомый с хрипотцой голос. «Доброго здоровьица. Какие новости у нас в округе? Что прибавилось на книжных полках? Из Киева есть известия от Череватенко?»

На похоронах Михаила Фёдоровича стало худо нашему общему другу-краеведу. Отправили чуть ли ни силой домой. Тем более, он жену оставил без присмотра. Лет семь ухаживает за ней, прикованной инсультом к постели. В вечерний час звоню ему. Жена в слезах, объясняет, что Володю «скорая» увезла в больницу. К врачам. «Обширный инсульт. Делаем всё возможное». Не смогли вернуть к жизни. Опять похороны.

Утраты последних месяцев: в декабре — наш общий друг, главный в Киеве «костомаровед» Юрий Анатольевич Пинчук, в январе — самый старший в нашем роду и самый близкий мне дядя Андрей, теперь вот Тимошечкин и Воробьёв — выбили меня из колеи. В таком настроении просто грех являться к Леониду Васильевичу. Как и писать ему об этом. Решил с поездкой повременить.

А Лену послали на курсы в Воронеж. Я к ним в Каменку съездил. Первоклассника нашего поддержать.

...Идём с Никиткой со школы. Тарахтит без умолку. Вдруг заметил, что я вроде слушаю его, да не слышу. Дёргает за рукав. «Деда, ты что завис?» Я не понял, о чём он спрашивает. А затем дошло его сравнение с компьютером.

Я рассмеялся, постарался больше не «зависать». К тому же, подошли уже к «хитрому» рынку, где начали покупать и складывать в пакет то, что в рот просится...

О Никитке расскажите Леониду Васильевичу. Пусть представит эту картину. Сообщите, что письмо для него высылаю обычной почтой.

В этих хлопотах завершается суровый март. День морозно и ветрено, два — тепло и слякотно. Наши малые речки выходят из бережков. Гром прогремел на голое дерево — к неурожаю. Будем надеяться, что и народные приметы не всегда сбываются. Будем надеяться, что природа и жизнь будет к нам милостивее и милосерднее.

Хоть Леонид Васильевич не любит электронные письма, мне и они по душе. Сейчас впишу в окошко «Яндекса»: «Для Людмилы Яковлевны», щёлкну мышкой. И мои сердечные пожелания добра нашему ангелу-хранителю уже в вашем почтовом отделении. Кланяюсь вам и Леониду Васильевичу. Перескажите это моё послание к вам выборочно.

Буча. 9.4.2013

...Коли б Ві знали, як я полюбляю отримувати від Чалого листи, в яких навіть крізь побутові описи проблискує ніжна, лірична, поетична душа...! Короткими словами, дуже дякую.

Щодо неминучих утрат (той самий дядя Андрій) додати нема чого. На жаль, не від нас воно залежить, а ми анічого не змунимо в одвічному коло бігу часу. Маємо принаймні радіти, що ті, які одійшли від нас и перебувають нині в кращом світі, достойно життя своє прожили і залишили по собі добру пам ять. А нам треба у них навчатися...

А Михайлом Федоровичем Тимошечкіним можна хіба що пишатись. Це Поет, який давно переріс регіональні рамки, а якщо казати по правді, Поет національного вимиру. Один з найчесніших россійських поетів, которі уславились творами військовой тематики (згадаймо великого Твардовського чи значино дрібнішого Симонова). Так, і друкували їх мільонними тиражами й уславляли «в столице и в селе». Але такої гіркої, такої суворої Правди про Війну згадані класики не явили світові. Тут необхідно, справді, було і стрибати з катера в крижану дніпровську воду, і довбати саперною лопаткою твердішу за камінь, промерзлу «до основания» степову землю, і йти на повен зріст в атаку під кинджальним вогнем. А Тимошечкін через усе це пройшов — и зумів відбити у своїх солдатських поезіях...

Россошь. 30.5.2013

...Получил Ваше письмо от 9 апреля. Почта побила все рекорды. Зимой из моего села в Бучу моё послание доходило за пять дней. А тут — без недели — два месяца! Самое главное — оно пришло по назначению. И совершенно неожиданно, что тоже приятно. Ведь я считал: пакет с газетой «День» со статьёй о Плужнике — это есть всё, отправленное любезной Людмилой Яковлевной.

Сейчас же не только по телефону, письменно сердечно поздравляю с главной литературной премией Украины! Пусть она придаёт Вам сил у творческой наковальни. Пусть Ваше слово радует читателя и несёт добро душе и уму...

Россошь. 23.7.2013

...Вчера по телеканалу «Культура» смотрел фильм о Богдане Ступке. За кадром поёт Нина Матвиенко. Вытираю слезу, а Нина подшучивает: «Сколько волка не корми, а он в Украину...»

Так-то оно и есть.

Спешу порадовать хорошей новостью. Вышла книга Михаила Фёдоровича Тимошечкина «Свободы белый колокол». В ней печатаются стихи, какие он писал всю жизнь, но только впервые

обнародовал, представил читателю. Есть отдельным разделом переводы из Плужника — 15 стихотворений. Жаль, что читаем книгу уже без автора, не дождался... Но голос его слышен.

Для Вас, Леонид Васильевич, сборник будет.

Россошь. 10.10.2013

День добрый, мой дорогой Леонид Васильевич!

День добрый, любезная Людмила Яковлевна! Ведь я, Яковлевна, всю обратную дорогу из Киева вспоминал Вас добрым словом, как только брал в руки «обеденный» пакет. Вы так быстро, но продуманно и смачно приготовили еду, что я не тратил времени на продовольственные магазинные кормушки. Мне всего хватило, даже дома угощал украинской колбасой и ряженкой. Услышав об этом, Вы улыбнётесь: много ли человеку для приятной радости надо...

Оказывается, совсем чуток тёплой заботы...

Леонид Васильевич, сейчас, как в кино, «прокручиваю» мысленно наши дни и беседы. И хочется мне вновь очутиться под крышей Вашего дома. Где я был, как дома. Хочется утонуть в книгах. Благо, рядом путевод, какой ответит на любой вопрос или прочитает кратко ёмкую лекцию, или чутко выслушает твоё мнение. В минувшую субботу я ездил в Белгородскую область на литературный праздник, посвящённый 200-летию Николая Станкевича. Там очень умно выступил митрополит Белгородский и Старооскольский: главное — почему мы обращаемся к личности Станкевича, он сумел собрать в свой кружок людей, будущих славянофилов, западников и иных, и научил их слушать и слышать, понимать друг друга. Чего нам так не хватает сеголня.

Белгородцы, как всегда, молодцы. Казалось бы — глухое сельцо. В старой школе создали прекрасный музей столичного уровня. К месту давно несуществующей дворянской усадьбы проложили асфальт. Старинный парк, сад привели в порядок. Посадили новые кленовые, липовые аллеи. Растут яблоньки. На месте, где стоял Богородицкий храм, выстроили красивую часовенку. Рядом могилы Станкевичей опоясаны оградкой. Дали тут удивительные — луга, за ними открывается степь. За речкой Тихой Сосной видно из Удеревки — У-дерева (названия-то!) — бежит железная дорога из Владивостока в Киев-Львов. Я стоял на холме и мысленно посылал Вам привет. А потом в клубном зале в селе слушал русские и украинские песни самодеятельных певцов. Встретил друзей, поговорили, подарили друг другу новые книги. Пообещали мне передать книгу о Станкевиче, недавно изданную в серии «ЖЗЛ». Написал её проживающий в

Москве уроженец здешних мест Николай Карташов. Отзывы хорошие. А сотрудники Острогожского музея привезли мне пачку книг — гостинец из Москвы. Только отпечатанный в Чеховской типографии сборник «Война: от Воронежа до Сталинграда». В ней — наши с Таней рассказы-очерки.

Успел уже съездить в своё село. А там, на родимых холмах, выпал снег. Представляете: красные яблоки, зелёная листва в снегу. Рвал, любовался. А спускался по лестнице, подошвы скользкие — не понял, как лежу на снегу. Благо, слетел вроде удачно, шейные связки только ещё побаливают.

Рассказ Нины Павловны. Объявила в своей группе ребятам, чтобы собрали небольшие деньги на какие-то техникумовские дела. Одна из девчат плачется:

- Мне хоть самой с протянутой рукой проси милостыню.
- Уж тебе-то не подадут.
- А почему?
- Глянь сама по золотому кольцу на каждом пальце.
 Она быстро прячет руки под парту. Все смеются.
- ...Хай Вам счастыть!

Россоць, 16.10.2013

...Стараюсь чаще навещать Вас письмами.

Скучаю. В мыслях возвращаюсь к нашим беседам-разговорам. Вспоминаю «киевский день». Билет в Луганск на ночной поезд взял быстро. Определил сумку в багажную ячейку. Направился к станции метро, чтобы добраться в редакцию «Литературы и жизни». И тут меня остановил зазывной голос экскурсовода. Сел в автобус, из его окна посмотрел на город. Посетил Флоровский монастырь на Подоле — поклонился мощам нашей воронежской Святой Елены. По семейным рассказам, в этот монастырь ушла одна из моих дальних в родстве бабушек.

Я́, как и хотел, пошёл к Золотым воротам, к Софии. И тут — на Прорезную, к Плужнику. Поклонился ему у мемориальной доски. А вот в Михайловском переулке зайти в подъезд и посидеть как когда-то с Вами на широком подоконнике не удалось. Дверь закрыта, никто не входит, не заходит. Постоял во дворе, посмотрел в окна квартиры на верхнем этаже...

Погулял по Крещатику. Покопался с удовольствием в книжных развалах в «Науковой думке» на Грушевского. Припомнилось, как встречались с Вами у входа в книжный магазин.

...В минувшую субботу побывали с Ниной Павловной в селе. День стоял по-летнему тёплый. Выкопали морковку. Зачистили под пахоту огород. А затем посидели у костерка. Смотрели

на половецкие пляски в язычках огня. Вдыхали дымок и запахи свежей травы, яблок, винограда. «Ну как бросать — сад, огород?» — вдруг спрашивала Нина. Если ей, сибирячке, моя степная глушь стала родной, то как мне? Тут тепло рук мамы, отца, бабуси, дяди.

Сейчас пишу, повторяю слово «отряха», о каком мы недавно говорили. И слышу голос мамы, тато. В их устах слово звучало разно. Нежно: ну ты и оторви голова! Сурово: заявился, на себя хоть глянь, давай сорочку залатаю. С укоризной: загулялся, бродяга, корове травы не нарвал.

...А далее прилагаю то, что нашёл в Интернете о Вашем дяде, какой в детстве был тоже, по Вашим словам, отряха.

Вот выписки из документов, какие хранятся в Центральном архиве Министерства обороны России в Подольске, какие есть на сайтах «Подвиг народа» и «ОБД Мемориал».

Из наградного листа. Череватенко Андрей Петрович. 1919 года рождения. Украинец. Рабочий. Кандидат ВКП (б). В Красной армии служит с 1939. Наград не имеет.

Сержант Череватенко принял участие в разведке в направлении высоты 188,1 западнее села Новозвановка в ночь с 19 на 20 февраля 1942 года. Он обеспечил скрытное продвижение вперёд и в обход минного поля. В результате — разведка в полном составе зашла в место расположения врага и нанесла ему удар с тыла. Уничтожено до 15 фашистов, захвачены трофеи, «язык». Разведчики без потерь вернулась на исходный рубеж.

Тов. Череватенко, много раз проявляя себя как бесстрашный и волевой командир, достоин правительственной награды – ордена Красной Звезды.

Командир 220 стрелкового полка подполковник Леонович. Военный комиссар Куяров. Начальник штаба майор Евтушенко.

...Достоин ордена Красной Звезды.

Командир 4 стрелковой дивизии полковник Рослый. Полковой комиссар Алексеенко. Начальник штаба полковник Зданович.

...Достоин награды медали «За отвагу». Командующий 12 армией генерал-майор Коротеев. Член Военного совета бригадный комиссар Гольденштейн.

Из приказа войскам 12 армии.

22 марта 1942 года награждён сержант Ч.А.П. – командир отделения взвода пешей разведки 220 стрелкового полка медалью «За отвату».

Череватенко Андрей Петрович в другом «поиске» был отмечен медалью «За боевые заслуги».

Из списка безвозвратных потерь.

Череватенко Андрей Петрович. 1919. Старший сержант. Командир отделения. Призван Серговским РВК Украинской ССР Ворошиловоградской области г. Серго. Место службы — штаб 4 стрелковой дивизии. Убит 2 апреля 1942 года село Колиново Колиновского района Ворошиловоградской области. Отец Череватенко Пётр Матвеевич. Проживает — Ворошиловоградская область, Серговский район, село Голубовка, ул. Артёма.

Современные адреса.

12 армия в эти месяцы держала оборону по линии фронта в Луганской области вблизи границы с Артёмовским районом Донецкой области. Награждён за бои у села Новозвановка Попаснянского района. Погиб у села Калиново Попаснянского района. Родные жили в селе Голубовка, можно сказать, соседнего Кременского района (вблизи Мелового Сватовского района – родины кинорежиссёра Николая Мащенко).

А ещё об отважном разведчике Череватенко писал Герой Советского Союза, командир дивизии, генерал-лейтенант Иван Павлович Рослый в книге мемуаров «Последний привал — в Берлине» (Москва. Воениздат. 1983).

«Когда противоборствующие стороны долго находятся в обороне, на фронте порой воцаряется такая тишина, что кажется, будто войны и нет. Однако бывалого воина тишина не успокаивает, а настораживает: не задумал ли чего противник?

Встревожил этот вопрос и командующего 12 армией.

В один из метельных февральских дней передо мной неожиданно предстал начальник разведки штаба армии полковник Ерёмин, с которым я был знаком по академии.

- C чем приехал, Григорий Михайлович? спросил я Ерёмина, как только тот разделся.
- Ни с чем, а зачем, так точнее, ответил он. «Язык» нужен позарез. За ним я приехал и не уеду, пока не получу его. Командующий так и приказал: «Без «языка», товарищ полковник, не возвращайтесь».

Командующего нетрудно было понять. В обороне нельзя сидеть с закрытыми глазами. Чтобы ориентироваться в обстановке, военачальнику любого ранга нужны подробные сведения о противнике: расположение его частей и их нумерация, количество и качество оружия и места, где оно размещено, настроение войск и, что особенно важно, намерения врага. Кое-какие сведения можно добыть наблюдением. Но самым верным источником информации всегда считался пленный, его показания и документы.

Но вот беда: с тех пор как оборона застыла на данном рубеже, достать пленного стало делом весьма сложным и трудным.

Небольшое расстояние, которое отделяло наш передний край от немцев (всего 200—300 метров), было с обеих сторон напичкано минами, проволочными заграждениями, взрывными устройствами и другими «сюрпризами». В ночное время гитлеровцы не жалели осветительных ракет, чтобы просматривать так называемую ничейную, или нейтральную, полосу. Таким образом, полоска земли между нами и ними превратилась в трудно проходимый рубеж. И всё же разведчики ухитрялись преодолевать его, пробирались в расположение противника, брали «языка» и возвращались назад. Но так было, повторяю, далеко не всегда. Вот и за последние две недели, предшествовавшие приезду полковника Ерёмина, в дивизии было организовано пять вылазок разведчиков, и все закончились безрезультатно.

Об этом и беседовал я с Ерёминым. В наш разговор включился начальник штаба дивизии подполковник Николай Николаевич Лошигин.

 Надо ехать в 220-й стрелковый, – предложил он. – Там есть хороший разведчик, старший сержант Череватенко – настоящий самородок. Он, правда, простудился, болен. Но если поправился, постарается помочь нам.

Вскоре Ерёмин и Лощигин отбыли в 220-й полк.

Старший сержант Андрей Череватенко был уже вполне здоров и с большой охотой взялся за дело. В помощь ему подобрали смелых и хладнокровных бойцов. Это были красноармейцы Геворян, Бабенко, Кошкин, Павлов.

Трое суток, днём и ночью, наблюдала группа за противником. Наконец, в километре от передней траншеи врага, в глубине его обороны, разведчики заприметили блиндаж, от которого змейкой тянулась к передовой протоптанная в снегу тропа.

– Целый день наблюдал за тропой, но никто по ней не проходил, — рассказывал потом Череватенко. – А тропа всё же протоптана. Значит, ночью ходят. Тем лучше для нас. Ночь — союзница разведчика, особенно безлунная и беззвездная. А тут к тому же поднималась пурга. Это тоже нам на пользу.

В полночь начали преодолевать ничейку. Впереди три сапёра проход от мин и проволоки расчищали. Мы живо перебрались через первую траншею немцев, а сапёры остались поджидать нас, чтобы фонариком поморгать и на проход навести, когда будем возвращаться.

Вышли мы на тропу, прошли по ней метров пятьсот, остановились, выбрали место и залегли. Наши белые халаты слились с окружающей местностью...

Помолчав немного, разведчик перешёл к главным событиям:

- Долго лежали мы в снегу, всматриваясь в темноту и прислушиваясь. Вдруг со стороны переднего края на тропе появились двое, идущие один за другим. Мы приготовились. Как только гитлеровцы поравнялись с нашей засадой, я подал условный сигнал, по которому Геворян и Бабенко бросились на первого немца, а Павлов и Кошкин на второго. Сам я остался в резерве. Но ненадолго. Сбив ударами прикладов своих «подопечных», ребята навалились на них, связали, а в рот заткнули кляпы. С одним управились быстро. Но другой оказался крепким верзилой. Пришлось помогать Геворяну....
- А почему у вас кисть левой руки перевязана? спросил я Череватенко, когда он закончил рассказ. – Вас ранило?
- Да нет, товарищ полковник, ответил сержант. Сущий пустяк. Когда я бросился на немца и стал засовывать ему в рот носовой платок вместо кляпа, он укусил меня. А в остальном всё прошло, как по нотам...

В хорошем настроении уезжал полковник Ерёмин в штаб армии. Он увозил с собой двух пленных из 50-го пехотного полка 111-й пехотной дивизии...

Успех разведывательной группы 220-го стрелкового вызвал добрую зависть у разведчиков других полков. Вскоре захватили «языка» и воины 39-го стрелкового полка».

...Жаль, что эти документы раньше не попали в руки Леонида Васильевича. В наших разговорах он часто мне рассказывал о родных — о дедушке Петре Матвеевиче, об отце Василии Петровиче, маме Лидии Даниловне, вспоминал всех. Когда я ему пообещал найти и выслать архивные документы о дяде, отважном разведчике, погибшем в 1943 году в Луганской области, то он до слёз растрогался и очень жалел, что не исполнил просьбу отца — не побывал у братской могилы. «Проезжал часто те места, из школы получал приглашения. Всё думалось — потом, потом...».

Родовые корни семьи Череватенко – в селе Мокрая Калигорка Катеринопольского района Черкасской области Украины.

Мой внучок Никитка недавно участвовал в выпускном вечере старшеклассников. По сценарию им нужны были малыши. Мама Лена допытывается: «Как тебя нарядить?» Отвечает уверенно: «Белый низ, тёмный верх». Лена: «Ты точно запомнил. Зачем белые брюки? Где я их тебе возьму?» «Было сказано: белый низ...» Оказалось, всё наоборот. А я вспомнил нашу первую встречу с Леонидом Васильевичем. Назначил он её в Доме кино. На входе меня вахтёр притормозил, позвонил по телефону. Гляжу — сверху по лестнице спускается мужчина в белом костюме. Думаю, в «киношной хате» одни пижоны. А это — Л.В. Обнялись, сходу со-

шлись. Вижу, что юмор в свой адрес принимает. Признался, как я его обозвал про себя. Посмеялись. Погостили. И отправились в путешествие по Киеву «Плужниковскому»...

Россошь. 23.10.2013

Мой дорогой Леонид Васильевич, день добрый!

Письмо Вы получите, надеюсь, к памятному дню своего рождения — 75-летию. Мы обязательно поднимем тоже чарочку за Вас. Поздравляем! Хай здороветься и щастыть, пишеться во благо славянства, во благо Украины и России, родных нам и Вам!

...У нас — то дождь, то солнце. Как высказалась внучка Катя: «Такая погода ПЛЮЩИТ меня». И всех нас. Но, несмотря на это под вечер вежливо беру за шкирку Нину Павловну и веду в лес, какой начинается у порога. Поначалу она ворчит: «Добрый хозя-ин собаку со двора не выпустит...» Постепенно у неё настроение становится бодрее. И даже если дождь занудно барабанит по зонтику, она вдруг замечает свежую зелёную траву, грибные шляпки среди хвои, опавших листьев (собирать их не дозволяю, химзавод близко), слышит стук дятла и старается его увидеть. Даже припоминает, что такая сырая погода в лесу полезна для кожи лица. Женщины есть женщины.

Мне же позвонили хлопцы из белгородской Алексеевки — везём новую книгу «Путешествие по Чёрной Калитве». Я помогал им в этих поездках «вдоль да по речке»: выводил на знающих историю края людей, сам показывал окрестности, рассказывал... Кстати, начинается Калитва из родничков в Алексеевском районе у хутора Власов. В каком родился, рос «соловей Украины» Олесь Коваленко. Чёрная Калитва — речка и моего детства. На её берегах — наши луга. Алексеевцы хотели вручить мне книги, чтобы передал их читателям. Я же приготовил им неожиданную встречу — в библиотеке собрал студентов педучилища, краеведов. Беседа получилась такой интересной, не хотели даже расставаться.

Из Петропавловки (село за Богучаром) получил от Саши Нестругина приятный подарок — небольшую поэму с посвящением. Её я переадресую и Вам. Из Москвы тоже гостинец: журнал «Новая книга России» с моей небольшой повестью. А ещё — книга об Андрее Снесареве Бориса Белоголового.

У Никиты, напомню, второй класс, идёт урок. Предмет — «Окружающий мир», есть теперь такой. Учительница рассказывает о том, как жили первобытные люди: жилище в пещерах, одежда из шкур зверей. Никита поднимает руку: «А как же мамы деток рожали?» Татьяна Александровна (в её пересказе Лене) растерялась, но говорит: «Да так и рожали». «Но ведь им же больно было. Лекарств

ведь не было». Учительница соглашается. «Больно. Но вам, мальчики, это не грозит». Девчоночка продолжает: «А нам грозит».

Татьяна Александровна: «У меня впервые такие дети. Рассуждают всерьёз. Ни хихиканья, ни оживления. Будто взрослые».

А Лена ведёт свой урок. Семиклассники непосидячие, вертучие. «Я сама не поняла, как случилось, непроизвольно «гавкнула», (подражать домашнему зверью у неё с детства здорово получается). Школяры рты разинули. Она похвалила: «Молодцы. Собачий язык понимаете. Теперь займёмся английским».

...Изучаю Журналы Богучарского земства. Одного Курносова уже встретил. Правда, не купец, а врач, родом из Задонска. Смотришь, и купцы попадутся, близкие Плужнику.

Жаль, фашисты так обрубили архивную память...

Россошь. 17.12.2013

...На днях удалось мне вырваться в Кантемировку. Там, в районной библиотеке, на встрече с читателями были гости из посёлка Марковка соседней Луганской области. Речь шла и о Плужнике. У старого храма поклонился Евгену Павловичу и от Вашего имени.

Россошь, 10.2, 2014

...Вспомнилась почему-то наша встреча на знаменитой теперь печальными событиями улице Грушевского. Я ждал у оконных витрин книжного магазина «Наукова думка». Вы спускались с гор со стороны Кабинета министров. Осеннее солнце уже поднялось над Днепром, пригревало по-летнему. Обрадовались встрече. Сквозь стекло изучили книжные новинки. Тут же нас под вечер ожидал Пинчук в доме Академии наук. Вели интересные беседы.

Кстати, к Юрию Анатольевичу я заходил с Таней каждое утро. При его поддержке она работала в читальном зале с костомаровскими бумагами по составленному путеводителю. О Пинчуке. Когда Таня защищала диссертацию, то её оппонента, профессора МГУ, сразила весть о том, что в Киеве вышли уже две энциклопедии по Костомарову. Она ему их позже показала. Перелистывал и восхищался вслух Пинчуком. «Какой труд! У нас ведь ни об одном историке нет подобных работ». Мне же казалось странным - в Академии наук Украины Юрия Анатольевича, как мне казалось, не замечали. Рядом роскошные кабинеты с приёмными и секретаршами. На табличках – малоизвестные фамилии. Пинчук же ютился с тремя молодыми аспирантами. Ведь мы видели и знали лучшего знатока творческого наследия Костомарова, учёного-трудягу, беззаветно любящего Украину, немало сделавшего в её историографии, добрейшего человека. Он ведь тоже мне говорил, что любит получать от меня письма, «всегда их читаю

и перечитываю, они мне поднимают настроение». Никогда не жаловался, но я как чувствовал, что тучи над ним сгущаются. Так и есть – получаю короткое письмецо: понизили в должности. Затем — сократили вовсе при «оптимизации штатного расписания». Для него это был удар – отлучение от Костомарова. Но подлержали этажом ниже, взяли в институт этнографии. Очень его любили в Чернигове. На 75-летие готовили юбилейный сборник. Меня и Таню попросили написать о нём. Я его поздравил по телефону. Был Юрий Анатольевич радостным, сообщил, что выслал свою новую книгу о Костомарове. Издали в Чернигове друзья. Мне показалось, Пинчук выдержал удары судьбы. Выстоял. А спустя месяц, в декабре, звонок от заплаканной Тани, скорбная весть о его скоропостижной кончине. В недавний приезд к Вам я зашёл в Институт истории Украины, чтобы взять научный сборник со статьёй Тани. Пришлось подождать руководителя отдела. Было время разглядеть стенды в коридоре. Ни фотографии, ни упоминаний о Пинчуке в отчётах об историографических научных достижениях Института не увидел...

Вспомнилось всё к тому, что, наверное, все времена кровавы...

Продолжаем с Таней осваивать военную тему. Открытия неожиданные на каждом шагу. Приплыли в руки документы о моём двоюродном дедушке Семёне Чалом. Погиб молодым при бомбёжке эшелона в Дарнице. Есть даже схема, где находится братская могила, в какой он был похоронен. Так что сложится всё благополучно, в очередной приезд к Вам постараюсь найти, поклониться...

Пятый выпуск «Слобожанской тетради» — «На холмах Ольховатки» — принят читателями с интересом. Нужно готовить выпуск о Плужнике. Нужно ехать к Вам...

Пока же и в «Шевченковских» делах. Даже Нина Павловна готовит выступление на конференцию. Все в семейном подряде.

Россошь. 11.4.2014

...Поездка моя по известным для Вас причинам откладывается и откладывается. А уже соскучился. Нынче даже во сне виделись. Потому сразу с утра сел за письмо.

Людмила Яковлевна, надеюсь, получила моё «смс-письмо» и передала нашу главную семейную новость. С Ниной Павловной теперь четырежды бабушка и дедушка. Таня родила девочку. Всё обошлось благополучно. У нас есть теперь и Маша.

В дни моего воронежского «сидения» сосед в селе меня выручил — заборонил граблями пашню, «закрыл влагу» в почве. А я уже посадил большущую грядку морковки, чтобы всем моим зайчатам хватило. И дождик пошёл...

Успел написать и опубликовать «Шевченковские дни в Россоши». Сейчас вновь в делах давно минувших дней.

Верю, что весна Вам прибавила сил. Особенно радовало: гуси несли нам приветы с берегов Днепра. А я читал Плужника в новых переводах Александра Нестругина.

Вчера над городом летели гуси. Над городом-камнем, в ночи... Глупое сердце, стиснуто грустью – Молчи, смешное, молчи!

Хватит всяких и грёз, и болей... Есть книги – всё знают они. Слышишь, в тополях голых: – Нишкни...

Девонька, грёзы бедой твоей стали! Дума ночная моя! Гуси летели в далёкие дали... А я?

...Только позвонила Нина. Рассказала о новых успехах Маши: сама переворачивается со спинки на бочок, головку пытается держать. Сегодня ей две недели. Растём...

С надеждой на скорую встречу. Ангела-хранителя! Всегда Ваш Пётр.

Россошь. 15.5.2014.

Дорогая Людмила Яковлевна! По телефону связь сейчас неустойчива. В начале мая ко мне пытался дозвониться Леонид Васильевич. Я только услышал его голос. Пытался сам накручивать диск — ничего не получилось. Что он хотел мне сказать?..

Зашёл на почту за конвертом...

Девятого мая такая тяжесть на душу навалилась.

Ночью – горькая весть...

Пишу теперь Вам.

...Заветной мечтой Леонида Васильевича было издание сочинения его самого любимого поэта, да и одного из лиричных поэтов в украинской литературе двадцатого столетия, — Е.П. Плужника в четырёх книгах (лирика, поэмы, пьесы и переводы, письма). Он добился денег на издание, но их «увели». Обидели Леонида Васильевича и тем, что в США на встречу с женой Плужника командировали не его (больше и лучше биографию, творческое наследие Евгена Павловича в Украине ни-

кто не знал), другого человека. А ведь наш друг смог бы о чём нужно расспросить теперь уже покойную Галину Коваленко. А так – я прошёл архивы Петрозаводска, Вологды, Ростова, Таганрога, Воронежа и нигде пока не смог установить имя, девичью фамилию мамы Плужника.

С Леонидом Васильевичем договорились, что я сложу выпуск альманаха «Слобожанская тетрадь», целиком посвящённый Плужнику. План обговорили. Он подсказал, в каких библиотеках Киева можно найти журналы двадцатых годов со статьями критиков о творчестве Плужника. Что я и хочу сделать при первой возможности.

Леонид Васильевич планировал снять фильм о Плужнике. Договорился с коллегами. Подобрал литературу и фотографии. Сложил их в две коробки картонные...

При первой возможности постараюсь навестить Бучу, поклониться могиле Леонида Васильевича...

А сейчас вы поклонитесь за меня...

Россошь, 19.6.2014

Здравствуйте, всегда-всегда здравствуйте, дорогая Людмила Яковлевна!

Сорок дней нет с нами Леонида Васильевича. А душа его на небесах, верю, вспоминает о нас, как и мы о нём.

Является минута, вроде кто подтолкнёт, возьму из папки его письмо наугад, открою сборник стихов. Вот и встретились, поговорили...

Снова вижу поздний октябрьский вечер. За окном шумит ветер в вершине ели. Ведём нескончаемые беседы. Леонид Васильевич то привстанет, то снова ляжет, разгорячённый наплывающими мыслями. Я поправляю ему одеяло, всё кажется, что ему вдруг холодно. Он ворчит, затем улыбается и говорит: «Чего Чалый не мой сын?» Послушно соглашается с тем, что кутаю его...

Вчера, восемнадцатого июня, постарались порадовать душу Леонида Васильевича. Вышел очередной номер газеты «Воронежская неделя» со страницей стихов Плужника. Переложил их с украинского языка на русский Саша, Александр Нестругин. Его стихи Леонид Васильевич называл «справжней поэзией».

Россошь. 11.10.2014

...Спасибо на добром слове, письмо я получил. Не обижайтесь за столь долгое молчание. Мыслями я часто бываю в Буче. Особенно часто вспоминаю прошлогодние октябрьские дни и вечера и моих сердечных собеседников — Леонида Васильевича и Вас. А ещё Евгена Павловича Плужника. Мы столько о нём говорили, что

мне сейчас кажется — его душа витала в книжном доме под старой елью, где хранятся его труды. Если говорить о счастливых мгновениях в моей жизни, то это они и были. За них благодарю Бога.

Пишу, а в памяти выплывает то, иное.

На кухне дождь бьёт в оконные стёкла, там непроглядная темень. А у нас теплынь, гудит уже газовый котёл. Говорю, что, мол, Людмила Яковлевна не доберётся к нам в такую непогодь. Леонид Васильевич останавливает: «Не может быть». Правда — стук с веранды, на пороге в мокром дождевике наша кормилица с корзинкой в руке. Вот и вечеря на столе. Разрешено налить чарочку. Под неё разговоры веселей. Людмила Яковлевна подначивает меня: «Кем считаете себя по национальности?» «Козаком слобожанским». Леонид Васильевич хохочет довольный.

В ноябре я буду в Суздале, где увижу первый снежок, метель. Там подводили итоги литературного Международного славянского фестиваля «Золотой витязь», в жюри какого до болезни был Леонид Васильевич. За поздним ужином рассказываю Николаю Бурляеву о том, что гостевал у Череватенко. В беседу неожиданно вступает сидевшая рядом женщина: «Как там Лёнечка?» Оказалось, народная артистка Украины Раиса Степановна Недашковская — из Киева. «Приеду, позвоню ему обязательно. Хороший человек он».

Людмила Яковлевна, будет возможность и желание — зайдите в осиротевший дом, поклонитесь ему за меня. Под его крышей мне всегда с его хозяином было тепло, уютно и спокойно. Как дома...

Россошь. 30.12.2014

...Заканчивается трудный текущий год. Покинул нас незабвенный Леонид Васильевич. А всё не верится в случившееся. Хочется набрать телефонный номер, услышать знакомый с хрипотцой голос родного человека.

Заполыхала гражданская война в славянском мире. Жухлое время, как писал Шолохов. Потому хочется пожелать мира и спокойствия на долгие годы.

...Авторучка — в руках, мысли — в голове. На клавиатуре «выстучал» с помощью Тани и её мужа Анатолия новую книгу. Отдал её в вёрстку. Ломаю голову — где добыть деньги на издание.

Чередуя свои письмена, уже вижу, что вырисовывается ещё одно «творение».

Написанное частями печатаю в газетах, журналах, на сайтах Интернет-изданий. Что радует, читатели на Руси не перевелись. Пишут письма. Высказывают своё мнение при встречах в разговорах. Знать, не напрасны твои труды, раз человек думает, размышляет, спорит...

Пишу, а за окном метёт метель, сугробы. Давно не приходило новогодье по-зимнему. Вспоминается счастливая пора детства. Санки, лыжи. А бугры у нас, что горы. Окрест открываются дали километров за двадцать. По горизонту паровозики тянут составы в дальние страны, о которых буду читать на тёплой лежанке под светом керосиновой лампы-семилинейки. А за окоёмом — Украина. О ней тоже буду читать книги любимого Гоголя. То со слезами, то со смехом. Мама с отцом тоже просят читать вслух «про Тараса Бульбу».

Мурлычет кот на печке. Поскрипывает мамина прялка. Отец с дратвой и иглой в руке подшивает валенки. Морозы — морозами, а оттепели придут.

Новый Старый год памятен и дорог мне тоже из того далёкого сельского детства. Соседка баба Галя рано утром, ещё затемно, приходила за мной, малышом. Брала на руки, кутала полами своего большого кожуха. И через сугробы, на обжигающем ветру шли по своей улице. Оконные шибки хаты уже высвечивались огоньком каганца. Ломились в дверь. И с порога я щедро сыпал под Божницу пшеницу. Вместе громко распевали:

Сієм, сієм, посіваєм З Новим роком вас вітаєм! Щоб вам весело жилося, щоб задуманє збулося, щоб нічого не боліло, щоб у праці все горіло та й в кишені шелестіло! Щоб, як квіти, вы цвіли Та сто років прожили!

Кажется, всё это было во сне....

стивее к нам будет Новый год!

Кланяйтесь Буче. Помяните Леонида Васильевича. Мира, добра, счастья нашему славянскому миру! Пусть мило-

Родниковый «ругей души моей»

Вфеврале 1873 года в фамильном имении Хрущёво, близ древнего Ельца, ныне это Липецкая область, родился русский писатель Михаил Михайлович Пришвин.

В канун собственного семидесятилетия Михаил Михайлович Пришвин подарил читателю «Фацелию» – поэму своеобычных

притч в прозе. В одном из рассказов-капелек с мудрым прищуром улыбчиво заметил: «...ручей души моей всё ещё жив».

Когда в литературном календаре близилось девяностолетие писателя, его младший мастеровитый собрат Александр Яшин написал в рассказе «Солнечная кладовая»: «Не одно человеческое поколение ещё будет благодарно припадать к этой драгоценной живой воде, утолять ею свою духовную жажду, вспоминая добром великого жизнелюбца».

О верных предсказаниях обычно молвится затёртыми от частого употребления в обиходе, но точными словами: как в воду глядел.

Идут годы, а серьёзный читательский интерес к книгам Пришвина не только по-прежнему устойчив, он возрос. Лишний раз, а для нас он после оказывается вовсе не лишним, заставляют обратиться к Пришвину, к его жизни, изданные в Москве книги «Наш дом» и «Круг жизни». Написаны они Валерией Дмитриевной Пришвиной, женой писателя. Можно даже сказать: написаны книги совместно с Михаилом Михайловичем Пришвиным, поскольку значительную часть повествования составляют дневниковые записи самого писателя, да и сам настрой книг душевно близок пришвинскому.

Попытался в районной библиотеке разыскать книги В.Д. Пришвиной, мне ответили:

– На руках. Как возвратят, известим.

Впрочем, и в самой что ни на есть российской глубинке самого Михаила Михайловича в лицо помнят не только по фотографиям, по известному рисунку Георгия Семёновича Верейского: открытый залысиной крутой купол лба, венком осеняющие лицо густые волосы, стриженная клинышком бородка интеллигента девятнадцатого столетия, из-под курчавых бровей, сквозь стеклянные кружки очков сосредоточенно смотрят умудрённые опытом долгой жизни спокойные глаза. Глядят на тебя и куда-то вдаль...

Встречаю знакомого на улице нашего городка. Человека уже в преклонных летах, книгочея. Разговорились, конечно, о книгах: что прочитал? встретились ли на книжных листах свежие, незаёмные слова, мысли? Сказал ему о недавно изданных дневниках Пришвина, хранившихся в писательском архиве. А мой собеседник, это был поэт Михаил Фёдорович Тимошечкин, завершивший недавно свой земной путь, тут же вдруг припомнил, как в студенческие годы (учился в Москве) попал на слёт молодых писателей, проводившийся в марте 1951 года в столице.

 Зал набит битком, не протиснешься. Стоим в коридоре, задрав головы к динамику, слушаем выступающих. Предоставляется слово Пришвину. В зале, по коридорам все разом притихли: будет говорить известный «поэт в прозе», по тому времени для нас — преклонного возраста. «Приветствую вас, молодые товарищи!» — сказал обычные для начала слова. А продолжение речи было нежданным: «Поздравляю вас — грачи прилетели!» Мгновение непонятливо молчали, а затем, как обрадованные дети, разом захлопали все, загудели. Дошёл смысл сказанного: ведь это он о нашей молодости говорит, о весне жизни.

Мой собеседник стоял, будто вглядываясь мыслями в своё сокровенное, уже отдалённое годами.

– А ведь, знаешь, из других выступлений мало что запало так накрепко в душу. Мудрый был писатель...

Почему был? Как раз перед этим случайным разговором в «Незабудках» я читал записи Пришвина, среди которых была и эта, написанная им той тяжёлой поздней осенью 1941 года: «Утром в полумраке я увидел на столе в порядке уложенные любимые книги, и стало мне хорошо на душе. Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс — и всё взорвано, страна пуста, как во время татар или в «Слове о полку Игореве». Но вот оно, Слово, лежит, и я знаю, по Слову этому всё встанет, заживёт. Я так давно занят был словом и так недавно понял это вполне ясно: не чугуном, а словом всё делается».

О́ настоящем писателе нельзя сказать был, ведь повторяем его слово, вдумываемся в его мысли — выходит, он с нами.

Мысль Пришвина! Как её понимает и принимает читатель?

В военные годы в Берендеевой глуши Михаила Михайловича отыскало фронтовое письмо. Боец В. Борахвостов рассказывал, что в отбитом у фашистов селенье в книжных развалах он встретил книгу неизвестного ему писателя Пришвина — роман «Кощеева цепь». Прочитал её в одну ночь, запойно, шагая вслед за степным пожаром, не обращая внимания на разрывы снарядов и мин. Солдат просил прислать продолжение книги.

Год, знаменующий иную, космическую эпоху. Герман Титов читал сборник Пришвина перед полётом в космос. Говоря о глобальных проблемах земной цивилизации, имя писателя называют ныне рядом с именами наших крупнейших учёных, таких как Циолковский и Вернадский, Ухтомский и Чижевский. Появляются исследования по неожиданной вроде бы теме: «Космос Михаила Пришвина». В них утверждается прозорливость пришвинской мысли о том, что «русский народ... выйдет на широкий путь борьбы всего человечества за его первенство в природе», что «моя родная страна скажет новое слово и укажет путь всему миру».

Географическое общество в знак особой признательности заслуг писателя, посвятившего свои лучшие книги рассказу о нашей Родине, назвало именем Пришвина горный пик на Кавказе, озеро и мыс на Курильских островах.

Даже этот разнородный ряд фактов заставляет задуматься: почему же порой бытует весьма упрощённый взгляд на творчество Пришвина? Вроде того, какой «высвечен» вроде в шутливой эпиграмме Юрия Олеши — «один прозаик писал про заек». Надолго заказывал читателю так думать влепленный литературными критиками ярлык «бесчеловечного писателя». Рапповцы, «неистовые ревнители», наотмашь секли за «отрыв от современности». Поучали того, кто после первых лет революции пришёл в Госплан и «предложил себя в сотрудники как исследователь жизни».

Поэтому и случилось так. «Этого человека некоторые знают по его книгам, другие — понаслышке: был такой писатель Михаил Михайлович Пришвин, писал он больше о природе. Поэтому и называют его часто «певец природы». Казалось бы, всё о нём ясно: певец природы, а на деле до ясности ещё очень далеко», — читаем на первой странице «Нашего дома».

Действительно, так и есть. С младенческих лет в нашу жизнь с именем Пришвина вошли и золотой луг, и тот ёжик, таскавший на своих колючках яблоки, и вечные дедушкины валенки, и юркие гаечки-синички. Увидеть в окружающей обыденности удивительное приучают нас ставшие хрестоматийными в детском чтении книги писателя от его первой вещи «В краю непуганых птиц», вышедшей ещё в 1907 году, до последней «Корабельной чащи», написанной перед кончиной в 1953 году.

«Моя страна» — так называется один из прижизненных сборников прозы Пришвина. Ёмкое название, вобравшее в себя значительную часть из созданного писателем за годы долгой и прекрасной жизни. Уроженец среднерусской полосы (чернозёмное сельцо Хрущёво близ города Ельца), он сказал своё слово и о малой родине, и о русском севере, и о Средней Азии, и о Дальнем Востоке. Причём, в каждой книге так или иначе идёт разговор о взаимоотношениях человека и природы. «Пришвин сказал нам здесь, — подчеркивает автор «Нашего дома», — своё слово, насущнейшее для нашей современности. Оно не о борьбе с природой, не о подчинении ей, оно о дружбе, а, следовательно, о всенародной охране её. Припомним широко известную мысль Пришвина: «Охранять природу — значит, охранять Родину».

Проповедуя заветную идею об охране, по нынешним понятиям, окружающей среды, писатель не мог не спорить со знаменитым в своё время мичуринским положением о том, что нельзя

ждать милостей от природы, взять их у неё — наша задача. Скорее всего, сам учёный Иван Владимирович Мичурин не предполагал, что прямо в ближайшее время человек сможет с грабительским замахом двинуться опустошительным набегом за богатством Земли, ставя её, а значит и себя, под смертельную угрозу. Пришвин предчувствовал это, возражал: «В природе нет милости к человеку: нечего ждать от неё милости. Человек должен бороться с ней и быть милостивым, и охранять природу, раз он является её царём-победителем».

Писатель вынашивал самобытнейшие раздумья о единстве человека и природы, ложащиеся в русло современной мировой философии, опровергающей надуманное разделение природы и человека в их вечном противоборстве. Раз человек высшее явление природы, её венец, то он вместе с ней прошёл бесконечным путем развития живой материи. Разделение наступило, когда благодаря труду человек выделился из природы и стал противопоставлять себя ей. Но это разделение не стало отчуждением, поскольку жизнь ещё теснее связывает человека с окружающей средой. Получается по присловью: чем больше берёшь, тем больше должен. «Так миллионы лет тому назад нами были утрачены крылья, такие же прекрасные, как у чаек, и оттого, что это было очень давно, мы ими теперь так сильно любуемся.

Мы потеряли способность плавать, как рыба, и качаться на черенке, прикреплённом к могучему стволу дерева, и носиться из края в край семенными летучками, и всё это нам нравится, потому что это всё наше, только было очень, очень давно».

Начисто отделиться от природы, жить с потребностью только «взять» означает своей же рукой рубить собственный корень. Об этом вот уже кои десятилетия упреждающе тревожно гудит писательский колокол Михаила Пришвина. Промышленность «должна охранять и преображать природу на земле, а не разорять». Сказано это в «Журавлиной родине» ещё в 1929 году. Сказано задолго до экологических лозунгов, начертанных научно-технической революцией уже в наши дни, когда человеку отступать порой некуда. Когда выглянь в окно своего дома, поймёшь без объяснений: природа принимает «власть» человека, если он пользуется ею разумно, учитывая законы жизни самой природы.

И как сегодня записано на страницах писательского дневника: «Вот говорили, что власть земли, а, оказывается, нет у земли власти и нет никакой, — если бы её-то власть, можно бы разве допустить такое бесчинство над собой, такое издевательство!»

Кстати, этими сокровенными пришвинскими мыслями о сотворчестве человека и природы проникнуты известные книги

наших современников — «Русский лес» Леонида Леонова, «Лад» Василия Белова, «Прощание с Матёрой» Валентина Распутина, книги Владимира Чивилихина, Фёдора Абрамова и их товарищей по писательскому цеху.

«Тот маленький дом, в котором мы рождаемся, разрушается со временем, как и гнездо у птиц: птицы вылетают на большой простор, предоставляя гнездо дождям и бурям, а человек должен непременно достигнуть такого простора, чтобы тело своё почувствовать вместе со всей землёй, её воздухом, светом, водой, огнём и всем населением, как свой собственный дом».

Вчитаемся, вдумаемся в эти строки писателя, ставшие эпиграфом к книге «Наш дом» Валерии Дмитриевны Пришвиной. Согласитесь, ведь они в корне изменяют привычно устоявшееся мнение о том, что главное в творчестве писателя — песнь природе. Главное в его книгах всё-таки песнь человеческой жизни на земле, песнь природе человека.

Вот теперь с этих позиций раскроем романы «Кощеева цепь», «Осударева дорога», книги-дневники «Лесная капель», «Глаза земли», «Календарь природы», «Незабудки», «Мирская чаша». И, пожалуй, утвердимся в одной мысли, что самое сущее в книгах писателя — «душа человека в её сокровеннейших переживаниях» (Валерия Пришвина).

Писатель предстаёт перед нами не просто как вдохновенный художник, но и как философ, учёный. Причём, выступает в ряду классиков XX века, достойно наследуя и продолжая лучшие традиции всей предшествующей русской литературы. Это и даёт право литературоведам сегодня заключать: Михаил Михайлович Пришвин сделал значительный шаг вперёд в художественном осмыслении глубокого и всеобъемлющего воздействия природы на духовный мир человека. В своих книгах он художественно утвердил мысль о том, что соприкосновение с природой рождает в человеке думы о тайнах и красоте, величии и гармонии мироздания, о смысле жизни и назначении человека. Пришвин учит нас через понимание природы уважать в себе человеческое и побеждать скверное.

Надо было быть Максимом Горьким, чтобы вопреки мнению тогдашней критики прозорливо сказать в письме писателю: «Вы делаете огромнейшее дело, которое не скоро будет понято и почувствовано».

Надо быть Михаилом Александровичем Шолоховым, чтобы ещё в 1933 году писать актрисе Московского Камерного театра Марии Ивановне Гринёвой: «...про такого чудеснейшего писателя, как Пришвин, забыли? Кстати, читали Вы его «Корень жизни»?

Если нет — очень советую: прочтите. Непременно прочтите! Такая светлая, мудрая, старческая прозрачность, как вода в роднике. Я недавно прочитал и до нынешнего дня на сердце тепло.

Хорошему слову радуешься ведь, как хорошему человеку».

К такому пониманию книг писателя подводит нас и В.Д. Пришвина, помогая по-настоящему почувствовать его поэтическую прозу.

Знакомясь с тем, как Пришвин писал свои книги, как он жил, как его книги приходили и приходят к читателю (об этом обстоятельно рассказано в «Нашем доме»), вольно или невольно обращаешься к одной мысли: писателю был необходим человек, ему одному целиком посвятивший свою судьбу. И таким нужным человеком стала Валерия Дмитриевна. Это она издавала собрание сочинений Пришвина, из дневниковых записей составила «Незабудки», подготовила к печати немало новых книг писателя и написала о его жизни. Это она приложила все силы для того, чтобы в подмосковном сельце Дунино, где последние годы жил и работал писатель, действовал литературный мемориальный дом-музей М.М. Пришвина. До самого своего последнего земного часа многое сделала В.Д. Пришвина для того, чтобы ближе и родней читателю стали книги большого писателя, чтобы радостнее были наши встречи с ними. Будем ей за это памятно благодарны.

Век девятнадцатый и век двадцатый соединять выпало на долю поколения Михаила Михайловича Пришвина. Он был сыном своего времени. Перелистаем страницы его биографии. Родился в купеческой семье. Стал агрономом, получив богатые знания в области естественных и философских наук. Участие в марксистском студенческом движении, тюрьма и ссылка за революционную пропаганду. Затем наступило разочарование в марксизме-ленинизме. То был путь не для глубоко верующего православного человека, каким оставался в душе Пришвин. Прозрение пришло в земледельческой работе. Она приблизила Пришвина к народной жизни. Помогла ему найти единственного учителя, «которому обязана своей силой, глубиной и задушевностью русская литература. Этот учитель — русский народ».

Писательская судьба Пришвина связана с путешествиями по родной стране, начиная с первого — на север России, когда языковеды-этнографы уговорили тянущегося к словесности агронома отправиться в экспедицию собирать народные сказания, поверья, песни, пословицы и поговорки. Из этой поездки Пришвин вынес первую книгу, какая сразу сделала его имя известным в писательском ряду, с которой он и начал долгое и верное служение литературе. Питала его, как каждого настоящего поэта, родная земля, по российским просторам которой он немало кочевал. В

Чехословакии ещё при жизни писателя тонко уловили существо души художника, назвав его «очарованным странником».

В путешествиях он собирал фактический материал для своих книг. Вживался в него не с той конечной целью, чтобы просветить нас, какое дерево растет на дальневосточной сопке. От первой до последней строки его помыслы были об одном — о коренных вопросах человеческого бытия. Человек и Земля — это главенствующее звено в пришвинском наследии, за ним тянутся другие: человек и Родина, личность и народ, человек и природа. А такими проблемами жила и живёт как наша, русская литература, так и мировая. Пришвин решал их самобытным путём: определял устои нравственности человеческой жизни через себя, как поэт большой лирической силы исследовал внутренний мир своей души.

Он был провидцем: «Как страшно это наше близкое будущее, как при расчёте жизни поднимают и ходят какие-то чёрные волны, и в них виднеется мой утопающий челнок, а рассудишь умом — всё хорошо идёт для будущего России, будет она жить хорошо непре-

менно, оправится, никакая сила с нею не справится...»

Он, как никто, понимал значимость своей работы. Потому в глубокой старости с чистой совестью и лёгким сердцем заносил в дневник эти раздумья: «Семена мои всхожие, и цветочки из них вырастают с золотыми солнышками в голубых лепестках, те самые, что люди называют незабудками».

На могиле Михаила Михайловича Пришвина расправляет крылья изваянная руками Сергея Тимофеевича Конёнкова каменная Птица Сирин, почитавшаяся в древней русской мифологии как птица счастья.

 Когда я думал о памятнике поэту природы, – писал скульптор в книге «Мой век», – то ясно представлял себе: ведь каждая строчка Пришвина вечно будет дарить людям счастье.

Жарьковганин из моей Россоши

Когда готовилась к изданию «Воронежская историко-культурная энциклопедия», её главный редактор Ласунский попросил разыскать биографические сведения об уроженце Россоши, писателе Борисе Дмитриевиче Силаеве.

– Живёт он сейчас в Харькове, – уточнил Олег Григорьевич, – но вдруг у вас есть его родня.

Попытался поискать Силаевых в нашем городке, таковых не нашлось. А тут выпала по осени дорога в Киев. Зашёл в Союз писателей Украины. В бухгалтерии словоохотливая женщина рассказала, что Борис Дмитриевич — «самый харьковский, как писатель». Он же возглавлял «тамошнюю» писательскую организацию. «Хороший как человек. В горбачёвскую катавасию свалил его инсульт. Маялся, наверное, два десятка лет. Недавно, по весне, он умер».

Собеседница разыскала учётную карточку и назвала дату кончины — «восьмого апреля». Шёл 2005-й год. А ещё она вручила мне два биографических писательских справочника на украинской «мове» и усадила за свободный стол. Из них я и складывал краткое «житие», как оказалось в действительности, земляка.

Силаев «народывся» 14 июня 1929 года на железнодорожной станции Россошь Воронежской области в семье военного инженера-мостостроителя. Родился он под переклик паровозных гудков и перестук вагонных колёс. Больничный краснокирпичный дом в ту пору находился на привокзальной площади, в шаге от рельсовых путей. И рос малыш в дороге. По службе отцу часто приходилось менять место жительства. Возможно, Борис Дмитриевич вспомнит о своих детских летах, когда в зрелом возрасте услышит сразу ставший массово модным напев: «Мой адрес не дом и не улица! Мой адрес — Советский Союз!»

Тут я прервал свои записи, удивившись неожиданному стечению обстоятельств. Накануне гостили с дочерью у проживавшего в Киеве писателя-земляка Карпова. Евгению Васильевичу, фронтовику и ещё крепкому седобородому мудрецу, исполнилось 86 лет, за что мы и подняли в застолье по чарочке. Над его письменным столом висела акварель — речной разлив у железнодорожного моста через Чёрную Калитву.

 «Оконце» в родную Россошь, – пояснил, перекрестившись, Карпов. – А рисовал его мой друг детства Володя Цимбалист. Царство ему небесное и вечная память! С ним мы росли на нашей речке...

Володю я знал как Владимира Георгиевича, преподавателя художественного отделения в городской школе искусств. Его картинами любовались на выставках.

Моя дочь Таня подарила дедушке Евгению Васильевичу свою первую книжечку «Во глубине славянских руд». А обрадованный нежданной встрече, гостям и вестям из милой малой родины, земляк вручил ей «на счастье» только распечатанную на компьютерном принтере рукопись новой книги «Всё было, как было». Спустя два года, я получу от Карпова бандероль. В пакет вложены номера литературного журнала «Южная звезда» с его записками-воспоминаниями. На Ставрополье, где издавался журнал, Евгений Васильевич возглавлял до переезда к дочери в Киев краевую писательскую организацию. А открывалась повесть, как и

подаренная рукопись, главой, в какой рассказывалось о строительстве в 1929 году нового моста у Россоши по Юго-Восточной железной дороге. Вот как оно запомнилось десятилетнему мальчишке:

«Как-то я проснулся очень рано — солнце ещё только-только поднималось. Вышел на крыльцо.

Что такое?!

На насыпи другого берега было очень много людей. Они стояли в два ряда и держались за канаты, привязанные к мостовой ферме. Я понял, что сейчас они будут её передвигать.

Это всё равно, подумалось мне, что землю, что небо сдвинуть!

Забрался я на насыпь и замер, изготовился к чуду.

Строители курили, тихонько переговаривались. Совсем тихонько. Мне показалось, что они тоже готовились к чуду.

Немного в сторонке стоял инженер в светло-сером костюме. Он немного важничал, отдавая какие-то распоряжения толстому усатому десятнику.

Стал десятник между рядами строителей – большой, важный, важнее самого инженера, важнее всех.

Поднял руку.

Совсем всё затихло такой тишиной, какой больше я уже никогда не слышал.

– Запе-евай! – грозно скомандовал, будто в бой идти приказал десятник. Ещё тише, ещё невозможней стало.

Чернобородый, без рубахи, словно к схватке приготовился мужчина, широко перекрестился, глядя в небо, и как бы снизу, поднимаясь высоко вверх, запел сильным, звонким басом:

Много песен слыхал я в родной стороне, И про горе и радость в них пели...

Я не мог дышать от волнения.

Тихонько, как бы робко нащупывая мелодию и ещё что-то, стали входить в песню строители и потом грянули:

Эх, дубинушка, ухнем, Эх, зелёная, сама пойдёт! Подёрнем, подёрнем! Да у-у-ух-нем!

В такт песне строители подёргивали канат, и стальная махина двинулась. В такт рывкам, будто шагала.

Ещё немного, ещё немного!.. Ещё самую малость!.. И вот она, как бы вздрогнув, остановилась, соединив собою два берега Чёрной Калитвы.

Но почему чёрной?! Ведь она такая же голубая, как небо! Я поднялся и смотрел на людей в рубашках и без рубашек, в лаптях и сапогах. боролатых и бритых.

Богатыри».

«Инженер в светлом костюме», скорее всего, Дмитрий Силаев. Так негаданно открылась «россошанская страничка» из жизни отца, которую не знал и сын, в ту пору «угукавший» в колыске.

Пусть читатель и далее прощает меня за столь пространные цитаты. Во-первых, подбираю их из книг, какие редко кому попадут в руки. Во-вторых, текст даёт «почувствовать» мастерство писателя.

Семья, видимо, с возрастом отца «бросила якорь», оседло обосновалась в Харькове. Город станет для Силаевых навсегда родным. В годы войны на время эвакуировались в Восточную Си-

бирь и вновь вернулись в Харьков.

Переживший фашистское нашествие, жестокие бои, освобождённый город лежал сплошь в руинах. «Война ещё цепко держалась в сумрачных коробках сожжённых домов и противотанковых ежах, полувросших в землю на перекрёстках». Потому герой романа Бориса Силаева «Время расставаний — время надежд», как и сам автор, пойдёт учиться на архитектурное отделение в строительный техникум. А по его окончании будет работать техником-архитектором.

В годы учёбы преподаватель литературы на занятиях хвалила и зачитывала сочинения старательного студента. Тем и вывела его на писательскую тропу. Днём строитель вместе с товарищами на пепелищах возрождал-воскрешал утраченный облик города. В ночной час раскрывал заветную тетрадь и старался в слове запечатлеть тех, кто трудился рядом с ним. Заново построенные дома красовались уличными рядами. Из рассказов и повестей сложились первые книги: «Начало юности», «Огненный поезд», «Человеку нужны звёзды», «Город». В них легко узнаваемы жители послевоенной Холодной горы — крупного микрорайона, откуда есть пошёл Харьков. Он стал родным для жившего здесь архитектора-строителя и будущего писателя.

В 1957 году молодого прозаика принимают в Союз писателей СССР. В 1960-х его направляют учиться в Москву на Высшие курсы сценаристов и режиссёров.

Писательство стало главным делом в жизни Силаева.

В Союзе писателей Украины выписав в блокнот названия книг Бориса Дмитриевича, фильмов, снятых по его сценариям, я с признательностью вернул справочники. Добрая киевлянка, хозяйка

кабинета, на прощание посоветовала связаться с литературным музеем в Харькове. «Там и книги найдёте, и о нём подробнее расскажут».

Поиски пришлось отложить, заканчивался мой отпуск. У газетной наковальни иные заботы. Вдруг — телефонный звонок. «Вы корреспондент воронежской областной газеты «Коммуна»? Не могли бы мне помочь. Ищу подружку школьных лет. За одной партой сидели. Она вроде бы в соседнем районе живёт». «А что ей сказать о вас?» «Галина Алексеевна Заиченко. Это моя девичья фамилия. Замужняя — Обревко. Живу в Харькове. Сейчас часто бываю у мамы в Россоши». Одноклассница нашлась. А Галину Алексеевну попросил разузнать о Силаеве. Вскоре получил от неё письмо.

«Я переговорила по телефону с женой Бориса Дмитриевича и спешу передать Вам всё то, что мне удалось выяснить. Лидия Михайловна — приятная в разговоре женщина. Они с мужем прожили в совместном браке 49 лет. Познакомились, когда оба учились в техникуме гражданского строительства. Вырастили дочь, есть

внучка, правнук.

Отец Силаева был военным инженером. Проектировал мосты. Контролировал исполнение строительных работ. Для этого его командировали в Россошь, где какое-то время жил со своей семьей. Тогда-то и родился у них сын. Мать Бориса Дмитриевича родом из Саратова. Россошанских корней тоже не имела. Вырастили четверых детей.

По словам жены, о Россоши писатель не вспоминал. Родственников там не имел, никогда туда не возвращался. В его биографии наш городок остался строкой, означавшей место рождения. Год, другой они прожили в Россоши, Лидия Михайловна не знала.

В литературном музее я познакомилась с другом Бориса Дмитриевича — поэтом Анатолием Антоновичем Перерва (не знаю, склоняется ли его фамилия). Он рассказал, что Силаев семь лет, до 1986 года, возглавлял Харьковскую писательскую организацию. Один из известных прозаиков на Украине, пишущих на русском языке. Делегат писательских съездов в Киеве и Москве. Да, в молодости играл в волейбольной сборной харьковской команды общества «Труд». Любил и много путешествовал по стране.

Его вроде бы и крепкое здоровье подорвали события, связанные с распадом Советского Союза. Тяжёлая болезнь постепенно приковала к постели.

В музее есть посвящённая Силаеву выставка: книги, фотографии. Друг Анатолий Антонович искренне обрадовался тому, что в Россоши знают о Борисе Дмитриевиче. Передал в городской читальный зал библиотечку книг Силаева.

Так и я открыла для себя интересного писателя. Сейчас читаю и перечитываю сборники его рассказов, повести и романы. Да и все в семье забросили привычное сидение у телевизора, вдруг пристрастились к книгам Бориса Дмитриевича.

Моё мнение: в нашем городке родился известный человек. И не столь уж важно, где прошла его жизнь. Главное, она была достойной. Потому нам нужно гордиться им как земляком.

С уважением, Галина Алексеевна».

Перелистываю и я книги из Харькова — гостинец читателям главной библиотеки Россоши.

«Волчья яма» издавалась дважды. В руки писателя, видимо, «приплыли» документы, воспоминания о борьбе чекистов и милиции с бандитами и ворьём в городе и уездах губернии в пору становления нового социалистического государства. Впрочем, «власть воров в законе», их «ликвидацию» видел и сам Борис Дмитриевич в послевоенные годы. Потому прошлое достоверно оживало на книжных страницах, увлекало читателя, вызывало уважение к человеку с малиновыми петлицами на вороте милицейской шинели, кто пресекал грабежи и убийства, не жалел себя, насмерть сражался со злом. Вытаскивал беспризорную ребятню из жульнической трясины и перевоспитывал её. Повесть легла в основу художественного фильма «Три гильзы от английского карабина». Её герои уже с киноэкрана шагнули к зрителю.

В 1970-е Силаев — частый гость на знаменитых заводах Харькова, в трудовых коллективах «танкограда» — завода имени Малышева, турбинного. Встречи в цехах, беседы на дому с «рабочим классом» легли в основу документальных книг «Древо жизни», «Иди к людям», «Круг света». Насколько ответственно брался Борис Дмитриевич за работу в ином жанре, говорится во вступлении в повесть «Круг света», посвящённой Николаю Корнеевичу Саулову, Герою Социалистического Труда, бригадиру предприятия, на котором ему и его ребятам выпало «выпечь» уникальную атомную «тихоходную» турбину нового образца для Нововоронежской атомной электрической станции. Чтобы построить такую принципиально особую машину, потребовалась новая технология, современные материалы и оборудование. Легированную сталь дал Ижорский металлургический завод, поковки и всё остальное — Ленинград, Ульяновск, Краматорск...

«Пожалуй, ничего нет ответственнее в нашей литературной работе, чем, соблюдая документальность и достоверность факта, рассказать о судьбе реального человека. Вот он, твой герой, сидит перед тобой, хмурится или улыбается, спорит, что-то доказывает, в каждом его движении, жесте, быстро брошенном взгля-

де такие неподдельные, сложные и разные чувства, что невольно отодвигаешь чистый лист, сознавая всё своё бессилие, всю невозможность передать это словами.

Он часто приходил ко мне, мы много и о многом говорили, и больше всего поражало, как обычная суета будней, их грубоватая материальность, будто изнутри высвечивались у него какой-то особой мыслью, отчего даже самые приземлённые вещи вдруг оборачивались своей иной, высокой и масштабной стороной».

Ёго не придуманный в воображении художника слова герой — из детей войны. «Чтобы ни делал, он всегда помнит, что его жизнь могла оборваться в самом детстве. Это было тогда естественнее, чем выжить. Дипломаты и генералы фашистской Германии сделали всё, что смогли, чтобы выполнить свой дьявольский план. Не их вина, что это им не удалось».

И далее... «В сорок лет имея внуков, с проседью в уже поредевших волосах, он никогда не устаёт радоваться проявлениям жизни — будь то посаженное под окном дерево, чисто вымытый пол, хлеб, ломтями нарезанный на гладко выструганной доске... Но его особенная любовь и привязанность, без которой не сложилась бы его судьба... — работа, дающая этой судьбе и смысл, и глубину. И так же точно — органическая неприязнь к громким словам. В отношении к работе он видит меру ответственности перед Родиной, в сводке цифр, в процентах выполненных норм — оценку нравственных качеств человека».

Таков Саулов сам, насколько требователен к себе — настолько требователен к товарищам по труду в бригаде, в инженерном и управленческом корпусе. Его поколение закалялось, как сталь. Родом Николай Корнеевич был из смоленской деревни Овсянники. «Детство оборвалось неестественно рано — в одиннадцать лет, в первые недели войны. Всё, что было потом, отсчитывалось уже иной меркой. За чертой, которую подвела под детством война, не было ни отрочества, ни юности — сразу жизнь взрослого человека».

«А в феврале сорок второго года начались карательные экспедиции.

Эсэсовцы пришли в деревню под утро, мирно и спокойно разбрелись по избам, отоспались и только днём начали сгонять мужчин на площадь, где навалом лежали лопаты. Мужчины, всё больше старики и подростки, собирались неохотно, словно предчувствуя что-то нехорошее, хотя их всего-то лишь повели за околицу расчищать от снега дорогу.

Отец Николая на площадь не пошёл, его крутила язвенная болезнь. Эсэсовцы приехали сами — три лыжника в белых маскха-

латах подкатили к избе.

 Сауло-о-оф! – строго крикнул один из них и концом бамбуковой палки постучал по стеклу.

Отец появился на крыльце без шапки, в распоясанной рубахе. Анастасия Григорьевна выбежала за ним, кинулась к этим белым людям под ноги:

– Больной он... Падает от слабости. Пожалейте его... Больной он!

Они спихнули Корнея Ивановича с крыльца и, покалывая палками, погнали по дороге. Раздетый Колька рванулся за матерью, упал, поднялся. Эсэсовец повернулся, повёл чёрным автоматом и громко закричал, скривив сизое, прихваченное морозом лицо:

– Госпита-а-аль! Лечиться! Госпита-а-аль!

Отец обернулся и молча из-за спин лыжников посмотрел на жену и сына, и такая была в том взгляде тоска, что Анастасия Григорьевна бухнулась в снег, рвала на себе волосы и голосила как по покойнику.

Вечером село ушло в темноту, немцы выставили пикеты, строго-настрого запретив жителям выходить из домов. Мороз поджимал, луна висела, налитая тёмно-красным цветом, точно кислая вишня на чёрном сукне. В спокойное время, посмотрев в такое небо, люди говорят друг другу: «Луна кровавая... Видать, к морозу...» А тогда, слушая тишину, в которой только чуть потрескивал фитиль керосиновой лампы, глядя в оттаявшее под дыханием оконное стекло, Колька испытывал перед этим недрёмно следящим за ним багровым кругом какой-то гнетущий ужас. На улице в темноте изредка бухали выстрелы. Кто-то пробежал, громко хрустя снегом и тяжело дыша. Потом где-то там. на околице, стал медленно разгораться огонь. Хлопнула дверь. В комнату ворвалась соседка, споткнулась, рухнула на пол и, уже не поднимаясь, тихо завыла. Анастасия Григорьевна бросилась к соседке, но та, с силой отбиваясь от неё, выкрикивала сквозь рыдания:

- Это ж наши... Наши мужики горят! За связь с партизанами... Живьём их пал-я-ят...
- Да не может того быть... Люди они всё-таки... Не звери, пробормотала мать и вдруг тихо заплакала, прижав к себе Кольку. Зарево горело всю ночь.

Утром эсэсовцы пошли по улицам с факелами в руках. Анастасия Григорьевна наспех укутала в одежды Кольку, на себя набросила шубу, затянула на груди концы вязаного платка... Вот уже они, те, что с факелами, о чём-то разговаривая, остановились возле дома, и один, размахнувшись, швырнул на соломенную крышу горящий пук пакли.

Матка, шнель нах плацен! Колонен марширен! Марширен!
 Изба горела с гулом и бесцветным огнём. Крыша словно потекла — на снег побежали с неё светло-жёлтые ручьи и она ухнула, упала внутрь стен, последний раз пахнув густым дымом. Нежно, беззащитно звякнули остатки стёкол.

На сельской площади уже с воем и плачем колыхалась толпа женщин и детей. Рвались с поводков обезумевшие от ярости овчарки, разбрызгивая в стороны ошметья снега, проносились мотоциклисты. По обочине дороги скользили лыжники в белых комбинезонах. Ветер нёс чёрную сажу. Огненными стогами пылали избы.

– Марширен... Шне-е-ель! Марш!

И медленно, длинной всхлипывающей процессией, потянулись люди из своей огненной деревни навстречу белесому горизонту, туда, где земля и небо соединялись без перехода, отчего это холодное пространство было особенно пугающим, бесконечным.

На самом краю села, среди истоптанных сугробов, лежало чёрное пятно сгоревшего амбара. Всё, что от него осталось, — несколько обугленных жердей да брёвен, откатившихся в сторону. От этого тёмного, почти ровного холма до сих пор веяло скрытым жаром, ветер там и тут раздувал ещё живые глаза закатившихся под головни красных углей...

Отца своего Николай Саулов больше никогда не видел, не осталось даже маленькой фотографии. Держась за руку матери, утопая по колени в снегу, плача от испуга, под овчарочий лай и отрывистые команды на чужом языке, он уходил из родных мест, от своего дома, чтобы уже больше сюда не вернуться...»

Смерть настигала идущих. На глазах мальчишки истает как свечка, погибнет мама. В селе Заболотье под Оршей сердобольная крестьянка бабушка Маруся заберёт недужного хлопчика из колонны, по сути, в шаге от могилы. Выходит, подлечит его, в мае сорок пятого передаст старшей сестре Кольки.

Окончит он ремесленное училище. Придёт на завод.

В полувосстановленных от недавних вражеских бомбёжек цехах грели руки над костром и становились к станку. Спали тут же в ворохах пакли. Вновь поднимались и работали, не считая часов. В середине 1946 года изготовили паровую турбину для тепловой электростанции Донбасса. Чтобы она вращалась и давала электричество, нужно было сжигать в сутки 70 вагонов угля.

Долгая, нелёгкая дорога пролегла между этими двумя турбинами — «угольной» и «атомной». Парни поднимали из развалин город и завод, обретали специальность и становились классными мастерами, ютились в комнатушках общежитий и углах. Женились, получали квартиры. Растили детей, которые уже к ним приходили на смену, принимая крепкую закалку в испытаниях иного времени.

Из Харькова в Нововоронеж турбину отправили железнодорожным составом невероятной длины.

Автор книги был кровной роднёй своим героям. За наградами и почестями не гнался. Когда на заседании правления Союза писателей Украины его председатель Павло Загребельный предложил повесть Силаева отметить Шевченковской литературной премией, Борис Дмитриевич отказался. Видимо, скромно посчитал, что у его собратьев по перу написаны книги значимей. Хотя, конечно, Силаев понимал, что новая работа «трудов премногих тяжелей». Ведь на её страницах так писал об увлечении читателей документалистикой: «Люди как бы заново открыли силу документа, поняли, что самая буйная фантазия иногда бледнеет перед подлинностью факта. Его простая и невыдуманная правда обжигает, как неполдельный огонь».

Кстати, звание лауреата очень бы пригодилось Силаевым позже, в девяностых годах, в ставшей «незалежной» Украине. Известному писателю, инвалиду первой группы положили копеечную пенсию, оставили его без заслуженных льгот.

«Заводские» документальные повести для Бориса Дмитриевича, как для мастера кисти, явились этюдами большой картины. Харьков ведь был родиной главного «оружия Победы» в Великой Отечественной войне, родиной непревзойдённого танка Т-34, — взошедшей на пьедесталы всемирно легендарной «тридцатьчетвёрки». Письменный стол в кабинете писателя, склонившегося над листами бумаги, на долгие годы незримо окружили плотным кругом творцы бронетанкового оружия Отечества. Один за другим они — рабочие, инженеры, конструкторы, испытатели — «оживая», выстраивались в летописный ряд на страницах романа-эпопеи.

Свой главный труд Силаев назвал «Оружие Победы».

В свет вышли два тома. Рождалась третья книга — «Маршал Жуков и его победоносный меч».

И тут Бориса Дмитриевича свалил недуг. Писатель не поддавался болезням до своего последнего земного часа. Просил родных найти и взять с полки нужный документ. Приспосабливался, делал записи. Диктовал. Слушал и вновь перекраивал набело вроде уже отточенный текст. Рукопись постепенно прирастала новыми и новыми главами.

...Итак, 17 марта 1940 года. Кремль, Ивановская площадь, где у подножья колокольни Ивана Великого проходил смотр новых танков.

«...Члены правительства и политбюро, – военное начальство окружили плотно танки, внимательно разглядывали ещё невиданные машины. Харьковчане, успевшие продрогнуть в бронированных башнях, стали рассказывать об устройстве танков.

– Что вы будете показывать? – спросил Сталин.

Пётр Ворошилов, конструктор, приемный сын Клима Ефремовича, хитровато взглянул на Кошкина. Они заранее решили поразить присутствующих необычной подвижностью новых танков.

– Приступайте, – приказал Сталин резким голосом.

Водители запустили двигатели и разъехались в разные стороны. Замерли на месте, натужно ревя моторами. Затем по команде Кошкина на предельной скорости бросились друг другу навстречу. Среди наблюдавших раздались испуганные выкрики:

– Да они что, сумасшедшие!

А машины вдруг замерли как вкопанные, чуть ли не впритык — броня к броне, трак к траку. В открытых люках башен показались улыбающиеся танкисты.

Все смотрели на Сталина, который тронул перчаткой усы и проговорил:

Это будут ласточки в наших танковых частях!

- Ласточки! с восторгом проговорил Вячеслав Молотов. Давайте их так и назовём.
- Слишком кокетливое имя для оружия, ответил ему Сталин, Т-34 достаточно хорошее название, и пусть ему сопутствует боевая слава. Мы довольны. Но испытания ещё продолжим.
- Они не прошли, вставил кто-то, необходимый километраж.
 - Я об этом и говорю, сказал Сталин. Сделал паузу, спросил:
- Товарищ Кошкин, какое бы вы ожидали от нас решение, способствующее улучшению качества машины?
- Любое, товарищ Сталин, должное продолжить необходимый для испытаний прогон в две тысячи километров и необходимый набор противотанковых мер.
- Отличная мысль, Михаил Ильич, продолжил, довольно улыбаясь, Сталин. Мы так и сделаем! Танки следует направить на захваченную нами финскую линию Маннергейма и там опробовать на всех противотанковых препятствиях. И назад пусть отправляются своим ходом. Сумеете, харьковчане?
 - Да! дружно ответили танкисты.

Когда выключили танковые двигатели, кремлёвская площадь погрузилась уже почти в ночную тишину, в которой вдруг резко послышался надрывный, жёсткий кашель Кошкина. Оглянувшись на конструктора, Сталин спросил:

- Что с ним?
- Простудился в дороге, ответил Лаврентий Берия. У них на Украине лёг поздний снег.
 - Покажите его немедленно врачу.

Выждав, когда кашель утих, Сталин сказал Кошкину:

- Хорошие машины, Михаил Ильич. Мы принимаем вашу работу. На днях ждите решение политбюро о начале серийного производства танков. Но, товарищ Кошкин, вы привезли два опытных экземпляра. Мы знаем, что такие экземпляры делаются почти в тепличных условиях. Когда же эта машина пойдет в серию, а затем поступит в армию, из неё полезут все производственные и технические ошибки, недоработки. Такой процесс закономерен, и надо быть к нему готовым. Поэтому, спустя время, мы снова затребуем у завода два новых танка прямо с конвейера массового производства. Вновь проведём серьёзные испытания. Вы будете возражать, товарищ Кошкин?
- Нет, Иосиф Виссарионович. Вы совершенно правильно сказали это закономерный путь».

...Третья книга эпопеи осталась недописанной.

Перо выпало из рук писателя в неполных семьдесят шесть лет его земной жизни.

Незавершённую рукопись подготовила к печати редактор отдела прозы нового харьковского журнала «Славянин» Ирина Глебова. Напечатали во втором номере за 2010 год. Журнал родился при участии Союза писателей России.

Я́ пишу эти заметки о судьбе «харьковчанина из моей Россоши» в сентябре 2016 года. Нынешние власти Украины уже четверть века творят «культурную революцию». Новоявленные «хунвейбины» вытравляют из сознания народа «клятое» прошлое Отечества, нашего единого дома-державы — Союза Советских Социалистических республик и Российской империи. Историю перекраивают заново. В ней нет места славянскому братству, русско-украинскому культурному наследию, в которое сегодня не вписывается творчество Бориса Силаева и его герои.

Верю, как явились, так и сгинут бесы во времени и на просторах «ненько» Украины. Только «допоможи нам, Боже, вибратися з багнюки (грязи) корупції, казнокрадства, цинізму й бездуховності». Потому и подписываюсь под этими словами автора «книги талантів» «Не вбиваймо своїх пророків!» — Александра Сизоненко. Имя большого украинского писателя, фронтовика, тяжело раненного при штурме Берлина, в киевские литературные справочники советской поры занесено рядом с именем Бориса Силаева.

Служу Слову...

С 1966 года поэт и прозаик Михаил Петрович Шевченко без малого четверть века проработал, сам он говорил об этом на старинный лад — служил в Союзе писателей РСФСР, с 1974 года по 1989 — секретарём правления. Вместе с соратниками он занимался поддержкой литературной жизни в России. Можно всяко относиться к писательским съездам и пленумам, к дням литературы в областях и республиках, творческим совещаниям молодых. Можно разно оценивать заботу государства и Союза об авторитете книжного Слова и его творцах в обществе, об издательском деле. Согласимся: книга в советскую пору была источником знаний и учебником жизни. Согласимся, что в этом была немалая заслуга тех, кто стоял у штурвала на капитанском мостике литературного корабля...

В Россошанском педагогическом училище-колледже открыта мемориальная доска русскому поэту и писателю Михаилу Петровичу Шевченко (1929-2010). Знающий и любящий литературу отчего края читатель хранит на своих полках его книги — сборники «крепкой» прозы, искренних исповедальных лирических стихов и задиристых басен. Они изданы тиражом более трёх миллионов экземпляров. По мотивам его повестей «Дорога через руины» и «Кто ты на земле» были созданы фильмы.

Педагогическое училище можно назвать «кузницей поэтов». В послевоенные годы вместе с Шевченко здесь учился классик русской советской литературы Алексей Прасолов, а позже — самобытная поэтесса Раиса Дерикот, члены Союза писателей России Галина Петриева, Людмила Уварова.

Михаила Петровича хорошо знают и помнят в Россоши. Приезжая, всегда встречался, выступал перед молодёжью и взрослыми слушателями.

Об этом на торжественном сборе учащихся и преподавателей напомнили выступающие. Имя Шевченко известно в читающем мире. Его стихи, повести, рассказы переведены на ряд европейских языков и языки народов бывшего Советского Союза. Наш талантливый земляк за свои книги, за верность и преданность русской литературе удостоен премий Михаила Шолохова, Николая Островского, Ленинского комсомола, он кавалер Золотой Есенинской медали. Награждён орденами Дружбы народов и «Знак Почёта». Ему присвоены звания «Заслуженный работник культуры России», «Почётный гражданин города Россошь».

Открытие посвящённой ему мемориальной доски — примечательное событие в культурной жизни. Наши души, как и душа Михаила Петровича, навеки неразделимы ни с большой, ни с малой родиной. Судьба Шевченко — это судьба подвижника и просветителя, патриота-государственника. Он многое успел сделать и многое бы ещё сделал...

Перед собравшимися выступили директор колледжа Алексей Владимирович Домнич, преподаватель Галина Васильевна Андриенко, члены Союза писателей России Виктор Васильевич Беликов и автор этих строк, Чалый. Учащиеся читали стихи и прозу Шевченко, пели любимые им русские и украинские народные песни.

О встречах с Михаилом Петровичем вспомнила преподаватель отечественной словесности Ольга Павловна Сибирко. «Он в шутку и всерьёз называл Россошь «центром хохлацкой цивилизации», а педагогическое училище — её «сердцем». Здесь, на грани России и Украины, в краю своей особенной южнорусской культуры, жизнелюбивой и выносливой, не было более доступного домашнего способа образования и просвещения, как прийти в педучилище. Потому среди выпускников педагогического — не одни учителя, но учёные и военачальники, руководители различного ранга, журналисты, поэты и писатели...

Михаил Петрович любил бывать у нас в праздники и будни. Эти встречи всегда оставались памятными для учащихся и педагогов, для самого поэта — семья принимала своего сына.

В последние годы Шевченко неизменно обращался к нам с приветным словом. Вот его признание в любви к своей духовной родине:

«Родное Россошанское педагогическое, с 80-летием Тебя! Здравствуй! Вечно здравствуй!

Прости, что не мог быть с Тобой 9 декабря: я ведь моложе Тебя всего на два годика. И, к сожалению, дальние поездки – уже проблема...

¹ Но Ты — юность моя, потому Ты всегда в сердце моём. И воспитанный тобой как сеятель... разумного, доброго, вечного, я низко кланяюсь Teбe!..

С наступающим Новым годом! Земных радостей Твоим преподавателям, Твоим воспитанникам — и нынешним, и прежним, всем-всем!

Россошанское педагогическое всегда было в числе лучших училищ России. Оставайся таким!!! Поднимай в полный рост молодое будущее её!!!

Сердечное спасибо за память. Твой Михаил Шевченко. 21.12.2006».

Дай Бог сбыться надеждам русского поэта на судьбу и значение нашего учительского колледжа.

Шевченко родился 28 января 1929 года в крестьянской хате. Родимые Сагуны и посейчас остаются по «статусу» слободой Подгоренского района Воронежской области. Родители перебрались на жительство в ближнюю Россошь – городок среди полей. Здесь мальчишка пошёл в первый класс школы, которая теперь носит название «двадцать пятой имени выпускника Героя Советского Союза лётчика-испытателя Бориса Рябцева». Учёбу прервала война. Июль 1942 – январь 1943. Этими датами означены чёрные дни немецко-итальянской оккупации Россоши и её округи. Под кованым сапогом фашиста люди не сломались. Врагу сопротивлялись млад и стар. Об этом говорится в книгах живого свидетеля той поры, писателя-земляка в рассказе «Метельная ночь». Четырнадцатилетнего подростка Илюшу Евсюкова фашисты «мобилизовали» на аэродром. Там, на кухне, он кочегарил у печки, увидел, по штампику узнал, что на топку привезли книги из школьной библиотеки. Вместе с одноклассницей они решили ночью тайком перенести, сколько смогут, книги к себе домой. Дело оказалось рискованным: в школе квартировали немцы. Всё же ребятам удалось через окно скрытно проникнуть в библиотеку и загрузиться книгами.

«...Женька смущенно улыбнулась. Она ещё не совсем опомнилась от пережитой опасности, но спокойствие Илюшки передавалось и ей. Уходил страх, шагать по глубокому снегу становилось легче: даже лямка тяжёлого вешмешка не так больно врезалась в плечо.

Остановились передохнуть в молодом вншняке. Присели на мешки.

— А книжки, знаешь, какие несём? Фф-у, жара! — заговорил Илюшка и снял ушанку. — Знаешь, какие?.. Капитана Немо, Гавроша и деда Щукаря избавили от огня! И деда «Десять процентов», помнишь, у Паустовского? А в твоём мешке «Маугли» Киплинга, кажись, как раз та, что вместе читали, в зелёном переплёте. Помнишь? У тебя же «Дикая собака Динго», «Сказки братьев Гримм» и «Как закалялась сталь» со штыком и веточкой на обложке...

Илюшка повернулся к ней.

– Жень, я хочу тебе сказать... Я верю тебе, но ты смотри. – Илюшка приложил палец к губам. – Завтра чуть свет взлетит в воздух бомбовый склад аэродрома. Поняла?! Только – язык за зубами!.. Я проносил на аэродром бикфордов шнур, – сказал Илюшка, надевая шапку. – Знаешь, взрывают которым...

В ту метельную ночь Илюшка погиб. Он пошёл за оставшимися в саду книжками. Их было немного. Он решил пробраться ещё раз в школу.

И пробрался. И набрал книжек. И уже возвращался домой, уже был недалеко от дома, но наткнулся на немецкий патруль и был убит очередью из автомата.

Перед утром, когда Варвара Васильевна отправилась за углём, над аэродромом взметнулось огромное, в полнеба, зарево; тяжело задрожала земля, донесся гул взрывов.

Женька стояла во дворе и, восторженно глядя на зарево, думала об Илюшке, о скорой встрече с ним...».

Герои рассказа «Метельная ночь» — из жизни. Сам Михаил Петрович Шевченко в дни фашистской оккупации тоже спасал книги из школьной библиотеки, писал листовки в стихах о том, как красноармейцы бьют врага на Дону и Волге, смертельно рискуя, расклеивал их по ночам.

Фашисты расстреляли героя рассказа «Метельная ночь».

Так было и в той суровой действительности. В записке о злодеяниях врага на оккупированной территории, написанной в январе 1943 года сразу после освобождения Россоши секретарём райкома партии Александром Фёлоровичем Друзем, названы, в частности, казнённые немцами и итальянцами школьники, оставшиеся навеки четырнадцати-шестнадцатилетними.

...Спасённые от огня книги Миша Шевченко отнёс в свою школьную библиотеку. После семилетки поступил в птицетехникум. А когда понял, что специальность зоотехника не «его», перешёл в соседнее педагогическое училище. По окончании тут же сам преподавал будущим учителям музыку и пение.

В аудиториях рядом сидели вчерашние школьники и молодые солдаты-фронтовики. Но все схоже щеголяли в гимнастёрках и галифе, в сапогах-кирзачах. Спустя десятилетия на встрече выпускников Михаил Петрович так вспоминал время учёбы.

Первый выпуск послевоенный. Что увидеть ему довелось? Сорок пятый... Вот эти стены. А на них — в два пальца мороз. Прошагавшее всю Европу Поколенье бывалых солдат В классы шло, как будто в окопы, В те, что помнят павших ребят. Рядом мы, пацаны, исправно

Тянем лямку каждый урок.
И со старишми мёрзнем на равных,
И на равных делим паёк.
И преграды, какие угодно,
Мы берём на дороге своей.
Мы — фаланга самых народных,
Самых главных учителей!
Первый выпуск послевоенный —
Вот и встретиться довелось...
Нам сегодня тепло в этих стенах,
Лишь на наших висках — мороз!

Поворотным в судьбе стал 1949 год. Первые стихи Михаила Шевченко оценили в творческом конкурсе. Паренька из глубинки зачислили студентом Литературного института имени Горького в Москве.

«Москва и Литературный институт, — вспоминал он, — помогли мне обрести себя. Сама столица с её историческим духом, с её музеями и театрами — неисчерпаемый источник постижения мира и человека в нём. А в Литературном институте в наших душах сеяли разумное, доброе, вечное В.Ф. Асмус, С.М. Бонди, Н.В. Водовозов, В.А. Дынник, А.А. Реформатский, К.И. Чуковский; творческие семинары вели К.Г. Паустовский. В.П. Катаев, В.Г. Лидин, Я.В. Смеляков, А.Я. Яшин; к нам приходили С.Я. Маршак, М.М. Пришвин, К.М. Симонов. А.Т. Твардовский, А.А. Фадеев, И.Г. Эренбург, зарубежные знаменитости.

Студентами тех лет были начинающие поэты и прозаики, в большинстве недавние фронтовики, которым суждена была позже широкая известность. Многому я учился у них, со многими до сих пор товарищеские взаимоотношения.

Без очередного «перелома» не обошлось и в институте. Я тяжело заболел: истощение нервной системы, говорили врачи. Сказались, видимо, и голодные годы, и военное лихолетье. Институт – низкий поклон ему! – дважды отправлял меня в санатории на Кавказ и в Подмосковье, в дом отдыха. Но защиту диплома всё же пришлось отложить.

В 1961 году у меня вышла первая книжка стихов «Любовь». Она была по-доброму встречена в Тамбове и Воронеже. Но полной неожиданностью был отклик в... Америке. Одно дело, когда «притчей на устах у всех» становятся авторы журналов «Юность», «Новый мир»... Иное — быть услышанным, затерявшись в провинции. В неведомой мне нью-йоркской русскоязычной газете «Но-

вая заря» неведомый Иосиф Левин писал: «...Что может быть лучше и выше Любви! И поэт нашёл для нее лучшие слова: «Ты святая святых моя». И он заканчивает: «Ты грядущий день освящаешь, Человеческая любовь!» Его поэзия полна радости. Она вполне жизненна, актуальна и доходит до читателя. Звучные строфы и хорошая метафора... говорят о его лирике, хотя в сборнике есть и эпические стихи. Они рисуют новый быт и новых людей на нашей родине».

Что же касается мнения американского рецензента об отдельных стихотворениях книжки, то в принципе оно совпадало с мнением таких поэтов, как Ярослав Смеляков и Василий Фёлоров.

Книжкой «Любовь» в 1961 году я защитил диплом. С выходом сборника стихов «Спасибо тебе за цветы» в 1965 году был принят в Союз писателей.

Шевченко в Тамбове более десяти лет был на газетной и издательской работе. С 1966 года он вновь в Москве. Почти четверть века проработал в правлении Союза писателей России, пятнадцать лет — «рабочим» секретарём Союза писателей. Кстати, в 1983 году редкостная премия Ленинского комсомола была вручена нашему земляку за многолетнюю плодотворную работу с молодыми литераторами.

Шевченко не терял связи с милой родиной (слово «малая» Михаил Петрович не любит, считая — Родина у всех большая). Часто он бывал в Воронеже и Россоши. Его выступления памятны землякам. Как и стихи:

…Да будет встреча, как всегда, прекрасной! Куда ты нас, судьбина, не забросишь, И счастие куда б ни привело, Всё те же мы: для нас родная Россошь — Как лицеистам Царское Село!

Довольно вместительный актовый зал педагогического училища полон народу. В проходах негде стать. На сцене (после Михаил Петрович скажет: «Сцена моей юности») один Шевченко. Обращается к собравшимся: «Я хочу поговорить с вами о жизни и творчестве великого русского писателя, можно сказать, нашего земляка Михаила Александровича Шолохова». Шевченко расска-

зывал, как ему открывался художественный и исторический мир Шолохова, страницами он наизусть читал «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Судьбу человека». Пел казачьи песни, подыгрывая себе на пианино.

Личные воспоминания ложились в русло беседы.

К семидесятилетию Шолохова Шевченко напечатал заметки о гении русской и мировой литературы в журнале «Москва». Спустя годы, уже после кончины писателя, Михаил Петрович узнал, что тот журнальный номер внимательно читал Шолохов. Его встряхнули, до слёз тронули записанные Шевченко отцовские крестьянские раздумья над шолоховскими книгами и над собственной жизнью. Речь шла о Григории Мелехове. «Ну чого? Чого йому не повирылы?! Вин уже ж так умотався... так умотався... Гришка-то весь истлив душою, вин тильки й думав, що за землю, за плуг, да за дитэй своих». Но героя «Тихого Дона» литературные критики официально вроде бы накрепко занесли в бандиты и отшепенцы своего народа. Оказывается, не так-то просто было сбить с толку вдумчивого читателя в народе. Он видел в бандитах и отщепенцах «демонов революции», «комиссаров в пыльных шлемах», которые морочили ум и душу Мелехова и за него, за народ решали судьбу Отечества.

Житель донской степной глубинки Петр Яковлевич Шевченко понимал Шолохова. Понимал правильно.

Это «живое» свидетельство грело душу Михаилу Александровичу.

...Зал слушал и доверительно внимал гостю как близкому собеседнику, который наделён даром одновременно говорить со всеми вместе и с каждым в отдельности.

Потрясённый шолоховским словом, зал то вдумчиво молчал, то взрывался смехом и вновь сдерживал дыхание.

Часа три пролетели как миг.

В южных российских пределах — «украинах» — не редкость значимая в нашей славянской литературе украинская фамилия Шевченко. У Михаила Петровича есть даже на этот счёт лирическое объяснение с читателем: «Я часто слышу: — А скажите, правда, что вы — великого Тараса правнук? А может лишь однофамилец с ним...»

К слову, в моём родимом суходольном селе целая улица Шевченок набирается. Но ни Михаил Петрович, ни мои земляки до недавнего не ведали, что в донских степях близ Россоши действительно живут потомки Кобзаря. В девятнадцатом веке, после отмены крепостного права, племянница Тараса Шевченко —

Василина, дочь младшего брата Иосифа, в замужестве Хоменко, выбрала на жительство хуторок в Придонье. Отсюда, из Верхнего Киева, и разрасталась воронежская родословная ветвь древа Кобзаря.

Так что поэт, наш современник, не ведая об этом, верно разъяснял любопытствующему читателю: «Я должен вам ответить — это правда. Я так же, как и вы, Тараса правнук. Мне б, как и вам, его достойным стать».

Такого людского нашествия давно не видывала школа. Сюда, в Россошь, в двадцать пятую, сошлись-съехались выпускники. Собрались на праздник пятидесятилетия школы.

Ёй, родной, посвящались выступления и речи.

Михаил Шевченко рассказал:

– Мой сынишка Максим вслух учит уроки. Бабушка хлопочет рядом и нет-нет поправляет внучка. Подсказывает ему «крылатые выражения» Некрасова, Добролюбова, Чернышевского. Слышу это и удивляюсь. Её-то, крестьянку Агриппину Григорьевну, судьба обделила, учиться не довелось. Допытываюсь: «Мам, откуда вы Чернышевского знаете?» Отмахивается: «Там, в двадцать пятой, портреты висели». Мама после фашистской оккупации какое-то время работала в школе уборщицей.

После кончины мамы я разбирал её узелочки, попалась ученическая тетрадь. На листках старательно срисованы печатными буквами высказывания великих людей. Срисованы с плакатиков, вывешенных когда-то в школьных коридорах и классах.

Вдруг увиделось: ночь, пустынная школа, ещё не просох только вымытый пол, и усталая мама за ученической партой. По складам проговаривает прочитанное, негнущимися пальцами старательно сжимает карандаш. Представил – и горло перехватило.

Ты помнишь, Я руку твою Отстранял, Когда На глазах озорной братвы Хотелось тебе приласкать меня И ты касалась Моей головы? Ты глупость ребячью Прощала мне,

Ты знала тогда уж О дальнем дне, Когда я не друга И не жену — Тебя буду звать, Лишь тебя одну. Приди хоть во сне. Принеси тишину. Присядь. Поцелуй мою седину.

Из фактов собственной биографии рождаются строки высокой пробы. Это географически точно обозначенные военное детство в Россоши, годы молодые на воронежской земле. Это самые родные люди в его жизни: мать, отец, сын. Читаешь исповедь. Вдруг забываешься — не кто-то рассказывает о себе, о своих терзаниях, нечто подобное пережито и тобой. История твоей души выплеснулась на книжный лист, чтобы и на твоём опыте в радостях и печалях все умели дорожить счастьем земного бытия. Дорожить и стараться быть хоть на чуть-чуть лучше.

В родимые края Шевченко обычно приезжал с увесистыми пачками книг в руках – гостинец землякам. В библиотеках слободы Сагуны, Россошанского педучилища, в здешних школах есть именные «шевченковские» полки, на которых книги автора и его друзей – писателей-современников – с автографами.

А однажды Михаил Петрович сам принимал подарок. Ему вручили изданную в Воронеже книгу «Слобода Сагуны», написанную учителем-краеведом Николаем Сыроватским.

Шевченко с интересом перелистывал страницы, тут же зачитывал:

 Записались добровольцами в Красную армию. Среди них – житель слободы Петр Яковлевич Шевченко.
 Это об отце.

И ещё: жители Сагунов сражались на бронепоезде «Доброволец». Старшим пулемётчиком был Михаил Яковлевич Шевченко. Он дослужился до должности командира бронеплощадки. Пулемётчиком воевал и его младший брат Иван. — Это о дяде Мише, о дяде Ване написано.

– А вот о тёте сказано: Анна Яковлевна Шевченко вспоминает свои комсомольские годы как лучшее время жизни. Полураздетые, не всегда сытые, любили песни. В те двадцатые вся слобода была певучей.

Не довелось им при жизни прочесть о себе в книге.

– Вот и встретился с родными, – говорил Михаил Петрович.

Род сагуновских Шевченко богат талантами. Из него вышли народная артистка СССР Фаина Васильевна Шевченко, игравшая в Московском художественном театре, а также оперная певица Большого театра, заслуженная артистка РСФСР Вера Васильевна Макарова-Шевченко.

На страницах альманаха «Воронежская беседа на 1999-2000 годы» встречается знакомая фамилия. В работе, посвящённой выдающемуся деятелю дореволюционной России графу Сергею Уварову – автору знаменитой формулы «Православие, Самодержавие. Народность», отмечается: «единственный опыт научной биографии принадлежит перу современного историка М.М. Шевченко. Статья М.М. Шевченко написана с привлечением новых, ранее не использовавшихся источников, содержит целый ряд тонких и метких наблюдений, много ценных мыслей, касаюшихся взглядов Уварова, мотивов его министерской деятельности, подробный и обстоятельный анализ политики». М.М. – это Максим Михайлович, сын поэта, писателя, Молодой үчёныйисторик работает в Московском государственном университете. Так сложилось, что Михаил Петрович был отцом и матерью, сам растил сынишку. О его взрослении рассказал в повести «Кто ты на земле». «Твоя очень личная книжка о сыне нужнее эпопей. – так оценил повесть известный русский писатель Виктор Лихоносов. – Вся русская литература строилась на глубоко личном чувстве, на родстве, на желании навеки закрепить свою жизнь. Оттого она и великая... Так что ты своему сыну сделал великий подарок на будущее, а все, кто будет читать, тоже возьмут близко к сердцу. Надо и впредь запечатлевать всех, кто нам был в жизни дорог... Вот это и есть наша жизнь. Жизнь души...»

Максим Шевченко написал и издал историческое исследование о власти, образовании и печатном слове в императорской России середины XIX века, на пороге освободительных реформ. Книгу «Конец одного Величия» сын посвятил отцу.

Получил из Москвы бандероль. Михаил Петрович Шевченко поделился с земляками своей новой работой. В брошюре «Если жить не по лжи» — его открытые письма к А.И. Солженицыну. Александр Исаевич, как известно, давно стал в стае главных стервятников соучастником злобной и непрекращающейся поныне атаки на творчество великого русского писателя, поддерживая навет, «что-де роман «Тихий Дон» написал не Шолохов». И хоть найдены шолоховские рукописи, выбита, по сути, последняя козырная карта у клеветников — травля продолжается. «Да, злоба

застит зрение. А ещё сопутствующая ей зависть». Ведь в современной мировой литературе нет книги равной «Тихому Дону».

Шевченко достойно и доказательно вёл разговор. Он защищал не только Михаила Александровича Шолохова и его книги. Он защищал русскую литературу. Откликаясь в печати на страстное слово Шевченко, я писал: дай Бог сил земляку!

В последние годы жизни злой недуг заточил в московской квартире Михаила Петровича, всегда лёгкого на подъём и охочего к путешествиям-поездкам. Теперь нас с ним связывали только телефон да письма. В декабре 2007-го Шевченко с радостью откликнулся на нашу просьбу — написал и проговорил в телефонную трубку приветствие самодеятельным артистам, всем участникам проводившегося седьмой раз в родной Россоши фестиваля Слободской украинской культуры.

«В один из августовских дней шестьдесят лет назад я почувствовал себя особенно счастливым — я получил весть, что принят на очное отделение Литературного института имени Горького при Союзе советских писателей. Ещё бы, я — студент современного лицея. Уезжая из Россоши, проезжая Сагуны, подумал: еду в Белокаменную из детства и юности. Дома я балакал, в школе — разговаривал. Это не мешало общению и взрослых, и мальчишек, пониманию друг друга. В паспорте у меня была пометка — украинец. Фамилия мамы — Яковенко, а папина ещё хлеще — Шевченко. «Кобзарь» Тараса Григорьевича был у нас настольной книгой, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Кольцов, Никитин. Почти все их наизусть читал отец.

В семье пели русские и украинские песни. У меня трепетала душа. Пели их и в многонациональном литературном институте.

Отец любил Киев, а переехал жить ко мне, полюбил и белокаменную Москву, ту классическую, без мини-Нью-Йорков в каждом её районе, ещё без 25-этажных коробок. И на тебе – пошли перестройщики, разобщили наше государство. Они наживаются на разобщении. Разобщённых надувать легче...

И необыкновенной радостью недавно прозвучал полученный мною из Россоши литературный, историко-краеведческий альманах «Слобожанская тетрадь», возвращая в родную историю. Поэтесса Галина Петриева, она родом из хутора Козки Каменского района, тоже написала мне в письме: «По вечерам читаю с мужем Иваном Павловичем «Слобожанскую тетрадь», это кладезь знаний по истории родного края».

И снова звучат слова Тараса о том, что славянство должно жить безмежно, без границ. И снова звучит мысль Гоголя о роли славян в создании многонациональной России. И как же я рад,

что альманах Петра Чалого, Виталия Климова и их соратников выходит в родной Россоши, в родной Слобожанщине, давшей миру замечательных людей во всех сферах жизни, давшей женщину, подарившую миру гениального Михаила Александровича Шолохова.

И как же не порадоваться фестивалю в Россоши, тем более человеку, увенчанному к своему 80-летию званием Почётного гражданина родного города.

Да звучит Тарас:

«Всем нам вкупе на земли Единомыслия подай и братолюбия пошли».

Да будет так. Жива будет и родина наша.

Успехов фестивалю, с радостью возвращаюсь во всё лучшее в прожитой жизни. Жаль, не могу участвовать в празднике вместе с вами.

Сын Слобожанщины Михаил Шевченко».

Когда со сцены читали это исповедальное слово, а в зале районного Дома культуры в действительности яблоку негде было упасть, земляки приняли его громом сердечных аплодисментов.

Выйдя в 1989-м, как тогда говорили, на заслуженный отдых, Михаил Петрович чаще навещал родную Россошь. Встречался с земляками. Не скрывал, что служба в Союзе писателей России забирала силы и время. «Своё выстраданное писал в ночные смены, в отпусках, задуманное откладывал на годы за шестьдесят лет». Не скрывал, что сейчас беседы со старожилами, с друзьями детства и юности ложились на страницы рождающейся книги. Их он мне читал наизусть, когда вечерами бродили по тихим улочкам, на берегу нашей речушки Чёрная Калитва. В его словах воскресала ушедшая пора военных лет, дни фашистской оккупации. Позже, разбирая рукописи отца, сын Максим сообщит мне название повести — «Милость Божья».

Кто знал, что впереди нас всех ждут «великие потрясения».

Михаил Петрович вспоминал, как ещё в советские годы поэт Коля — Николай Глазков — написал на него шутливую эпиграмму:

Шевченко Миша – видно сразу – Напоминает нам Тараса, И для него совсем не плохо, Что он живёт не в ту эпоху.

«Николаевская эпоха Тараса мне не досталась. Но грянула эпоха похлеще. Распад и разграбление страны при Горбачёве и Ельцине. Унижение и оскорбление миллионов честных людей.

Мой удел: скудная пенсия; литературного заработка лишён; сбережения вылетели в «гайдаровскую» трубу; продавать нечего. Не знаю, как, на какие средства будут хоронить меня...»

Таким был удел честного писателя. Поневоле вспоминаешь строки из статьи В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», которую в советские годы обязательно конспектировали за школьной партой, на студенческой скамье.

«В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в романах и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству?..

Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка. от подкупа. от содержания».

В январе 2010 года, в день рождения Михаила Петровича, я неожиданно приятно удивил его. Переслал ему письмо с Алтая. Добрая знакомая моей жены летом жила в таёжной деревушке вблизи Чуйского тракта. В ней она в молодости учила детишек. «Нет ни школы с большой библиотекой, закрыли клуб и магазин. В непролазных диких зарослях умирающие избы, брошенные хозяевами. Моя подруга со слезами тоже готовилась в зиму оставить родимое подворье. У неё-то в доме на этажерке выбрала наугад книгу, в какой, вы себе представить не сможете, прочла страницы о вашей воронежской Россоши. Это «Избранное» Михаила Шевченко, вашего земляка. Читала и перечитывала с превеликой радостью. Открывала мир добрых людей. Они и мне стали родными... Низкий поклон писателю. Ваша Александра Михеевна».

Михаил Петрович успел откликнуться, поблагодарить Михеевну на 82-м, последнем, году своей земной жизни.

Ваш сын и брат

Григорий Степанович Лазуренко показывает мне чудом сохранившуюся старую фотографию. «Вот дата — 22.08.1931 год. Это мы — крестьянские дети в колхозных яслях. Я сижу на траве в первом ряду. Чтобы не плакал, мне дали в руки спичечный коробок. Мой стариший брат Миша стоит впереди воспитательницы. Ему уже скоро в школу. Учиться будет хорошо. Очень любил читать книги. В старишх классах его хвалили за сочинения. Одарённый был. Стихами писал, складно». Мой собеседник вспомнил что-то и засмеялся. «Стишки у него прямо на ходу из головы вылетали. Очень хотел учиться и после школы. В техникум точно бы поступил. Не судьба. Война. Оккупация. Сразу, как освободили наш хутор, ушёл на фронт».

Родные ждут солдата с того недоброго часа, когда почтальон принесла в семью Лазуренковых казённое письмо: ваш сын Михаил Степанович пропал без вести 02.1944 года.

В документе даже день был не означен. А тогда, 31 января, Михаилу исполнилось девятнадцать лет.

Убит? Попал в плен?

Горше не бывает...

Счастливый случай не обходил стороной не затерявшийся среди дубрав степной хутор. Редко, но возвращались с фронта или вражеского плена земляки, без вести пропавшие.

Розыск не вернувшихся воинов вело Управление по учёту погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава в Наркомате — Министерстве Вооружённых Сил СССР — через военные комиссариаты на местах.

20 марта 1946 года в райвоенкомат пригласили Анастасию Семёновну Рожкову, двоюродную сестру Михаила. Вместе со старшим лейтенантом Потапенко заполнили анкету.

«Лазуренко Михаил Степанович, 1925 года.

Уроженец хутора Переходин, Базянский (Базовский) сельсовет, Ольховатский район, Воронежская область. До призыва работал трактористом в колхозе «Свобода».

Призван Ольховатским РВК в 1943 году.

Красноармеец. Разведчик стрелковой части.

Письменная связь прекратилась в сентябре 1943 года.

Надо выяснить – погиб на фронте Отечественной войны во время нахождения в разведке...»

Ответ вновь пришёл неутешительный: «Пропал без вести в феврале 1944 года».

У родных хранятся два фронтовых письма Михаила.

«Брат мой Гриша!

Я часто думаю о тебе.

Вспоминаю, как мы жили, работали. Вспоминаю, в общем, всю домашнюю обстановку.

А теперь не знаю, когда мы встретимся с тобой. Наверное, года через три. Если не погибну в боях за Родину. И буду лежать посреди украинской степи. Как тот убитый боец, помнишь, в некошеной траве на опушке Бендрикового леса. И так же схоже никто из родных не придёт посмотреть на истерзанного сына или брата, не прикроет карих глаз сырой землёй. И только, быть может, чёрный ворон прилетит за добычей, принесёт мне весть от родных, которые много времени будут думать, что, мол, я ещё жив. И только местные жители, нечаянно наскочившие на труп молодого юноши, с горестью посмотрят на меня и уйдут прочь, не сказав приветливого словечка. И я снова буду одиноко лежать в бурьяне под дождём и солнцем, под свистом ветра. И только стая воронов будет торжествовать о найденной добыче.

И вот через некоторое время вы получите весть: «Ваш сын пал на поле боя». Мамаша заплачет, отец понурит седую голову. А ты не плачь, дорогой братишка. Возьми тогда, молодой герой, винтовку и отомсти проклятому врагу за смерть своего брата. ОТОМСТИ! И тогда моим костям легче будет лежать на ветру в полях на широких украинских просторах.

Гриша, вот этот листок берегите с мамой! Это будет, наверно, единственная память от сына и брата!

Вот и всё.

15 марта 1943 года.

Ваш сын и брат Михаил Лазуренко.

Приветы маме и отцу, тёте Дуне и Шуре, бабушке, Жене и Люсе, дяде Васе и Толе, Марусе и Анне Ивановне. В общем, всем.

ЛАЗУРЕНКО

Полевая почта 59256 - 6».

Грусть-тоску Михаила можно понять.

Он был солдатом без году неделя.

В середине января фашисты были выбиты наступавшими советскими воинами из его родимого хутора Переходино, его ещё называли Яшное. Парня призвали в местный истребительный отряд. Курс молодого бойца он проходил считанные дни.

Получил в руки оружие, в охранении сопровождал пленных итальянцев и немцев в пункты сбора. А вскоре необученных, необстрелянных, даже не одетых в шинели, в домашней гражданской одёжке новобранцев спешно зачисляли в ряды красноармейцев. Сельская молодёжь в освобождённых южных районах Воронежской области пополняла недоукомплектованные людьми пехотные стрелковые подразделения третьей танковой армии генерала Павла Семёновича Рыбалко прямо в ходе Россошанско-Острогожской боевой операции.

Победа в Сталинградской битве окрыляла всех — и командиров, и рядовых. Танкисты, а вслед за ними пехота с немалым числом бойцов-новичков, не нюхавшим порох, били и гнали на запад отборные вражеские части. Кто только ни зарился на славянские плодородные чернозёмы! Немцы, венгры-мадьяры, итальянцы, румыны, словаки, хорваты, финны...

Фашисты оставляли за собой выжженную землю – руину. Отступая, европейские цивилизованные крестоносцы «взрывали мосты на дорогах, разрушали и сжигали населённые пункты, безжалостно уничтожали мирное население. Так, в ночь на 13 февраля подразделения дивизии «Адольф Гитлер» вошли в посёлок совхоза имени Фрунзе. Рабочие совхоза вместе с семьями пытались укрыться в погребах, но немецкие солдаты, обнаружив это, забросали погреба гранатами, а затем подожгли два дома с находившимися в них жителями. Выбегавших из горящих домов женщин, стариков, детей эсэсовцы расстреливали из автоматов. «В эту ночь было убито 12 мужчин от 17 до 62 лет. 12 женшин от 14 до 63 лет. 10 детей от 2 до 16 лет... Среди зверски расстрелянных оказалась семья Будыкина А.М. – жена Татьяна Петровна, сын Иван 6 лет, дочери Раиса 8 лет, четырёхлетняя Мария, двухлетняя Галина... При расстреле мальчика легко ранили, и он пытался убежать, но детоубийцы догнали его и со смехом убили» – сообщалось в донесении Политуправления Воронежского фронта в Главное политическое управление Красной армии.

У Михаила, у его отца Степана Романовича и мамы Евдокии Александровны были свои счёты к врагу. Вырывавшиеся из «котла» под Россошью итальянцы и немцы 24 января вновь заняли днями ранее освобождённое воронежское село Шелякино (ныне Советское Белгородской области). Озверелые фашисты связали председателя сельсовета Никанора Стратоновича Ерошенко, родственника Лазуренко, колхозного бригадира Павла Васильевича Склярова, ещё несколько человек. Всех уложили на снегрядами и стали давить танком. А когда казнимые люди стали от-

катываться в сторону, то искололи их штыками — так заставляли лечь под гусеничные траки.

Таким страшным событиям было несть числа.

Шестнадцатого февраля освободили лежавший в развалинах Харьков, в ту пору третий после Москвы и Ленинграда по экономическому развитию город Советского Союза, одна из промышленных столиц в довоенной стране.

Тут бы остановиться, перевести дух. Главное — вновь оживить железнодорожные пути, чтобы подтянуть к фронту резервы, тыловое обеспечение. Ведь новые танки и пушки, оружие, боеприпасы и горючку для техники, провиант и госпитали за сотни километров через заснеженное бездорожье на самолётах не перебросить.

Но, конечно, не одни боевые удачи кружили головы военных. Кто-кто, но они-то слышали, как родимая земля, родные люди стонали под сапогом оккупанта. На глазах же — враг бежит, хоть и ожесточённо огрызаясь. Сплошной линии обороны у него нет. И уже впереди, рукой подать, ещё крепко скованный мощным льдом сверкает Днепр.

В Москве на стол Верховному Главнокомандующему ложатся донесения от надёжнейшего, проверенного и перепроверенного

«источника», от разведчика – прямо из ставки фюрера.

16 февраля. «...прорыв русского танкового корпуса ...сделал невозможным последовательный отход основных немецких формирований, как то предписывалось командованием. Все немецкие контратаки эффекта не дали... Немцы в состоянии растерянности, беспорядочно отступают, в основном без артиллерии и боеприпасов. Немецкий план постепенного отступления основной части войск ...более неосуществим из-за неразберихи. Ожидаемые потери с немецкой стороны значительно превысят потери в Сталинграде... Снабжение по железной дороге ...невозможно: линии и станции перегружены и неуправляемы».

17 февраля. «Цель немецкого сопротивления прорыву русских ...ограничивается прикрытием отхода из излучины Донца... на Нижний Днепр».

21 февраля. «Последствия сдачи Харькова и крах быстро организованного фронта на реке Донец оцениваются (немецким) Генеральным штабом сухопутных войск как очень серьёзные. С 17 февраля соединения и остатки более сорока немецких дивизий оказались под угрозой отсечения, гибели в безнадёжных оборонительных боях и бесплодных контратаках, уничтожения преследующими их массами русских. В эти соединения входит почти половина всех танковых войск Германии и танков, оставшихся у немецкой армии и войск СС...

Безразличие и фатальная безысходность быстро распространяются и весьма заметно подавляют боевой дух немецких войск во всех южных частях Восточного фронта, даже в резервах, которые ещё не принимали участия в боевых действиях, но наблюдают, что происходит, со своих импровизированных позиций за линией фронта».

Как тут удержаться и не продолжить наступление.

Утомлённые советские танкисты с отчаянной смелостью и лихостью продолжили бег к Днепру. Передовые отряды 25 корпуса генерала Петра Петровича Павлова внезапно вышли даже к Запорожью, почти на пушечный выстрел к аэродрому, на котором, кто бы знал, под охраной стоял самолёт Гитлера.

Обратим внимание. В эти трагичные для немцев дни, с 17 и до вечера 19 февраля, фюрер со своей свитой — в Запорожье. С ним было вермахтовское начальство — генералы генерального штаба Курт Цейтцлер и штаба оперативного руководства Альфред Йодль, а затем и фельдмаршал Эвальд фон Клейст. Гитлер совещался со своими соратниками в штабе фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Тут-то невольно вождь оказался чуть ли не под огнём противника, сам не зная о том. Да и наши воины, жаль, не ведали, какое вороньё слеталось сюда на сходку.

Обстановка складывалась для фашистов не столь уж плачевной, как её оценивали в отсутствие хозяина его старшие офицеры, штабисты в ставке фюрера, находившиеся далеко от полей сражений и самого Гитлера. Эти недостоверные секретные донесения, добытые нашей разведкой, в немалой степени породили ошибочные решения по цепочке: из Москвы — к командующим фронтами и армиями, от командиров дивизий, корпусов — к командирам полков, бригад и батальонов.

Стратегическую инициативу перехватили немцы. Они будто очухались, очнулись, в полководческом таланте им не откажешь, – быстро собрали силы, расставили их в оперативно выгодные места и внезапно нанесли жестокие удары по наступающим советским войскам.

Стало ясно — фашисты ой ещё как сильны. И после Сталинграда они не совсем скисли, не привыкли отступать. Спустя месяц, 16 марта, советские войска отступили, вновь оставили Харьков. В оборонительных боях в днепровском междуречье за просчёты снова, как весной и летом 1942 года, расплачивались большой кровью. Гибли, пропадали без вести рядовые и генералы. И в который раз нас спасительно прикрыли берега Северского Донца.

Разведчики, «сто и одиннадцать дней спустя», искупят свою вину — добудут секретные гитлеровские планы решающего сражения Второй мировой войны на Курской дуге.

А пока вырвавшиеся из вражеского окружения и отступившие от Харькова обескровленные части и соединения третьей танковой армии занимали оборону по восточному берегу Северского Донца, «на участке между сёлами Старый Салтов и Хотомля». Из штаба армии 17 марта военному совету бронетанковых и механизированных войск Красной армии был направлен рапорт с отчётом об ожесточённых боях с 14 января по 12 марта 1943 года с просьбой о выводе в резерв для «восстановления и доукомплектования».

Печально горьки потери.

Важен изложенный командованием итог:

«В ходе напряжённых боевых действий, особенно, если операции следуют одна за другой, не должно увлекаться «войной до последнего солдата». Необходимо после одной-двух наступательных операций делать на выгодных рубежах и в соответствующей обстановке оперативные паузы для приведения частей в порядок, для их перегруппировки, для отдыха уставших войск, для принятия и освоения вливающегося пополнения, для подтягивания и налаживания службы тыла.

Такие паузы с закреплением на достигнутых рубежах необходимы и для организации активной обороны против новых и свежих контратакующих сил противника, уничтожения их авиацией на дальних подступах...

С выходом на рубеж Валки, Новая Водолага все элементы обстановки настоятельно диктовали переход армии к обороне, хотя бы временно, так как противник показал свою стойкость и упорство, подбросил свежие силы, а войска армии в беспрерывных упорных боях были ослаблены.

Став на оборону, армия имела бы время сделать оборонительные рубежи неприступными, а далее, измотав контратакующего противника, перейти к наступлению и выполнению дальнейшей операции.

В этом случае вряд ли и Харьков был бы сдан противнику обратно».

Генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко в известной книге воспоминаний «Генеральный штаб в годы войны» так подытожил «основные причины некоторых наших неудач и несбывшихся надежд зимой 1943 года»:

«Думается, что на фоне крупных побед, одержанных нашими войсками под Москвой и Сталинградом, у отдельных военачаль-

ников, в том числе и в Ставке, и в Генштабе, возникла известная недооценка возможностей противника. Это отрицательно сказалось на подготовке некоторых операций, повлекло за собой огульность нашего наступления на харьковском направлении, к Днепропетровску и Мариуполю. Очевидно, было бы благоразумнее ещё в январе приостановить наступление Воронежского и Юго-Западного фронтов, перейти временно к обороне, подтянуть тылы, пополнить дивизии людьми и создать необходимые запасы материальных средств.

Заключительный этап наступления этих двух фронтов зимой 1943 года характеризовался разбросанностью сил. Мощные ударные группировки на главных направлениях фактически отсутствовали.

Наконец, нас очень подвела разведка, и мы жестоко ошиблись, определяя намерения противника.

...Хотя, ещё раз подчеркиваю, в целом итоги зимней кампании были для нас успешными. Наступательная сила Советской армии возросла».

Танкистов выведут в тыл, где обновлённую армию поименуют — третья гвардейская. Пехота осталась в окопах и траншеях на восточном левом речном берегу Северского Донца. Михаил Лазуренко и его товарищи влились в прибывшую на здешний оборонительный рубеж общевойсковую 57 армию, какая рядом освобождала Ворошиловоград, ныне Луганск, Луганскую область. Гвардейцем в её 38 полку 14 гвардейской стрелковой дивизии будет дальше воевать наш земляк.

А мы ещё раз вчитаемся внимательней в письмо Михаила.

Можно представить: писал он весточку родным в открытом поле и в непривычной тишине. «Генерал Грязь» на время весенней распутицы приостановил сражения. Впереди, в западном заречье, в нашу землю вгрызался враг. Отступать бойцу некуда. Позади, в три-четыре дневных пеших перехода, родные, спрятавшийся в нагорных дубравах родимый хутор Переходино.

Сполна пережил солдат в минувшие два месяца радость побед и горечь поражений, потерю товарищей по оружию. Но Михаил не сломился. Главная мысль в письме младшему брату: что бы ни случилось со мной — ОТОМСТИ клятому врагу! Молодой боец жил с верой: наше дело — правое, мы победим!

Его армия держала оборону по Донцу и до поры, до времени прикрывала от внезапного вражеского удара с юга наши войска, сражавшиеся в Курской битве. Двенадцатого августа полки дивизии тоже пошли в наступление на Харьков. В числе первых

ворвались в город и освободили территорию тракторного завода, южные городские кварталы. Немцы превратили город в крепость, опоясанную противотанковыми рвами, минными полями, долговременными огневыми точками, уличными баррикадами, оседлали высоты и укрылись в лесных зонах. Бои шли жестокие. За освобождение Харькова личному составу дивизии объявили благодарность И.В. Сталина. Воины и дальше громили врага в полях, сёлах и городах Харьковской и Днепропетровской областей. Их «дорожная карта» — Мерефа, Новая Водолага, Красноград, Зачепиловка, Царичанка, Пушкарёвка...

Сохранилось ещё одно письмо Лазуренко этих дней.

Уже бывалый и закалённый в боях воин написал его и отослал в адрес редакции Ольховатской районной газеты «Коллективист». Оно было напечатано в номере от 30 сентября 1943 года.

Мы у Днепра!

Здравствуйте, дорогие колхозники! Примите привет от гвардии красноармейца Михаила Лазуренко.

Наша часть твёрдо идёт на запад. Сегодня, в пасмурное сентябрьское утро, мы подошли к седому Днепру. Фашистская сволочь цепляется за каждый куст, за каждый холмик. Но что может остановить волю гвардейцев? Ничто!

Мы спешим вперёд. Наше желание — быстрее освободить от фашистских захватчиков нашу родную землю. Обещаю ещё сильнее громить гитлеровиев. А вы получие работайте в тылу.

Вот всё, что я хотел вам написать, дорогие мои земляки.

До скорой встречи!

Гвардии красноармеец Михаил Лазуренко.

Полевая почта 59256 - 6.

В душе у молодого солдата прорастал поэтический мужественный дар, на тетрадный лист ложились слова, до боли трогающие сердце. И писал их быстро повзрослевший, закалённый воин. Свидетельством тому — хранящийся в архиве Министерства обороны приказ командира полка Афанасия Ивановича Захарченко. От имени Верховного Совета СССР он награждает главной солдатской медалью «За отвагу» своих бойцов.

Среди них третьим по списку в документ занесён «разведчик взвода пешей разведки гвардии красноармеец Лазуренко». Каким был взвод «пешей разведки»? Возглавляли его лейтенант и политрук. В штате числились пять сержантов и сорок шесть рядовых. Вооружение: 4 пистолета, 14 пистолетов-пулемётов, 2 винтовки, 30 самозарядных винтовок, 4 ручных пулемёта; транспорт не полагался.

Михаил отмечен «за смелые действия у хутора Колесники, где вместе с товарищами атаковали группу немцев и захватили двух пленных, две рации, два телефонных аппарата». В разведку с украчинем Лазуренко в тот час ходили гвардии красноармейцы: русский Григорий Павлович Королев, почти земляк, из Тарасовского района Ростовской области, татарин с Урала Манцур Садыров и Вячеслав Александрович Чекан, белорус с Полесья. Все парни сельские, колхозники, комсомольцы и беспартийные.

Хутора с названием Колесники были и есть в России, Белоруссии, Украине. Появлялись они там, где селились мастера колёсных дел. Этот хутор, где разведчики удачно вели поиск в тылу врага, ныне уже исчезнувший, находился близ села Староверовки Нововодолажского района Харьковской области. В здешних местах для бойца пролегал путь на запад. Здесь, где-то рядом, воевал тоже Михаил, поэт Тимошечкин:

Ночью в тьмущую тьму Брёл, шатаясь, устало, Рядом с теми, кому Утром пасть предстояло. С плавмостков на Днепре Прыгал в чёрную воду... Было то в октябре Сорок третьего года.

А ещё восьмого августа Гитлер вновь навестил Запорожье. Кто знал, что это был его последний визит в так и непокорённый Советский Союз. Вместе с фельдмаршалом Манштейном, изучая штабные карты, уже не говорили о новых наступлениях. Неудалые завоеватели до самого отлёта фюрера говорили и прикидывали, как быстрее закрепиться на берегах Днепра и создать непреодолимый Ostwall — Восточный вал.

Сплошной линии противостояния по фронту не было. Потому к Днепру спешили все. Отступавшие фашисты надеялись осенью-зимой отсидеться за широкой рекой, до середины которой, вспомним незабвенного Николая Васильевича Гоголя, редко какая птица долетала. Напротив, прорывавшиеся во фронтовые бреши-прогалы красноармейцы рассчитывали сходу форсировать речную преграду, чтобы и на том берегу не дать укрыться «немчуре», чтобы заставить вражеские армии и дальше пятиться и бежать в своё «логово». Из освобождённой Полтавы оживляли движение по железнодорожной «чугунке». «Вслед за солнцем» в сторону Киева отправляли уральские военные составы с новенькими танками и пушками.

Полки Четырнадцатой гвардейской дивизии солдата Михаила Лазуренко вышли к Днепру на исходе сентября у села Шульговка близ Днепропетровска. Здесь дивизия получила приказ — создать плацдарм вначале на острове, а затем и на левом берегу у села Пушкарёвка близ Верхнеднепровска. Хозяевами на острове уже были окопавшиеся немцы. Разведчики Лазуренковского 38-го полка днём пригляделись, где можно незамечено высадиться на песчаную косу. Нашли три рыбачьи лодки.

В тёмную осеннюю ночь на 25 сентября капитан Александр Фёдорович Кувашев, богатырь недюжинной силы, сумел скрытно переправить на остров свой батальон. Скрытно подобрались прямо к вражеским траншеям. Когда светало, комбат сам поднял бойцов в атаку.

Сошлись, схлестнулись врукопашную. Кувашев, кавалер ордена Александра Невского, уложил шестерых фашистов и пал наземь. сражённый пулей.

Яростного натиска фашисты не выдержали, отступили.

Комбата нашли убитым в окружении поверженных врагов. В селе Пушкарёвка его и похоронили в братской могиле вместе с боевыми товарищами. Среди них был заместитель командира батальона по политической части Иван Захарович Сидоров. Обоим посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

С кем ещё и как воевал на Днепре наш земляк Лазуренко? Численность полка — около двух с половиной тысяч человек. В боевых буднях дороги Михаила могли пересекаться с Кувашевым и Сидоровым. Вместе с ними он воевал с Северского Донца. И ещё с одним Героем «за Днепр» — Павлом Семёновичем Ханжиным. Он был на год старше, командовал взводом разведки, в бою на острове остался живым. Ханжину, одному из немногих однополчан Михаила, посчастливится — войну закончит в Германии, под Берлином, продолжит служить офицером в армии.

Дивизия вскоре заняла Вернеднепровский плацдарм. Откуда и началось освобождение Криворожья — «железной кладовой» страны.

Те фронтовые дни так запали в душу поэту, почётному гражданину города Россошь Михаилу Тимошечкину, годку и земляку Лазуренко:

Давили землю танковые части, И над плацдармом поднимался дым. И понял я, что истинное счастье—Побыть на этом свете рядовым. Но шла война. Налёты, развороты, Бросок к Кривому Рогу от Днепра...

- Пётр Чалый

И вот уже ни взвода и ни роты, Ни батальона – только номера. Сколачивалась сводная пехота, Другие все – кто вышел из огня. Но, помню, командир соседней роты Окликнул по фамилии меня.

В конце декабря Четырнадцатую гвардейскую дивизию перебросили чуть севернее, в Черкасскую область. Тарас Григорьевич Шевченко был бы рад — его родимые места очищали от фашистской нечисти. Здесь в январе — феврале 1944 года готовилась и гремела Корсунь-Шевченковская операция. Дивизия вошла в состав 53-й армии Второго Украинского фронта. Михаил Лазуренко участвовал в окружении и уничтожении большой группировки противника.

Очередной для фашистов Сталинград, «котёл под Черкассами» – так именуют это сражение сегодня немецкие историки. По их разумению, потерпели они здесь поражение (потеряв 55 тысяч убитыми и 18,2 тысячи человек пленными) по вине фюрера и генералов Мороз и Грязь. Адольф Гитлер не разрешил своевременно отвести войска от днепровского восточного вала. А далее «вмещались боги погоды. Русская зима 1941-42 года была самой морозной и снежной за последние 140 лет. А такой короткой и тёплой зимы, как в 1943-44 году на юге Восточного фронта, не помнили и старожилы. До 5 февраля Украина была укрыта снегом толшиной около 60 сантиметров, стояли морозы до минус 15 градусов. Но уже на следующий день неожиданно с юга вторгся тёплый воздух. Солнце, проливной дождь и тёплый ветер, объединившись, принесли бурную оттепель, которая вызвала гораздо раньше, чем обычно, обширную распутицу — за один единственный день чернозёмная украинская степь превратилась в глубокое вязкое месиво, с наступлением ночных холодов снова застывавшее, как камень. В этом бездонном болоте немецкие танковые и моторизованные соединения застряли уже на третий день и не смогли своевременно преодолеть пространство», чтобы пробить путь и выйти из котла окружения.

Михаил Лазуренко в составе своей дивизии и полка наносил «отвлекающий удар в направлении на село — райцентр Малая Виска Кировоградской области». Здесь, в украинских чернозёмных степях, навсегда затерялся след солдата. Случилось с ним то, чего страшился каждый. «А я боялся на войне, / Чтоб сонным в плен не захватили / И чтоб случайно не убили / От взвода где-то в стороне. / Чтоб бомбою в глухом овраге / Не уложило наповал, / Чтоб не пришли домой бумаги / О том, что без вести пропал...»

Пришло родным страшное известие. В той бойне немцам было не до пленных, тут бы самим живыми выбраться. Теперь только земля знает, сколько своих верных сынов накрыла она навсегда чернозёмным пологом...

Младший брат Григорий Степанович по возрасту, день Победы встречал шестнадцатилетним, не мог отомстить за брата. Его уже после войны призвали на морскую службу на Тихоокеанский флот. В руки вручили не оружие, а сварочный аппарат. Старший матрос занимался текущим ремонтом подводных лодок. Профессия сварщика металла на всю жизнь пригодилась на гражданке. В ближнем к исчезнувшему хуторку городу Россошь сполна и достойно отработал на объектах «Водстроя».

Брат Гриша и его дети, внуки, правнуки хранят память о Михаиле Степановиче. Девятого мая он с ними на параде в строю «Бессмертного полка».

Короткая жизнь Михаила Лазуренко, навечно оставшегося девятнадцатилетним, ответ тем, кто сегодня предаёт воина Победы. Кто вольно или невольно предаёт его товарищей, сладкоречиво воркует: «Лучше бы проиграли войну. Жили бы, припиваючи кусочки кильца немецкой колбаски баварским пивом». Получше вчитаемся в речи подельника фюрера Гиммлера. 4 октября 1943 года. Он выступает в Познани перед командирами войск СС: «Большинство из нас знает, что означает видеть перед собой сотни трупов, лежащих рядом, пятьсот или тысяча трупов. ...Такую страницу в нашу историю ещё никто не вписал, подобная страница никогда более не будет написана. Что происходит с русскими или чехами – мне абсолютно безразлично. Живут ли другие народы комфортабельно или они гибнут от голода, интересует меня только в той мере, в какой мы нуждаемся в них, как в рабах для нашего рейха. Если 10 тысяч русских женщин гибнут от голода, копая для нас танковые траншеи, то меня это интересует только с точки зрения готовности этих траншей для Германии. Мы, немцы, являемся единственным народом на земле, который достойно относится к животным, мы можем занять достойную позицию и в отношении человеческих животных, но было бы преступлением против нашей собственной крови проявлять о них заботу и передавать им наши идеалы». 6 октября Гиммлер там же развивает затронутую тему: «Что же относительно женщин и детей? Здесь есть совершенно ясное решение. Какой смысл уничтожать взрослых, позволяя оставаться жить мстителям, – их детям расти среди наших детей и внуков?»

На следующий день в концлагерь Освенцим привозят 1260 летей.

Известный писатель и общественный деятель Валерий Николаевич Ганичев в книге «Листая вёрсты дней» вспоминает разговор с маршалом Жуковым.

«Перед расставанием и прощанием я решился и задал неожиданный вопрос: «А всё-таки. Георгий Константинович, почему мы победили?»Маршал помолчал и сказал: «Хороший вопрос, важный. Ведь на начало войны мы были слабее, а они опытнее. Мы многому учились и изучали раньше у немецких генералов — Шлиффена, Клаузевица, Мольтке. Прусский офицер — это настоящая многовековая военная косточка. Немецкая армия всю Европу прошагала, и Францию, и Бельгию, и Данию, и Норвегию, и Грецию, и Чехословакию. Все перед ней склонились. Немецкая техника была лучше в массовом производстве — их танки, их самолёты, их пушки. — Маршал помолчал, взор его как бы затуманился, и он сказал нам важные и сокровенные слова: — Вот когда завертелась война, захрустели регулярные войска, оказалось, что у нас был лучший молодой солдат. Да, у нас был лучший, хорошо подготовленный идеологически, душевный, молодой, готовый к боям солдат!»

Жлеб художника

Басов Фёдор Петрович родился 3 марта 1910 года в селе Гороховка Павловского уезда Воронежской губернии. В 1916 крестьянская семья переселилась на железнодорожную станцию Россошь. После школы окончил Воронежский художественно-промышленный техникум, а затем Всероссийскую Академию художеств в Ленинграде. Член Союза художников. Участник Великой Отечественной войны. В 1945 вернулся в Россошь. Жил «вольным» художником — рисовал, устраивал выставки. Писал стихи, увлекался шахматами. Был награждён дипломом первой степени Всероссийской шахматной федерации за разработку игровых композиций. Скончался 25 ноября 1999 года.

В далёкие тридцатые годы Федя Басов, паренёк из воронежской Россоши, уезжал на учёбу в неблизкий Ленинград. Житель сельской глубинки выдержал серьёзное испытание, был зачислен студентом в Академию — главный институт Советского Союза, где «учили на художника». В наши восьмидесятые годы в Россоши открыли картинную галерею. Между этими разными, вроде

бы, событиями есть самая прямая связь. Здешнюю «Третьяковку» назовут именем Басова.

Федя учился хорошо. Если его сокурсника Бориса Щербакова, известного впоследствии художника, считали лучшим рисовальщиком, то Басов отличался умением «построить» картину, выделялся как мастер композиции. Слава «мариниста» Ивана Айвазовского сманила уроженца степного суходола на море. В Одессе он писал дипломную работу. На трёхметровом полотне главным героем был не только броненосец «Потёмкин». Навсегда очаровало, приворожило Федю «самое лучшее в мире Чёрное море моё». На выпускных экзаменах государственная комиссия под председательством знаменитого Константина Юона дала картине Басова высокую оценку и присвоила звание художника.

Работать же Фёдор Петрович поехал на Волгу, в Сталинград. Вскоре возглавил там областное отделение Союза художников. Сам много рисовал, помогал выставляться другим. Жил в «буче – боевой, кипучей». Так бы и жить. Но война всех оделила тяжкой недолей, жителей Сталинграда — особенно. Война и по Басову

проехала калёным катком.

Когда город стал линией фронта, Фёдор Петрович был рядовым миномётного полка. Покидая квартиру, главное своё богатство — больше ста полотен — снял с подрамников, скатал холсты в единый тюк. Засмолил его в деревянной кадке, бочку зарыл в подвале дома. Было это в июне сорок второго, перед фашистским нашествием. А в феврале сорок третьего, когда уже советские войска показали немцам, румынам, итальянцам «кузькину мать», отпросился навестить своё жильё и не мог найти место, где дом стоял. Так незваные гости авиабомбами перепахали заводской посёлок.

Сколько дозволяла служба, рисовал миномётчик и на фронте. Рисовал карандашом и красками в боевом пути на Берлин. Раздавал портретные наброски однополчанам. Самые удачные работы вновь копил и заветную суму берёг, как зеницу ока. Не уследил. При переправе через Прут утонула телега, а с ней и бесценный груз.

Вернулся солдат с войны в родную Россошь. Здесь встретилась суженая, ещё со школьных лет знакомая Аня, теперь Анна Ивановна, учитель учителей, работавшая в педагогическом училище. Вдвоём обживали свой семейный очаг.

Творческой личностью всюду быть не просто. В провинции у чиновника, какого не обойти, к «вольной птице» наготове вопрос: кем работаешь? Художником? Нет у нас такой должности...

Хорошо, что рядом понимающий тебя близкий человек – жена. Удалось сбыть Борисоглебскому драмтеатру картину «Доярки» – рады и тому. Не взяли другое полотно— не расстраивались, на одну зарплату рассчитывали. И ведь хватало не только на еду-одёжку. В любимом Крыму бывали, по Волге, по Дону путешествовали. Возвращались обязательно с чемоданом этюдов. На картинах оживала галечная россыпь, омытая сказочно голубой морской волной. С полотна улыбался цветок солнца— степной подсолнух.

Обидно, жаль, что мало кто видел его картины, что из увидевших ещё меньше понимали, ценили твой труд. Дважды хлопотами друзей удалось устроить выставки в Россоши. Поткнулся в Воронеж, собратья по кисти приняли не весьма дружелюбно.

Горько, наверное, видеть, как твои картины находят приют... под кроватью. Но наступал день, вновь становился у мольберта, вновь терзал себя, изводил душу, пока желанным светом не озарялось небо над крышами-стрехами хат старинной слободы.

Только кому поведаешь о своих муках? Верь, что твоим кар-

тинам, «как драгоценным винам, настанет свой черёд»?

Не прибедняйся, рядом Володя, учитель рисования Владимир Григорьевич Цимбалист, схоже мается у полотна. Приходит брать уроки одарённый хлопчик Боря Литвинов. Учительница Зинаида Кузьминична Северина надёжно заболела такой же хворью, не бросит уже кисть.

Мало-помалу не без вашего, Фёдор Петрович, участия в провинциальном городке сколотилась пусть не «могучая кучка», собрался круг людей, кому небезразлично искусство. При музыкальной школе открыли «отделение художников». А теперь и в профтехучилище, техникуме готовят художников по дизайну. Выставки по разным квартирам, где какой клуб приютит, заставил власть имущих обратить внимание на художников. А ещё стало известно, что на одном из областных смотров самодеятельного творчества член жюри митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий особо тепло похвалил все работы из Россоши: «душевным теплом, радостью светятся. Картины разными людьми писаны, а как одним мастером освящены...» Угадал Владыка.

Когда в новое помещение переселяли краеведческий музей, то почти без колебаний выставочный зал передали художникам. На очередную отчётную выставку распаковал свои узлы и Фёдор Петрович Басов. К нему уже захаживали богатые купчики. Прослышав об одиноком старом художнике, терпящем, конечно, нужду, предлагали ему немалые деньги. Удивлялись и удивляются, услышав вежливые отказы. Одному банкиру Басов прямо объяснил: кто, мол, увидит картину в вашем кабинете, вашего посетителя ведь интересует иное; в галерею придут те, кто хочет понять меня.

Работы художника заняли самый просторный зал. Портреты, пейзажи, этюды, на какие всегда подолгу засматриваются гости. Тут чувствуешь: в краске растворена душа. Здесь понимаешь, «что есть вещи, которые слово выразить решительно не может... Если всё можно сказать словом, то зачем тогда искусство живописи, зачем музыка?»

Крым сам по себе красив, кто хоть однажды был там, подтвердит. Мастер остановил мгновение, но не как фотограф. Да, он запечатлел «Радугу во время шторма», «Прибой на море», изгорбатившийся горами и скалами берег, «Пенистый берег». Нарисовал, пригласив задуматься о непреходящем, ценить редкие минуты общения с первозданной природой, какая сотворена Создателем как в назидание нам. Тем, кто успешно превращает её в окружающую среду, «человек сказал Днепру: я стеной тебя запру»...

«Люди, может, у моих картин вы станете хоть чуточку мудрее?» – не об этом ли вопрошают глаза художника с «Автопор-

трета»?

Любимый цветок у него - подсолнушек. Без которого, кстати, невозможно представить наши степные украины-окраины. Подсолнушек на ветру, на ясном лоскутке неба с лёгким облачком – земное солнышко, излучающее неизречимую радость.

«Обрыв на Дону», «Старая хата», край степной слободы — «это русская картина, это родина моя».

Свой и «Россошанский хлеб».

На подиуме, на застланном рушником возвышении покоится хлеб — круглый пшеничный каравай. Рядом — обычная ширпотребовская буханка, плетёный батон. На низке светятся бублики. Пряники в вазе, печенье, что тает во рту. А вот почтение отдано ему — мягкому, с хрустящей корочкой. Отведали его на вкус, говорят старожилы, в послевоенные годы, когда желалось «хлебушка наесться досыта».

Хоть в руки возьми, он ведь ещё тёплый...

Будет хлеб – будет и жизнь. Не так ли?

Картины свои Фёдор Петрович передал в дар городу Россошь, своим землякам.

…Наверное, в главном прав был тот провинциальный чиновник, неосознанно, конечно, прав, твердя Басову, что нет такой должности – художник.

Художником надо родиться и жить!

Певец городских окраин

1.

1984 год. Из местной газеты.

Сорокалетию Победы посвятил выставку живописных произведений художник из Россоши, ветеран Великой Отечественной войны В.Г. Цимбалист.

В зале районного Дома культуры представлены до полутора сотен картин и этюдов. Большая часть мастерски исполненных работ заставляет удивиться, как красивы наша родная природа и люди, живущие рядом с тобой.

– На трудных дорогах войны верили – придёт победный час, будет над нашей землёй мирное небо, – говорит художник. – Я и попытался напомнить языком живописи: отдавали фронтовики свою жизнь за эту красу, берегите её и приумножайте...

2.

Припоминаю: с Владимиром Георгиевичем свела-сблизила нас районная газета в начале 1970-х.

В редакции на «горячей» планёрке журналисты согласились, что совсем уж поскучнела первая страница. «Фотокорреспондент выдаёт портреты «окаменелых» лиц. Подписи к ним строгаем на одну колодку. «От штампов скулы оскоминой сводит», — высказывал сердито очевидное всем ответственный секретарь Виктор Семёнович Желтухин. Фотожурналист Иван Петрович Девятко, мастер своего дела, конечно, пытался оправдываться: потрясал подшивкой центральной газеты, убеждал, что его снимки ничуть не хуже. «Бракоделов везде хватает!» — ничтоже сумняшеся, утверждал непререкаемо «начштаба».

Судили-рядили и сообща решили: в первостраничном разделе, определяющем лицо газеты, — «человек труда», размещаем не фотографии, а нарисованные портреты заслуженных людей. Своего художника в штате районки нет, выбирать приходилось из общественных помощников. Уговорили Цимбалиста, преподавателя рисования в соседей третьей школе. Заботы на него возлагались не из простых. Предстояло месяцы кряду еженедельно выдавать на прожорливый газетный конвейер по портрету. И это человеку, без того обременённому обязанностями учительскими и домашними, ведь большинство старожилов нашего городка, Владимир Георгиевич был в их числе, традиционно и по привычке кормило семью с собственного сада, огорода. Уговорили — сказано точно ещё и потому, что большими гонорарными деньгами

художника редакция не могла зазывать, а ведь человеку с кистью-красками при желании бесхлопотно заработать прилично куда проще на оформительских поделках.

И вот, отправляясь в поездки сельскими дорогами, заезжаем за художником. Тут-то и пришлось видеть Цимбалиста в работе. Вместе беседуем с нашими героями: дояркой, механизатором, бригадиром. Владимир Георгиевич уже священнодействует над альбомным листом, обычно очень разговорчив, пока присматривается к лицу человека. Уловив в нём характерные черты, вдруг умолкал. Слышался только яростный росчерк остро отточенного карандашного «сердечка» о бумагу. Изредка отрывался на миг от листа, взлетала вверх ладонь, поправляя ниспадающий на глаза пышный чуб. В ту минуту сосредоточенности художник так уходил в себя, что не слышал даже оклика. Впрочем, его понимали – старались не докучать расспросами.

Запомнилось первое знакомство сельского жителя со своим, только сотворённым на глазах портретом. С нескрываемым интересом, но и с заметной недоверчивостью он брал в руки рисунок – и губы сами расплывались в улыбке.

– Вроде похож.

— Чего там вроде? Не придумывай. Точно тебя нарисовал, как сфотографировал, — вслух дивились умению художника всегда толпившиеся рядом свидетели открытого урока рисования.

После, годы спустя, доводилось видеть на межоконном простенке деревенского дома ровненько вырезанный из газеты портрет хозяина или хозяйки в остеклённой рамке.

 Схоже получилось, — это я услышал ещё в детстве и тогда же пристрастился к рисованию, — рассказывал нам Владимир Георгиевич.

Учительница вывешивала на классной доске картинку — зайчики с морковкой — и давала задание: срисовывайте, ребята. Володя исполнял задание быстро, а дальше... на тетрадном листе выписывал портрет соседа, своего однофамильца. На переменке в картинке все узнавали Васю Цимбалиста. И наперебой просили:

Нарисуй меня.

Так и закрепилось за мальчишкой звание школьного художника. Уже в четвёртом классе директор вызвала к себе Володю и сказала: заболел учитель, проведёшь за него урок.

– Боюсь ответить, что страшновато. А директор меня и не спрашивала. Завела в класс, объявила: Владимир будет у вас учителем, слушайтесь.

Повернулась и ушла. Ребята на меня глядят, все молчат, и я не раскрываю рта — не знаю, что им сказать. А затем будто кто меня

подтолкнул — взял в руку мелок и стал на доске рисовать то, что видел в окне: берёзку, лужок, коза пасётся на приколе. Мою картинку начали срисовывать и ребята. Пыхтели весь урок. К концу даже директор заглянула, удивилась: уж странно тихо в классе.

Тягу к рисованию в старшем сыне (в рабочей семье растили троих детей) поддерживала мать Евдокия Яковлевна. Отец слесарил в локомотивном депо, имел возможность бесплатно проехать железной дорогой. Собираются родители в Москву, попросит Володя: краски купите. Отец отмахивается, мол, баловство это. Его понять можно — на одёжку ребятне скоплены деньги, в большой семье каждая копейка учитывается. А возвращаются, мама всовывает сыну в руки свёрточек и, приклонившись к уху, тихонько наказывает сразу не разворачивать. Отец замечает, добродушно ворчит: чего, мол, теперь крыться, обхитрили его.

Те краски Володе, Владимиру Георгиевичу, – в памяти на всю

жизнь, как мамино завещание – не оставлять рисование.

...Дальний просёлок располагал к беседам. Художника сажали на переднее сиденье, а он чувствовал в начальственном кресле себя неуютно. Держался к нам вполоборота, охотно рассказывал о себе.

- Я кубанский казак! Родился в старинной станице Тимашёвской 25 мая 1924 года, когда вся семья уже сидела на чемоданах. Переехали на железнодорожную станцию Россошь. Здесь палку кинь в Цимбалиста попадёшь обязательно. Верить фамилии, кто-то в роду у меня был музыкант. Знаете, есть старинный музыкальный инструмент. Доска, на ней струны натянуты. Гусли древние точно! Тронь струны поют!
- Поселились рядом со станцией, на хуторе Эсауловка. Да, а ведь соседом у меня был артековец пионер Женя Карпов. Сейчас большой писатель. Не читали? В Ставрополе живёт. Свои книги мне присылает. Его переводят, за рубежом печатают.

Евгений Васильевич Карпов, дружбой с которым гордился Владимир Георгиевич, в преклонном возрасте напишет книгу воспоминаний. В ней начальная глава — об Эсауловке.

«Интересный это был хутор.

Был, потому что теперь уже его нет — город вобрал его в себя. Строения в нём, тогдашнем, были украинские — низкие хаты с высокими соломенными крышами, с узорчато расписными ставнями и окнами, с завалинками и чисто выбеленными стенами. Были и русские — дома, крытые железом, обшитые тёсом, с резными фронтонами и железными петухами на трубах.

В школе хуторяне учились русскому языку, а у себя дома говорили на «хохляцком», какой-то смеси из русских и украинских слов. И называли они себя хохлами, уверяя, что украинцы и хох-

лы — это совсем не одно и то же. Работали хуторяне на железной дороге, на станции Россошь. Сажали бахчи, водили птицу, коров, свиней. Даже не поймёшь: хуторяне были рабочими или рабочие были хуторянами».

Писатель Карпов сменит не одно место жительства – Подмосковье, Киев. Что интересно – над его письменным столом всегда будет висеть небольшая в размерах картина Цимбалиста: речка детства Чёрная Калитва в кувшинках, высокие вербы и крутой берег, где

Могуче веет дух былинный С речных обрывов и холмов.

Где

Скелет моста ползучий поезд Пронзает, загнанно дыша, И, в беспредельности освоясь, Живая ширится душа.

Это строки из стихотворения тоже земляка, близкого человека художнику — ныне известного русского советского поэта Алексея Прасолова, выросшего в заречном селе Морозовка.

Мамин завет – не терять Божий дар, страсть к рисованию – сын исполнил не сразу.

Из школы – в фабрично-заводское училище.

В цеху воронежского авиационного завода имени Ворошилова за станком готовил детали, не ведая, что из них на сборочном конвейере рождается первый в мире бронированный крылатый штурмовик. ИЛ-2 станет лучшим «воздушным танком» в небесах Великой Отечественной, Второй мировой войны.

В 1942 году авиазавод № 18 эвакуируют на Волгу – в Куйбышев-Самару. Володя вернётся в родную Россошь и сразу же

добровольцем уйдёт на фронт.

«Учили недолго. Стал связистом миномётной роты». Боевое крещение Цимбалист принял в полях под Курском. Сдерживали натиск фашистов, яростно рвавшихся взять древний русский город. «Марш-бросок к городку Суджа. Как в песне: с неба полудённого жара — не подступи! Первые бои суматошные. Вначале повезло — немцы отступили за речку, оставили нам свои траншеи. К ночи поступила команда: выдвинуться вперёд. Нашей пехоте миномётный взвод нужен в подкрепление». В сиянии лунном чужих приняли за своих — вошли в расположение противника. «Когда немцы и мы разобрались, кто есть кто, схватились драться врукопашную. Силы неравные. Отступаем. Да на минное поле. Много ребят полегло».

В Сталинградскую битву боец вступил воином опытнее. Его первый гвардейский механизированный корпус в составе войск 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта прорывал фашистскую оборону на Дону между станицами Боковская и Каргинская. В наступательной операции «Малый Сатурн» нанесли упреждающий удар по вражеским тылам с тем, чтобы пресечь попытки гитлеровцев проложить надёжный путь в «котёл» на Волге и спасти от

разгрома окружённую армию фельдмаршала Паулюса.

«В бою за хутор Астахов нужно было протянуть телефонный кабель к укрывшемуся впереди офицеру-корректировщику. Соединить его аппарат со штабом батальона. В пути под вражеским огнём погиб связист, мой земляк из села Морозовка Анатолий Белогорцев. Закрепил я надёжнее катушку с проводом на спине. Где шагом. Где ползком. А тут – метров двести открытая местность. Выждал, когда обстрел стих, и, что было сил, рванул через поляну навпростец – напрямик. Немцы теперь по мне быот из миномёта. Обошлось. Проскочил и свалился на головы офицеру и его телефонисту. Шальным осколком связиста ранило при мне. Перевязали. Офицер указал, где мне нужно занять место с хорошим обзором. Кругом разрывы, летят комья мёрзлой земли. пыль тучей. Подключаю телефон. Слышу голос командира. Кричу ему: «Жив! Пока ничего не вижу!» Опять всё улеглось. Замечаю, что немцы неподалёку из балки выбираются, сосредотачиваются на кукурузном поле. В трубку докладываю об этом командиру. Через считанные минуты наши миномётчики ударили точно в цель. Фашисты не успели подняться в атаку. На поле – сплошь убитые лежат. А мы почти без потерь освободили хутор».

«Со смертью разошлись разными дорогами, но ранить ранило. Лечился в госпитале. По состоянию здоровья в строй не вернули. Приехал домой, в освобождённую Россошь».

О своих боевых наградах Владимир Георгиевич не рассказывал. Но они были. В дни сорокалетия Великой Победы ему вручили орден Отечественной войны второй степени.

Война не ожесточила парней с сельских рабочих окраин. Они оставались духовной жаждою томимы. Фронтовик Женя Карпов поступил учиться в Литературный институт имени А.М. Горького. Любовь к рисованию привела воина Володю Цимбалиста в Ворошиловоградское (Луганское) художественное училище. По его окончании большую часть лет проработал школьным учителем рисования, перед выходом на пенсию — преподавателем в Россошанской детской школе искусств. Через его класс прошло не одно поколение учеников, остающихся благодарными учителю, какой ввёл их в «прекрасный и яростный мир».

И при всей понятной нам обыденной занятости Владимир Георгиевич смог из детских лет пронести умение кистью художника порадовать душу человеку. Судьба ведь не обделяет толикой таланта каждого из живущих на земле, но зачастую он так и остается частицей, добрым воспоминанием о юной поре. Учитель сохранил в себе чувство удивления чаще не замечаемой красой окружающего мира и выказал это чувство в картинах, какие и представил горожанам вкупе выставкой на шестидесятом году своей жизни.

3.

Несуетно всматриваешься в его картины. Словами трудно пересказывать нарисованное, но на то она и живопись, чтобы её смотреть. И всё же. Июньская «Дорога к Дону» в канун сенокоса чарует луговым половодьем зеленотравья. Тут, правда, краски, что называется, и в натуре бросаются в глаза. А вот в промозглом, сером «Туманном дне» теперь и тебе увиделось в чуть подтаявшем снеге долгожданное, желанное предвесенье. Немного отступишь в сторону — вдруг зажила малоприметная картинка, теперь действительно веришь художнику, что на речушке «Лёд сползает», что зашумел в луговой пойме тополёвый ветер, что потеплел зимний день, что несказанно чист свежевыпавший снег, что мартовские сугробы голубоваты, даже синие.

Без вопросов ясно, что в авторитете у Цимбалиста прежде всего мощное реалистическое искусство художников-передвижников, в течении их на века благодатных традиций он и старается держать путь. Стремится преодолеть слащавость в живописи, а это даётся не просто: любимое и родное всегда тянет приукрасить. Заставляет почувствовать щемящую грусть русской провинции.

После выставки невольно вдруг является в тебе потребность взглянуть пускай лишь на репродукции картин старых русских мастеров — хотя бы на ржаное поле и лесную глухомань Ивана Шишкина, увидеть вновь саврасовских «Грачей» и мокрое небо над «Мокрым лугом» Фёдора Васильева. Или отвести душу воскрешением в памяти полотен уже признанных твоих современников — от «Весны» Аркадия Пластова к берёзовым ветрам Валентина Сидорова, к «Хозяину земли» Александра Шилова. Уже рождением этого желания благодатно пусть малое, но утверждение правдивого, питающего ум и радующего душу искусства, не загадочно-ребусного, головоломного.

На большом иль малом холсте очевидное окружение, чаще тобою не замечаемое и вдруг ожившее во взгляде человека, одарённого художественным чутьём. Так и хочется картину сопоставить с «окном» в неброскую красками родину, пусть малую,

но твою, милую. Так и выплывают в памяти поэтические строки Анатолия Жигулина, в которых пронзительно точно запечатлелся городок шестидесятых годов: «Лугов желтеющая роскошь. За речкой тонкая ветла. И тихий белый город Россошь, где ты к вагону подошла».

Владимир Георгиевич слушает мои слова и соглашается:

– Ведь мои картины пишутся, как стихи. Останавливаюсь на бросившемся в глаза местечке, подсказавшем мне тему на новый холст. Изучаю, в какой час дня этот уголок выгоднее смотрится, мысленно обставляю пространство полотна. И когда уж про себя вижу картину, устраиваю этюдник на багажник велосипеда и спешу на «натуру», на мой пленэр.

Рисую, пока в душе не перегорело...

4.

Сквозь поэзию, как обычно случается, прорастает жизненная проза.

Ходишь по выставке одиноко, они ведь, к сожалению, редки в малых городках, Россошь не исключение, и уже потому мало посещаемы, что обидно. Впрочем, мало посещаемы не только по этой причине. Открытие своей выставки Цимбалист выхлопотал в разных рай-кабинетах. Люди, облечённые властью, должностью направлять культурное воспитание местного жителя, не спешили принять предложения учителя.

– Надо посоветоваться. – Называлось новое лицо. И хоть чувствовал себя докукой, Владимир Георгиевич не отступил. А теперь, устроившись у телефона со справочником, зазывно названивал по школам, училищам. Приводили учителя своих школярят, художник за поводыря, до хрипоты в голосе объясняет ребятне, как «увидеть» картину.

Съехались в дом культуры посовещаться, обсудить текущие хозяйственные дела руководители всей округи. Уж очень хотелось Цимбалисту, чтобы они в перерыве зашли на выставку, попросил объявить со сцены, пригласить. Вдруг кому глянутся картины, захотят у себя дома, в селе, украсить ими клубы, красные уголки. Дело не только и ни сколько в деньгах. Правда, и они не лишние... Кисти и краски, холсты, рамки и подрамники, этюдники в магазине за так, за красивые слова художнику не дают. Владимиру Георгиевичу не хотелось после выставки скопом увязывать свои труды, своё богатство и увозить в домашнюю кладовку. Почти стена в стену с Цимбалистом доживал свой век старый художник, не любитель, профессионал, член Союза художников России. Что-то не ладилось у него в жизни. Покинул он большой город, обосновался на жительство на родине, и теперь в его квар-

тире в безвестности выцветают в пыли и его картины, какие рисовал радовать душу человеку.

В канун местной выставки зал Дома культуры был обновлен пейзажами сторонних художников. Четыре картины куплены за немалые деньги. Нет, не халтура, стоящее искусство.

— Я бы нарисовал не хуже, зато своё, родимое, уже тем близкое. И дешевле обошлось бы, об этом хотел поговорить Цимбалист с директорами заводов, совхозов, с председателями колхозов.

Не уважили художника, посчитав прихотью его просьбу, постеснялись пригласить людей побыть гостями на выставке. Ближе к её закрытию состоялся разговор о купле-продаже картин для молодёжных общежитий. После авторитетных консультаций Владимиру Георгиевичу даже, как ему показалось, обрадовано известили:

– Не получается. Оплату по трудовому соглашению сейчас в банке не пропустят. Безналичные средства есть, но вам эти деньги не перечислишь. А потом – оценить картины должны знающие специалисты из областного центра.

Хлопотно чиновнику. Проще вежливо напомнить:

Снимайте, наверное, картины, зал высвобождайте. Конференция ответственная намечается, буфеты здесь будем размешать.

Я вызвался помогать ему. Картины Цимбалисту набился грузить в машину подпитой кочегар, Владимир Георгиевич как чувствовал, упрашивал:

Сами обойдёмся.

Помощник не отступился, но в конце работы остроугольным краем рамы неосторожно прорвал полотно лежавшей сверху картины. Чтобы не расстроиться, Цимбалист даже не стал осматривать её.

5.

Днями встретил художника,

– Хочешь поглядеть новую работу? С утра туман и гололёд, жена в голос: куда тебя несёт! А ведь получилось. Не зря, кажется, мёрз...

Вижу сосредоточенного, чуть сгорбившегося над этюдником человека, чьи волосы уже побиты седым морозцем...

* * *

Владимир Георгиевич ушёл из земной жизни рано, только-только отметил шестьдесят четвёртый день рождения. Случилось это 24 мая 1988 года. Поехал на угольный склад. Там ему загрузили тележку антрацитом. Гнал вслед за трактором велосипед. Обрадованный тому, что так удачно всё сложилось, спешил закидать лопатой уголёк в сарай. Скорее всего, не уберёг себя. Сердце не выдержало...

В начале двухтысячных в Россоши прижился фестиваль Слободской украинской культуры. Он всколыхнул даровитых – певцов, танцоров, любителей живописи. Лауреатам вручали «дипломы с именем». Лучшие из лучших мастеров декоративно-прикладного искусства награждались красочным листом с портретом Владимира Георгиевича Цимбалиста.

В первом выпуске альманаха «Слобожанская тетрадь» (Воронеж – Россошь, 2006 год) рассказывалось об именитом земляке.

...Гостям задворки обычно не показывают. А зря. Есть в них своя прелесть. Художник из Россоши Владимир Цимбалист всю жизнь любил рисовать городские окраины. После его внезапной кончины картины, этюды по воле родных уже в годы «базарной перестройки» попали на выставку-продажу. Вроде бы бесхитростная «натура» на полотне, картоне, а мастер в ней высмотрел такое, отчего вдруг теплеет душа. У нас, как всегда, с деньгами туговато. Полюбуемся и уходим. Надеялись, останутся картины в открывшейся местной галерее. Не вышло по-нашему. В кои-то веки занесло в Россошь американцев. Люди не из богатых, учителя, а выкладывали деньги, не торговались. В далёком Канзасе те небольшие полотна для них теперь, наверное, как окошко в Россию. Жаль, конечно. Случившееся не переиначишь. А задворки-то с нами! Выйди на окраину.

Полынь на огородной меже. Невесть из чего склепанный покосившийся заборчик. Старая груша с густыми ветвями в любую пору ветроломна, защищает дом. А видимая отовсюду церковная колокольня — как хранительница города.

Полюбуйся и вспомни певца окраин.

Часть работ Владимира Георгиевича Цимбалиста, к счастью, есть ещё в краеведческом музее и выставочном зале. Холсты хранят сокровенное. Его и наше.

Купола сияют всем

Ермаков Александр Николаевич родился 28 мая 1964 на хуторе Дальняя Загирянка Ольховатского района. Живописец, монументалист, член Союза художников России. Художественное образование получил в Россошанской детской школе искусств (1974-78), Орловском (1981-82) и Рязанском (1984-86) художественных училищах. Учился в Московском государственном художественном институте (1986-92), в мастерских профессоров А.С. Трофимова, К.А. Тутеволь, Е.Н. Максимова. С 1992 — участник более 20 зональных, всероссийских, международных выставок. Член правления монумен-

тально-декоративной секции MOCX (с 2001). Участвовал в росписи главного иконостаса, колонн, центрального зала, церковных соборов храма Христа Спасителя в Москве, в работах по украшению храмов в Москве, Воронеже, Оптиной пустыни в Калужской области, Сарове в Нижегородской области, Южно-Сахалинске. Живёт в Москве.

Коли посчастливится, войдите в Москве в храм Христа Спасителя, где под куполом главным высоко-высоко, как на небесном своде, вашему взору откроется святой Лик, то вспомните, что его рисовал-расписывал и наш земляк. Живописец Ермаков, зовут его Александр Николаевич. Рос он на хуторе Дальняя Загирянка близ Ольховатки, известной старейшим в России сахарным заводом.

Творить кистью на восьмидесятиметровой высоте! Дух захватывает от одной мысли об этом. Зоркий глаз нужен, крепкая рука и, конечно, талант. То и другое, третье сполна отпускалось Ермакову с сельского детства.

Уже бабушка Феня, когда жили на Яковщине, что в недальнем селе Караяшнике, откуда род Ермаковых пошёл, всё-всё припоминала. Про Плач-гору за речкой Ольховаткой. Мужиков на фронт когда провожали, то до той горы, откуда «до самого Воронежа шлях виден». «На степу» хлеба косили с песней. Тяжкая работа в памяти оставалась как праздник.

Схоже в трудах праведных жили отец с мамой. Николай Данилович шоферил в колхозе-спецхозе. Зинаида Васильевна работала в лесничестве. Растили Сашу и меньших девочек Люду и Веру. Растили без баловства. Огородные заботы, хлопоты по хозяйству принимались, как должные, не были в наказание.

Острый глаз, пытливый ум сельского мальчишки вбирал в себя окружающий мир, какой и выплеснется в цвета на полотно картины.

То будет спустя годы. А пока Загирянка, потому и Дальняя, что путь с хутора в поселковую школу неближний. Зато дорога лугом, вербами вдоль речки с загадочным именем Чёрная Калитва в любую пору года всегда по-своему интересна. Пока шёл тропкой, просёлком, поселковой Гагаринской улочкой, притулившейся обочь косогора, невольно выхватывал картинки. Запечатлённые на

бумаге, они оживляли бабушкины песни: хатка в вишнёвом саду, сояшник — соняшник — подсолнух — часовым посреди огорода, зелёный гай в непролазном из-за колючего тёрна займище.

Саше повезло на первых учителей рисования в детской школе искусств. Ездить к ним пришлось в соседний городок Россошь. Покойный теперь уже Владимир Георгиевич Цимбалист остался в картинах певцом провинциальных задворок. Не захочешь, а влюбишься вместе с художником в то, мимо чего сто раз на дню равнодушно проходил мимо. Борис Тимофеевич Литвинов, к которому и сейчас в нечастые наезды из столицы домой всегда старается заглянуть на вечерок благодарный ученик, открыл ему мир искусства во всём великолепии от рублёвской «Троицы», от рафаэлевских мадонн до «Весны» Пластова.

«На занятия Саша являлся по субботам, я сначала даже не знал, что он добирается к нам из соседнего района, — рассказывал Борис Тимофеевич. — Потом раскрылось, что паренёк даже по зимней дороге в три десятка километров предпочитает ездить на велосипеде. Купался в проруби. Для художника, конечно, не это главное. Я говорю о характере. А в рисовании Саша тоже сразу выделился. Домашние задания всегда с перевыполнением. После каникул возвращается с альбомами рисунков. Советы, замечания понимал и принимал с полуслова. На глазах набирал мастерство».

«Получил Саша диплом в нашей школе. Вижу — привязал себя к рисованию, — припомнила работавшая завхозом в школе искусств тётя Анна Даниловна Левченко. — Говорит: буду поступать в Орловское художественное училище. Попыталась на Воронеж его переагитировать: ближе ездить, сумку с продуктами можно передать. Он мне объяснил, как взрослый: в Воронеже только открывается училище, преподаватели неизвестно какие будут, а в Орле опытные. Показал мне журнал «Художник» с картинами тех мастеров, у кого собрался учиться.

В Орёл приехали. Взяли адрес квартиры в училище. Попали на окраину, в доме грязно. Жалко стало его тут бросать. Пошла к коменданту общежития, набралась нахальства и положила ей на стол гостинец — курицу, что Саше зарубили. Нашлось место в комнате с дипломниками. Саша сразу с ними взялся рисовать. Кто там оценил его способности, не знаю. А зачислили его прямо на второй курс.

После в армии служил. Доучивался в Рязани. Тут он меня послушался. В Орле выпускникам давали диплом учителя рисования. А ему нужно было окончить класс живописи, раз хотел учиться на художника. Заявил: хоть десять раз буду сдавать приёмные экзамены — пока не поступлю в институт.

На выпускные экзамены в Рязань выслали ему немного деньжат. Июнь, июль проходит — ни Саши, ни письма. В августе забеспокоились. У меня уже в мыслях дурное. Хоть на розыск в милицию подавай. Заявляется. Обросший, борода не борода, «а у меня бритва сломалась». Жарище, а он в тёплой рубахе, «пообносился, а новую купить не за что». Вгорячах прочитала ему «Отче наш», теперь, говорю, рассказывай, где пропадал. «А я, тёть, в Москве в Суриковский художественный институт поступил». Не верю, знаю, какой там конкурс, как в космонавты. Протягивает мне бумагу о зачислении в студенты.

Чего же сразу не сказал? Голодный ведь? Давай за стол!»

...В изданном в Москве небольшом альбоме «Русское искусство конца XX века» есть страничка Александра Ермакова. Репродукция картины «Поздняя осень». В ней он как бы воплощает заветы Владимира Цимбалиста: видеть дорогое в неброском — старый, старинный дом в осеннем отгорающем цвету.

Приглашение Ермакову расписывать храм Христа — как награда за многолетние труды, какие он принял с детства, как при-

знание свыше художнику, который состоялся.

«Вначале сделали уменьшенный в десять раз макет купольного свода, — рассказал Александр Ермаков своему учителю. — Подняли его на восьмиметровую высоту. Подправили эскиз. Работу принимал и благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Увеличить росписи пробовали с помощью компьютера. Не получилось. Надёжнее оказался старый простейший способ. Расчертили макет на квадраты и переносили так рисунок.

Расписывали не сам свод. Под ним подвешена незаметная снизу купольная сфера — роспись дольше сохранится. Легче её обновлять кому-то доведётся».

Хотя не скоро это придется делать. Расписывали ведь на века. Как и храмы на Киевском, Белорусском и Казанском вокзалах Москвы. Как церкви в Сарово, Оптиной пустыни, на Сахалине...

Ковыль по ветру стелется...

Вроде совсем недавно в телефонной трубке обычно раз в месяц знакомый голос сообщал:

- Чистоклетов напоминает о себе.

Григорий Фёдорович говорил с хрипотцой, чётко чеканя слова хорошо отработанным за долгие годы на школьных уроках голосом учителя.

– Письмо получил. Спасибо. Как дома в Митрофановке побывал, вместе с вами поездил по полям, по нашим горам и долам.

Ветерана Великой Отечественной войны «заточил» в стенах городской воронежской квартиры тяжёлый недуг. Артиллерист-«огневик» немало снарядов в руках понянчил, пушку выкатывал на прямую наводку. В марте 1945 года, воевал тогда в составе 3-го Белорусского фронта, попал в госпиталь, где перенёс хирургическую операцию на венах. С возрастом болезнь суставов и вен всё чаще и чаще напоминала о себе, пока вконец не обезножила.

Нетрудно представить, что означало это (находил в себе силы шутить) «великое сидение» для него, учителя географии, который вместе со своими ребятами исходил Воронежский край вдоль и поперёк, путешествовал немало по Советскому Союзу.

Даже по внутриобластной «междугородке» долго не поговоришь, счётчик быстро из копеек наматывает рубли. Потому приходилось останавливать увлекавшегося беседой Григория Фёдоровича. Отмечал на листке его просьбы — в Митрофановке заглянуть на дачу-усадьбу, разузнать в школе то-то и то, в Кантемировке передать приветы журналистам районной газеты, статья для них почти готова, занести книгу в районный отдел образования. Обещал ему обстоятельно написать обо всём.

...Я не был школьным учеником у Чистоклетова. В шестидесятые годы студентом Воронежского пединститута сотрудничал в нашей многотиражной газете «Учитель». Попало в руки письмо со статьёй о поездке Льва Николаевича Толстого в Воронежский край. Не вчитываясь, вслух засомневался в достоверности рассказанного. Сам ведь родом из тех мест. Краеведением меня уже всерьёз «заразил» мой сельский учитель-подвижник Иван Иванович Ткаченко, который в истории края «всё знал». Но и он вроде бы тоже слыхом не слыхивал о том, что великий писатель был в Митрофановке. Сомнения сразу же развеяла редактор газеты Екатерина Михайловна Иванова.

– Автор очерка – человек серьёзный. Он у нас в аспирантуре учился, преподавателем работал. Учебник по географии Воронежской области с его участием написан.

Оказалось, Григорий Фёдорович Чистоклетов, возвратившийся после аспирантуры в свою сельскую школу, действительно, ничего не выдумывал, не сочинял. Ещё с начала пятидесятых годов он с завидным упорством и терпением «раскапывал» краеведческую тему. Он стремился к тому, чтобы его ученики, односельчане знали собственную историю, свою родословную, гордились ею.

Позже меня, журналиста, работающего собственным корреспондентом областной газеты «Коммуна» по югу Воронежской области, познакомит с Чистоклетовым мой школьный наставник Ткаченко, кстати, тоже фронтовик. Встречаться будем в «учительском имении», так Григорий Фёдорович называл своё подворье на окраине Митрофановки. Роскошные яблони под сенью ветроломной лесозащитной полосы. Островок ковыльной не тронутой плугом степи, за ним он любовно присматривал. Заповедным островком он гордился. Огородик-кормилец спускался в балочку — к пруду, сотворённому с его участием. На самой усадьбе — кухня, времянка и остов фундамента дома, который так и оставался недостроенным.

Беседовали в рабочем кабинете. Пишущая машинка на столе в окружении книг, папок с бумагами и фотографиями, письмами. Кажущийся беспорядок для постороннего, но у хозяина всё на своём должном месте. С ходу берёт потребовавшийся вдруг в разговоре книжный томик из библиотечной «обоймы» на полках. В полчище бумаг сразу находит нужный документ.

Не скрывал радости. В Воронеже вышел краеведческий сборник «Собеседник» с его очерком «Сюда приезжал Толстой». В Ростове-на-Дону в коллективной книге напечатали подборку его стихов. На страницах «районки» вёл читателя в мир родной природы, призывал беречь травинку, деревце, братьев наших меньших.

Мечтал на исчезнувшем хуторе Ржевск восстановить-возродить усадьбу Владимира Григорьевича Черткова, в которой располагалось в восьмидесятые-девяностые годы XIX века известное просветительское издательство «Посредник», где бывали не только «великий Лев», но и писатель Александр Иванович Эртель, художники Алексей Данилович Кившенко, Николай Александрович Ярошенко, другие именитые в русской культуре люди.

Мечтал степь родимую украсить рощами и прудами.

Что-то удавалось сделать. Хотелось большего.

Самолично издавал свои рукописи: печатал на машинке и переплетал в плотные обложки. Часть трудов всё-таки пробились в свет из типографий. Помогли бывшие ученики. В библиотеках и школах Кантемировского, Богучарского, Россошанского районов стали учебным пособием его «Очерки о родном крае». Интересны читателям его книги «Богучарская юность», «В степном Воронежском краю».

К сожалению, в «самиздате» остались рукописи стихов, документальной прозы — «Воспоминания старого солдата», «Я не был убит подо Ржевом».

Фронтовые будни въелись в память намертво.

«По радио услышал: поляки, теперешние жители бывшего немецкого городка Голдап в Восточной Пруссии, требуют возвратить им из Смоленска бронзового оленя, вывезенного из Роминтенской пущи. Смоляне ответили, что скульптура, действительно, взята в тогдашней Германии на даче Геринга в счёт репараций с побеждённой страны. Немцы ведь беспощадно грабили Россию во время войны. Потому и поплатились не только бронзовым оленем».

Радиопередача оживила события военной поры.

«Не знаю, как уцелел в боях под Смоленском в июле 1941 года. С неба бомбовый град сыпется. На земле фашисты танками утюжат».

Григорий Фёдорович вспомнил голодную весну 1942 года на Калининском фронте. «Мы ели полусырую конину. Подбирали битых, вытаивавших из-под снега лошадей. Варили, кто, как и в чём мог. Свидетельствую потрясающий факт: семнадцатого марта сорок второго я, исполнявший обязанности старшины, получал бумажные мешки. На них было помечено, что сухари приготовлены четырнадцатого марта в Челябинске. Не всякий, думаю, может себе представить, какие трудности переживала страна, если приходилось самолётами доставлять за тысячи километров на боевые позиции ржаные хлебные сухари с Урала голодающим красноармейцам».

«Но вернёмся к нашим бронзовым и живым оленям. К осени 1944 года вышли на границу Восточной Пруссии. Здесь я услышал и запомнил названия городка Голдап у лесной пущи не только потому, что тут находились охотничьи владения великогерманского рейхсмаршала авиации Германа Геринга. Вражеские укрепления сходу не взяли. Крепкий орешек раскололи мы, артиллеристы. Хоть хозяин убеждал соотечественников: границы неприступны! В прорыв пошли танки, пехота. Ворвавшиеся в город рассказывали, что немцы от страха теряли рассудок и в ужасе прыгали через каменные стены заборов. Настолько неожиданным стало появление русских для жителей города, верили Герингу. Было отчего сходить с ума. Вражеская пропаганда срабатывала. Сам видел фашистские плакаты. Красноармеец с невыразимо зверским лицом и кинжалом в зубах, огромных и страшных, держал в руках миловидную женщину в ночной сорочке. Плакат впечатлял.

Немцы разбегались перед наступавшими нашими войсками так стремительно, бросали буквально всё в своих фольваркахусадьбах. И тут мы начали было брать реванш за ржевский голод. Домашние свиньи бегали под ногами стадами. Вакханалию сразу пресёк Приказ Верховного Главнокомандующего. Суть его — мы

пришли в Германию не как мстители, а как освободители. Мародёрство должно строго караться. Брошенные врагом и жителями материальные ценности собирались, строго учитывались и использовались в организованном порядке. Даже за безрассудно загубленного поросёнка можно было поплатиться.

Вот тут-то и пошли нам во благо олени. Роминтенский лес с имением Геринга оказался на нашем пути. Мы убедились, что оленина куда вкуснее поросятины. Когда войска стояли в обороне перед январским, сорок пятого года, наступлением, снабжение диким мясом велось организованно. Специальные отряды отстреливали только потребное для питания число оленей и косуль. А этого зверья там водилось множество, встречались то и дело непуганые табунки.

Мне довелось увидеть, специально ходил посмотреть, одно из мест, где Геринг охотился. Продолговатая лесная поляна. На одной опушке расположены разные соблазнительные кормушки для зверей. А напротив — охотничий «шалашик». Добротная постройка с широкой амбразурой в сторону кормушек. Перед ней — стол, лучше сказать — широкая полка. Становись, ставь локти на полку и жди прикормленных зверей. Беспечно придут они на обед, стреляй — недвижных и беззащитных. Не охота, а убийство, но называется почему-то охотой.

Вот там, под городом Голдапом, в главном геринговском фольварке и стояло бронзовое изваяние грациозного европейского оленя. Скульптура стала копеечным предметом для возмещения ущерба, какой причинили нам фашисты побеждённой Германии. О чём напомнило мне радио...»

Рассказывал Чистоклетов о селе Лебединка Богучарского района, где в 1919 году он в крестьянской хатке «родился не в рубашке, но и не совсем без рубашки», о родных и близких, о летах учебы в школе и Богучарском педучилище. Русский язык и литературу ему преподавала Ольга Павловна Страхова, какая в Богучарской гимназии учила «гения нашей литературы — Михаила Александровича Шолохова». «Добрейшая, необыкновенно терпеливая и требовательная учительница. Всегда ровная, ласковая, с резким, казалось, но хорошо поставленным голосом, она с величайшим усердием учила нас грамотно писать. Учила культуре в речи.

Ольга Павловна при проверке контрольных работ по русскому языку, сочинений ставила оценки не только за грамотность, но и за почерк. Кроме того, на тетрадных полях всегда указывала номер параграфа в учебнике, где изложено то правило, на которое ты допустил ошибку.

С оценками за наши почерки произошёл один небольшой курьёз. Однажды на уроке литературы Ольга Павловна рассказала нам, как они с подружками-гимназистками послали письмо Льву Николаевичу Толстому с вопросом: бывал ли он в Богучаре? Спросили потому, что в романе «Война и мир» есть схожее название населённого пункта. Лев Николаевич ответил гимназисткам. И вот это письмо классика она сохранила и принесла к нам на урок, прочла. Пересказываю по памяти: «В Богучаре никогда не был. Недалеко от Смоленска есть местечко Богучарово, откуда и взято это название». Всё было бы хорошо, если бы Ольга Павловна только прочла нам записку и оставила её без комментариев. Но она сказала, что почерк у Лъва Толстого «на единицу». Вскоре сама обнаружила печальные последствия этой своей промашки. Наше «чистописание», и без того далеко не блестящее, стало ещё больше портиться. Мы резонно и негласно, каждый про себя, решили: если сам Лев Толстой пишет «на единицу», то нам уж и подавно можно обойтись без красивого почерка. Трудно пришлось Ольге Павловне переубеждать нас в этом заблуждении. Письмо Толстого я подержал тогда в руках, но, действительно, не разобрал ни одного слова».

У Григория Фёдоровича не сбывалась заветная мечта — публикация книги «Географическое краеведение в сельской школе». «Это главный итог моего педагогического пути». Нежданно помогла моя заметка в областной газете «Нет повести печальнее на свете...» Нашлись попечители, издали его «Очерки о родном крае». Вместе с книгой получил письмо — «Я от души Вам благодарен».

Справедливо обижался, когда узнавал, что вроде бы близко знакомые краеведы без спроса и ссылок использовали в печати его находки. Случается среди нашего брата и такое.

Жалился на обманную телевизионную и радиорекламу лекарств. «Отдавал за них всю пенсию, а результат нулевой».

К наступающему Новому, 2007, году я готовил ему подарок: вот-вот должен был выйти из печати альманах «Слобожанская тетрадь» с рассказом-очерком Чистоклетова. А ещё в типографии уже переплетали «Воронежскую историко-культурную энциклопедию». В ней публиковалась творческая биография Григория Фёдоровича. Но мои добрые новости упредил междугородный телефонный звонок:

С вами говорит Пётр Фёдорович Чистоклетов, младший брат. Григорий Фёдорович скончался...

Помолчали.

Мир праху твоему – человек. И да будет тебе пухом земля, которой ты сердечно признавался:

Безумно люблю ковыли. Красивей природы не знаю, Богаче не видел земли.

Белорусские земляки

Вминске самой посещаемой всегда бывает выставка нашего знаменитого земляка — народного художника республики Беларусь Александра Кищенко. Что интересно, книгу о нём написал тоже уроженец Воронежского края.

Бориса Крепака «открыл» мне Анатолий Артёмович Морозов, давний знакомый, ветеран пожарной службы вдруг вспомнил: «У меня есть друг-писатель. Наш, из Россоши. В детстве вместе по садам лазили, рыбачили, за одной школьной партой сидели. Сейчас он в Белоруссии известный человек».

Вскоре Анатолий Морозов вручил книги.

Документальная повесть «В поединках на высоте» посвящена белорусу Герою Советского Союза Александру Горовцу. Единственный в мире лётчик в одном воздушном бою сбил девять фашистских самолётов. Случилось это на Курской дуге.

Книга интересна ещё и тем, что написана совместно с Людмилой Крушинской, родной племянницей лётчика-героя. В его военной биографии авторы, кстати, нашли и воронежскую страничку. После сражений в небе Северного Кавказа, над Кубанью, Александр Горовец в составе 166 полка 217 истребительной авиадивизии в глубоком тылу «оседлал» новую боевую машину Ла-5. Тренировочные полёты убедили, что на «лавочкиных» можно сражаться с «мессерами» на равных. Истребители скоростные, хорошо вооружены, отличны в управлении. Весной сорок третьего года эскадрильи перебрасывали поближе к линии фронта.

«Показались ориентиры — железная дорога, за ней - река Осередь, Шипов лес. Это Бутурлиновка. Экипажи сели благополучно, хотя аэродром размок после весенних дождей».

Отсюда Горовцу пришлось слетать и в Россошь. Получил приказ: организовать доставку горючего. «Пролетев на У-2 вдоль Осереди, миновал Дон. А вскоре увидел у хутора Красный Пахарь полевой аэродром. Его уже ждали.

Договорился насчет топливозаправщика и, погрузив в самолёт баллон со сжатым воздухом и две телячьи тушки, доставленные с мясокомбината, Александр вылетел обратно». В Бутурлиновке задерживались недолго. «25 апреля приземлились на полевом аэродроме Русская Тростянка, недалеко от Острогожска».

На земле Воронежской приказом Верховного Главнокомандующего авиаполк был преобразован в 88-й гвардейский, авиадивизия — в 8-ю гвардейскую. Лётчики в небе прикрывали наши войска «в районе Свобода /Лиски/, Коротояк, Острогожск».

Свой последний и решительный поединок с фашистами Александр Горовец принял по присловью: на миру и смерть красна. Шестого июля 1943 года у шоссе Белгород — Обоянь на глазах у танкистов, пехотинцев вывел свой истребитель на армаду вражеских бомбардировщиков.

Такого подвига мир ещё не знал.

Короткую, но яркую жизнь Героя воссоздали авторы на основе архивных документов, писем, дневников, воспоминаний тех, кто знал Александра Константиновича Горовца.

* * *

Литература «факта», документальная проза, а ещё и мир искусства стали «нивой», на которой трудится уже полвека Борис Крепак.

Биография Бориса Алексеевича складывалась так. Родился он в 1940 году в хуторе Подгорный, это «пригород» Россоши. Среднюю школу № 63, сейчас она третья городская, заканчивать не пришлось. Мама увезла в Белоруссию. Учился в Ленинградском государственном университете. Выпускник отделения искусств исторического факультета. После — Минск, работал научным сотрудником в художественном музее, в аппарате Министерства культуры Белоруссии. Был секретарем правления Союза художников республики. Сейчас — редактор отдела изобразительного искусства в республиканской газете «Культура».

На личной книжной полке Бориса Крепака — больше сорока книг, монографий, альбомов о художниках, изданных в Москве, Киеве и Минске. Печатался в Болгарии, Германии, Индии, Польше, Франции и других странах.

Заслуженный деятель искусств Беларуси, лауреат Национальной премии «За духовное возрождение».

* * *

Творческий путь Крепака не мог не пересечься с именитым земляком, народным художником Беларуси. Из встреч и бесед родилась выпущенная в Москве в 1988 году книга-альбом «Алек-

сандр Кищенко. Человек. Земля. Вселенная». Крестьянский сын с воронежского хутора Белый Колодезь был из породы тех, для кого вся жизнь — в работе. Выпускник Львовского института прикладного и декоративного искусства приехал в Минск преподавателем в театрально-художественный институт.

«Ставил он натюрморт. Это было незабываемо. Дверь в класс была открыта, заходили студенты и из других групп. Заходили, чтобы посмотреть, как Кищенко из самых простейших предметов: банок, склянок, яблока, шарфа, какого-то несуразного сухого цветка, не замечая никого вокруг, виртуозно составлял постановку, делая упор на выявление красного, синего цветов. Все смотрели с раскрытыми ртами, удивляясь, как можно «из ничего» творить такую великолепную эстетику. Закончив работу, он сказал: «Ребята. пишите!»

Своей судьбой Кищенко будто утверждал, что в славянском единстве наша сила. Уроженец степной России. Учился на Украине. Жил и трудился в Белоруссии. Его работы есть в музеях Минска, Москвы, Киева.

Мастер возродил старинные славянские традиции в чуть было не позабытом ремесле — в ковровом ткачестве на ткани. С маминых рушников национальные узоры и орнаменты перешли на самый крупнейший в мире несшивной «Гобелен века». «Его надо прикрепить к звездам, чтобы войти в мой художественный мир». — так говорил об этой своей работе сам художник. За особый вклад в развитие культуры Беларуси ему, Кищенко, вручили орден просветителя Франциска Скорины.

Александр Михайлович не забывал «милую родину — Богучар». Каждое лето он старался проводить здесь, у мамы Фёклы Прокоповны. Художника с этюдником и красками можно было встретить на полевой меже и в приречных лугах, на крутых берегах Дона и у тихой речки Богучарки. «Нигде мне так не работается, как дома», — признавался близким. Тут рождались наброски к известному портрету великого земляка Михаила Шолохова. Зарисовки с натуры позже ложились в полотна картин.

«У Александра Кищенко был особый дар заводить дружеские связи с неординарными личностями: у него в друзьях ходили Сергей Параджанов, Юрий Никулин, писатель Виктор Некрасов, украинский кинорежиссёр Юрий Ильенко и киноартист Иван Миколайчук, создавшие прекрасный фильм «Белая птица с чёрной отметиной». Позднее почитателями таланта Александра Михайловича станут оперные певицы Мария Биешу и Елена Образцова. Елена Васильевна летом дважды приезжала к Кищенко в гости на его родину».

Кищенко, по сути, оставался и жителем Богучара. При его участии в городке появились краеведческий музей и детская школа искусств. В музее теперь постоянно открыты выставки картин и работ Александра Михайловича, а школа носит имя почётного гражданина Богучарского района. Есть в городе и улица художника Кищенко. Есть и его Дом-музей.

* * *

Узнав о том, что на его родине вышла в свет «Воронежская историко-культурная энциклопедия» и готовится её второе, дополненное издание, Борис Крепак вызвался помочь в розыске имён наших воронежцев. Так он уточнил места рождения поэта, члена редколлегии журнала «Неман» Фёдора Ефимова из села Новотроицкое Терновского района, члена президиума Союза писателей Белоруссии Александра Соколова из таловской Александровки.

По крупицам восстанавливается судьба военного историка Николая Андрющенко (1918-1983). Хуторской паренёк из-под Россоши окончил школу, рабфак. В 30-е годы его взяли журналистом в районную газету. Поступил учиться в Ленинградский университет. Учебу прервала война. Сражался в штурмовой авиации. После Победы остался на армейской службе военным журналистом. Ушёл в запас в звании подполковника и продолжал трудиться научным сотрудником в Институте истории Академии наук Белорусской ССР. Важный факт в биографии: в 1969 году на открытии Хатынского мемориала, который возвели в память сотен сожжённых фашистами сёл и хуторов, людям вручали книгу «Хатынь». В ней Андрющенко впервые рассказывал о трагической истории села и его жителей.

Исследуя историю Великой Отечественной войны, наш земляк написал книги «Народное ополчение Белоруссии», «На земле Белоруссии летом 1941 года». Николай Кириллович обобщил большой фактический материал из архивов и музеев, из встреч и бесед с партизанами и фронтовиками.

Труды его служат, ещё долго послужат людям.

* * *

В «героях» книг Бориса Крепака тоже «неординарные» люди: художники Белоруссии Михаил Савицкий, Леонид Щемелёв, актёр и певец Владимир Высоцкий, «отец» знаменитых «Песняров» Владимир Мулявин.

«А память с возрастом возвращает тебя туда, где твои корни, – признаётся он в письме. – Корни твоего Древа жизни. Где похо-

ронены твои родные — дедушка, бабушка, дядя; все Морозовы по маминой линии. Мечтаю приехать на родину, встретиться с друзьями детства. С 1998 года не видел их. Только перезваниваемся.

Пишу книгу «Свет погасших маяков». Глава о детстве, о хуторе Подгорном под Россошью, о самой Россоши, так и называется – «Все моё – оттуда».

Мослесловие

Над полями, да над чистыми...

Как знать, как знать – вдруг да уездная, районная российская глубинка утвердит уже не однажды сказанное: если суждено возродиться нашему многострадальному Отечеству, то оно восстаёт, воскрешается из недавней порухи в провинции.

В Удеревке листопад

В липовых аллеях золотой листопад. Осенней порой особо удивителен этот парк-лес среди чернозёмной степи на белых меловых крутогорах, которые омывает загадочно поименованная речушка Тихая Сосна. Отсюда открываются прозрачные дали во все концы света. Там некогда уездный Острогожск, осовремененный высотным замком элеватора-хлебохранилища. В другой стороне — ставшая горожанкой слобода Алексеевка, крестьяне которой подарили миру янтарное подсолнечное масло. О том теперь памятью кованный в бронзе смекалистый мужик Бокарев. А здесь, сейчас, лесной островок да гранитные камни-валуны напоминают: стояли тут Покровский храм, дворянская усадьба Удеревка. Появилась она У-дерева. Знаменитой остаётся как родина русского поэта и философа Николая Станкевича. А ещё рассказывают, «пришёл отсюда сказочный Кольцов»...

Вновь сюда гостей, как говорили в старину, со всех волостей – из соседних Белгородской и Воронежской областей, из Москвы и Петербурга, из Харькова — созвал «Удеревский листопад». Так в Алексеевке называют ежегодный литературно-музыкальный праздник, посвящаемый земляку, поэту и философу Николаю Станкевичу в день его рождения.

Сын сельского дворянина, выпускник словесного отделения Московского университета, почётный смотритель Острогожского уездного училища прожил всего лишь 27 лет. Короткий век его очерчен годами — 1813-м и 1840-м. В небольшом творческом наследии есть поэзия, проза. Особенно важны письма, читают-

ся они, как художественно-философские очерки. Без Станкевича и его знаменитого московского кружка мир русской культуры остался бы «неполным». Духовным наставником признавали Николая Владимировича его великие современники. Наша гордость — так сказал о Станкевиче будущий русский писатель молодой Иван Тургенев. Под этими словами подписались бы совершенно разно мыслящие люди: западник Виссарион Белинский и славянофил Константин Аксаков, а ещё — историк Тимофей Грановский, философ Пётр Чаадаев, народник и анархист Михаил Бакунин, революционный демократ Александр Герцен, актёр Михаил Шепкин...

Не знавший лично Станкевича Лев Толстой читал его переписку со слезами: «Никогда никого я не любил, как этого человека, которого никогда не видел». Михаил Бакунин считал, что знакомство со Станкевичем открывало новую «эпоху» в жизни.

Схоже мог бы заявить о себе, прежде всего, Алексей Кольцов. С легкой руки земляка воронежский поэт стал известен «по всей Руси великой». Именно в Удеревке «по сельским белым в сумраке холмам» бродили и задушевно беседовали два молодых человека. Московский студент прибыл домой на каникулы, а гость заехал из Воронежа.

Наш современник, писатель Владимир Кораблинов такой представлял эту встречу. Алексей Кольцов «стал читать. Сами стихи и манера чтения поразили Станкевича. Он слушал, не перебивая, точно боясь неосторожным словом спугнуть певца.

Кольцов прочел ему «Путника», «Соловья», «Терем» и, наконец, последнее, что сочинил, «Повесть моей любви».

Весь подавшись вперед, Станкевич глядел на Кольцова как на чудо, а тот всё пел, пел и, казалось, не видел... ничего: одна степь струилась перед глазами, ветер посвистывал в ушах да серебряные волны ковыля плыли и плыли вдаль...»

Доброжелательный слушатель почувствовал в собеседнике Божий дар. Дивная песня в 1831 году будет напечатана в «Литературной газете» с письмом к издателю: «Вот стихотворение самородного поэта г. Кольцова. Он воронежский мещанин, и ему не более двадцати лет от роду; нигде не учился и, занятый торговыми делами по поручению отца, пишет часто дорогою, ночью, сидя верхом на лошади. Познакомьте читателей с его талантом». Стараниями Николая Станкевича выйдет в свет книга «чудных кровнородных песен», первая и единственная при жизни народного поэта. «Уважение, участие, сочувствие со стороны брата Кольцову были полные», — свидетельствовал младший Александр Станкевич.

Об этих и иных вехах в жизни подвижника и философа с душой поэта вспоминали участники фестиваля.

Вначале встретившиеся в городке Алексеевка литераторы провели со школьниками и учащейся молодёжью «краеведческие уроки». Дом культуры «Солнечный» «угощал» книжной выставкой «Литературный родник Белгородчины», картинами художников и работами мастеров народных ремесел. Здесь же вновь с участием старшеклассников и молодёжи состоялась премьера литературно-краеведческого альманаха «Удеревский листопад». На его страницах – новые научные исследования, рассказы и очерки о жизни и творческом наследии Станкевича. В числе авторов – Александр Свалов (Санкт-Петербург), Николай Карташов (Москва), Алла Ботникова, Олег Ласунский, Екатерина Мушурова (Воронеж), Мария Микляева, Петр Чалый (Воронежская область) и Анатолий Кряженков. Богат лирикой поэтический венок Станкевичу. В приложении интересны воспоминания Владимира Мамуровского и письма Марии Алексеевны Станкевич (Калёновой), посвящённые старинному дворянскому роду.

Далее праздник традиционно складывался в путешествии по Алексеевскому району из встреч в доме-музее Н.В. Станкевича, расположенном в селе Мухоудеровка, в здешней школе.

Глубинка удивляла ухоженностью не показной, а повседневной. Ведь враз на ста километрах не прорубишь придорожные лесополосы, не побелишь известью снизу стволы деревьев. Вдоль автотрассы — состриженный косой травяной ковёр, на который никто вроде бы и не мусорит. «За чистоту и порядок в ответе я, — говорила глава сельского округа Мухоудеревка Валентина Былдина, — а со мной и все жители. Уже привыкли к этому люди». Кстати, в доме-музее не без гордости хранительница показала нам красивый кубок «За чистоту», которым отмечен «сельсовет» в смотре-конкурсе.

Под хозяйским приглядом ухоженные поля и просёлки, городки животноводческих ферм. Не встретилось и клочка выжженной земли — ни на скошенной стерне, ни в ярах и на буграх. С пожнивными остатками соломы, с бурьянами здесь умеют как-то управляться и расправляться, наводят и поддерживают «культуру» в степи без огненного смертного пала.

На сельских улочках не хоромы, обычные подворья. Но кинутых и одичалых усадеб нет.

Дом-музей, конечно, единственный, ему и положено красоваться в опояске ярких осенних клумб. Не уступает музею и дом культуры: перед ним свежая травяная зелень, цветущие астры, плиточные дорожки.

Непривычное многолюдье под сенью ещё не сбросившего золотую осеннюю листву Удеревского парка на высоком меловом речном берегу, где некогда располагалось «дворянское гнездо» Станкевичей.

Молитва у часовни, где стоял Покровский храм.

Поклоны и букеты цветов к могилам – отца и его именитого в русской культуре сына.

В самом парке со сцены приветствовал всех глава администрации Алексеевского района Станислав Валерьевич Сергачёв. О творческом наследии поэта и философа сказал земляк писатель Николай Александрович Карташов, автор книги «Станкевич» в серии «Жизнь замечательных людей». Председатель регионального отделения Союза писателей России поэт Владимир Ефимович Молчанов особо выделил мысль философа об ответственности «пишущих»:

Всем известно: слово – это дело. Словом злобным ранить не спеши. Пулю можно вытащить из тела, Слово – невозможно из души.

Один из «моторов» — организаторов праздника — писатель-краевед Кряженков напомнил о том, как Станкевич явил миру стихи-песни ещё неизвестного, но уже классика отечественной литературы Алексея Васильевича Кольцова.

Альманах «Удеревский листопад» зазвучал и здесь — на сцене летнего театра. Выступления-размышления чередовались с чтением стихов, с песнями. Зал тепло принимал литераторов, среди которых были члены Союза писателей России Виктор Череватенко из Белгорода, Юрий Макаров из Ровенёк, Василий Куликов-Ярмонов из Острогожска, Рита Одинокова и Виктор Беликов из Россоши. Гости добрым словом вспоминали не только Николая Станкевича, но и других именитых земляков из ближней округи — художника Ивана Крамского, историка Николая Костомарова, литератора Александра Никитенко, поэта Евгена Плужника. Нам есть, кем гордиться.

Если здесь сцена стала поэтическим, певческим и театральным «полем», то на ближних полянах можно было любоваться выставками картин и фотографий, творениями мастеров художественного декоративно-прикладного искусства. Тут же работники Алексеевской центральной районной библиотеки вместе со школьниками вели «путешествие в мир Станкевича» и детский конкурс, приуроченный к Году экологии и охраны природы. Как всегда, в парке оживало прошлое — крестьянский, казачий и дворянский быт.

...А на удеревских крутогорах вспоминались строки из писем Станкевича: «Сельская жизнь имеет для меня прелесть только в Удеревке». «Альпы едва ли так понравятся мне, как меловые холмы над рекой Сосною», «...ещё никогда не чувствовал я сильнее, что отечество и семейство есть почва, в которой живет корень нашего бытия; человек без отечества и семейства есть пропащее существо, перекати-поле, которое несётся ветром без цели и сохнет на пути... От этого избави нас, Боже».

На юру ещё и ещё поклонились могиле Станкевича, верному сыну Отечества, сказавшему здесь о себе: «Душа моя светла!»

...Шумел праздник людским многоголосьем и вторил ему на ветру деревьев шум в вершинах высокоствольных лип. А уже слегка припорошенные листвой под ними тропы напоминали: вот и осень, «очей очарованье».

Где цветут воронцы

Главная улица рабочего посёлка Каменка украшена призывным щитом-картиной. Сам Александр Ярославич Невский будто шагнул сюда с картины Павла Дмитриевича Корина. Встал русский полководец, небесный покровитель Сухопутных войск Российской Федерации, пока с опущенным мечом в руке. И славянской вязью строки:

Как ликует заграница И от счастья воет воем, Что мы встали на колени. А мы встали на колени Помолиться перед боем...

Так и хочется сказать: прохожий, остановись! Читай и думай.. Русский поэт, наш современник, Николай Александрович Зиновьев из схожего районного городка Кореновск, что на Кубани, улыбнётся, прослышав, что его стихи «изданы» плакатно и читаются как народные. Звучат как достойный ответ новым «золотоордынцам», опоясавшим границы нашего Отечества разноплеменными до зубов вооружёнными войсками.

Рядом же заводская проходная крупнейшего в России предприятия пищевой промышленности — Евдаковского масложиркомбината. По железнодорожным и автомобильным путям с полей сюда течёт река золотистого подсолнечного масла. В цехах мастера превращают его в «жемчуг». Известен он как уже незаменимый продукт — маргарин. Это искусственное масло — перламутровые брусочки в красочной упаковке — отгружают на пищевые прилавки.

Тут крепят экономику страны.

Необходимо пояснение. Комбинат поименован по названию расположенной в воронежском районном центре Каменка и как бы укрывшейся в её тени железнодорожной станции Евдаково по Юго-Восточной железной дороге.

А здешнее уважение к литературному слову пусть не удивляет. Неподалёку портрет Антона Павловича Чехова с его крылатыми словами о том, что «в человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Есть даже уличная местная поэтическая галерея. На ней портреты Анатолия Ивановича Хильченко, Клары Кирилловны Дроздовой, Николая Никифоровича Гойкалова, Галины Иосифовны Петриевой и их собратьев по перу, призывающих видеть, ценить и любить свой край, хранить уважение к его истории, к землякам.

Неоглядный простор, перемешанный край: Малороссия, Русь и казаки... И Хопёр, и Донец, и Оскол, и Валуй, Городища, урёмы и степи — Предкам нашим все они испокон Государства славянского крепи.

Вблизи Каменки, у изножья степного холма, святые целительные Серебряные ключи. Символично название местного литературного объединения — «Родничок».

* * *

Перелистываю страницы своих блокнотов. Май 2006 года.

...Когда весна встречается с летом, в Ольховом логу среди зеленотравья ало вскипают цветы редкостной красы — степные пионы. Воронцами их называют в народе. Здесь, в Каменском районе, уже в четырнадцатый раз свиделись истинные любители словесности. Под куполом небес, где «нежно-радостным пожаром полыхает балки склон», вновь зазвучали стихи.

С легкой руки поэта-самородка Анатолия Ивановича Хильченко родился этот светлый праздник «Воронцовая Русь», который теперь стал областным сельским «Днём поэзии». Нынешняя встреча оказалась особенно представительной. Съехались гости из шестнадцати районов нашей области, из Воронежа, Кубани, Москвы, из соседних белгородской Алексеевки и украинского луганского Белокуракино.

Открылся и во всю силу праздник разгулялся в Каменском доме культуры.

Песнями покорил народный хор.

На экране высветились лица поэтов — тех, кто стоял у истоков Дня поэзии, кого, к горькому сожалению, уже нет рядом с друзьями: Анатолия Хильченко, Раисы Дерикот, Ивана Пахомова. Василия Кривошеи...

Но живы стихи, положенные на музыку. Исполняли их самодеятельные композиторы Николай Басов из Новой Калитвы Россошанского района, Валерий Тищенко из Боброва, Алексей Дубровин из Россоши и другие.

Поделилась радостью руководитель Каменского творческого клуба «Родничок» Клара Дроздова. Она представила недавно изданный в Воронеже коллективный стихотворный сборник.

Гости из Украины рассказали о том, что удачно позаимствовали опыт фестивалей в Россоши, Кантемировке, Каменке. Теперь и у них есть свой праздник «Воронцовая слобода».

Принимали подарки от друзей из Алексеевки – картины и

книгу-альбом «На Тихой Coche».

Читали со сцены стихи — яркое подтверждение тому, что глубинка богата талантами. Кстати, участники «Воронцовой Руси» пополняют ряды писательские: в члены Союза писателей России приняты Светлана Ляшова из Старой Калитвы, Василий Жиляев из Новой Калитвы Россошанского района, Рита Одинокова и Виктор Беликов из Россоши, Василий Куликов-Ярмонов из Острогожска.

Танцевальной «дробью» чуть не проломили пол ребята из местных ансамблей «Жемчужинка» и «Раздолье». Зал аплодировал от души.

Затем настал час учёбы. Воронежские литераторы на семинарах слушали и оценивали труды авторов. Поэт Александр Голубев назвал имена тех, чьи стихи будут рекомендованы к печати в журнале «Подъём». Раскалился магнитофон у Татьяны Нюхиной. Благодаря ей, мастеру-журналисту, тысячи и тысячи слушателей Воронежского областного радио тоже побывают «на воронцах» в её постоянной радиопередаче «Услышь меня, моя деревня».

Праздник по сложившейся традиции завершился в степи. Друг другу снова читали стихи и пели песни, дарили книги и вели душевные разговоры. А ещё благодарили хозяев: заведующую Каменским районным отделом культуры Любовь Касьянову, заместителя главы района Виктора Ударова, их помощников за то, что «помогли каждому на людей посмотреть и себя показать».

А ещё не могли наглядеться на сказочный «аленький цветочек», загадывали, что расстаются с ним до будущей весны.

Январь 2013 года.

...В 1942 году фашисты захватили западную часть Воронежской области. Они «спрямляли» рельсовые пути из Харькова к Сталинграду на костях военнопленных и сельских жителей. Эта трагичная история воссоздана в слове краеведами и литераторами.

А теперь у въезда в Каменку, где сближаются разделённые густорослой лесополосой две дороги — асфальтовая шоссейная Воронеж — Луганск и рельсовая железнодорожная Юго-Восточная, встал мемориал.

Светлокирпичная арка с медным колоколом. Стена «СКЛОНИ ГОЛОВУ» в память о павших строителях «ДОРОГИ НА КРОВИ». Рядом — старинный паровозный семафор у обрывчатого рельсового пути с грузовой вагонеткой.

Памятник павшим военнопленным и мирным сельским жителям таким запечатлел-вычертил на листах бумаги архитектор-художник, почётный гражданин Каменки Владимир Алексеевич Климов. А в яви мемориал обрёл зримый вид народной стройкой, какую возглавил прежний глава поселковой, а ныне районной администрации Кателкин. Анатолий Стефанович, опираясь на краеведов, сумел объединить в один кулак силы и средства строителей, монтажников, железнодорожников, предпринимателей всей округи — из Лисок, Острогожска и своей Каменки.

Спустя семьдесят лет — 16 января 2013 года — в снежном степном безмолвии опалил души на земле и в горних небесных высотах колокольный звон...

Содержание

Предисловие. С книгой не расставайтесь!	3
Воронежские Чеховы	18
Чертковские пруды	35
Тарасова родня	52
Первый после Карамзина	64
Острогожские дали	77
Отец и сын	85
Священники Соколовы	90
Вёшки. Лосево. Пески	95
Буча, переулок Садовый	103
Родниковый «ручей души моей»	146
Харьковчанин из моей Россоши	153
Служу Слову	165
Ваш сын и брат	178
Хлеб художника	190
Певец городских окраин	194
Купола сияют всем	202
Ковыль по ветру стелется	205
Белорусские земляки	211
Послесловие Нал полями, ла нал чистыми	215

Пётр Дмитриевич Чалый

ГДЕ ДУША С ДУШОЮ ГОВОРИТ

Литературно-документальные повествования, рассказы.

Дизайн обложки, компьютерная вёрстка— О.И. Сотникова Корректор— О.В. Мартьянова

> Подписано в печать 21.06.2021 Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура AdonisC. Усл. печ. л. 11,76. Тираж 300 экз. Заказ № 562.

Отпечатано АО «Воронежская областная типография». 394071, Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73а. www.oblprint.ru тел.: 8(473)20-20-900, 277-75-77